

Александр Александрович Зиновьев

Идеология партии будущего

В книге известного русского философа А.А.Зиновьева рассматриваются проблемы, связанные с понятием "интеллектуального фактора" или "фактора понимания". Автор считает, что это понятие имеет принципиальное значение при формировании различного рода политических и общественных учений.

Он предлагает собственную теорию "фактора понимания" с единым понятийным аппаратом, организованным в целое по правилам разработанной автором логической концепции.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После распада советского коммунистического блока, распада самого Советского Союза и разгрома коммунистического социального строя в странах этой части человечества в мире началась эпоха эволюционного спада, эпоха тотальной социальной реакции. Социальная направленность этой реакции – антикоммунизм, антисоциализм, антидемократизм и антилиберализм. Важнейшим компонентом этой реакции является искусственно создаваемое и всячески поощряемое тотальное помутнение умов, искусственная реанимация дремучих идеологий прошлого и изобретение новых того же интеллектуального уровня и направленности. Осуществляет её западнистское сверхобщество во главе с США. Она не встречает серьезных препятствий, которые могли бы её остановить и даже хотя бы ослабить. Самой крупной жертвой этой реакции, а теперь и её активным участником на стороне США стала Россия. Этот эволюционный процесс становится угрозой существованию миллиардов людей на планете и всему человечеству. Может ли он быть остановлен? Если это возможно, то, по моему убеждению, лишь при том условии, что будет создана новая идеология, сопоставимая по масштабам с марксистской идеологией, но превосходящая её по интеллектуальному уровню и по степени соответствия условиям и потребностям наступившего третьего тысячелетия, и возникнет достаточно сильная организация единомышленников, которая примет такую идеологию и сделает своей сознательной целью социальные преобразования в духе идеала будущего человечества, предлагаемого в этой идеологии.

Я здесь хочу изложить мои соображения по поводу такой идеологии для партии будущего. Эти соображения основываются на моих многолетних исследованиях, опубликованных в России в многочисленных книгах, статьях, публичных докладах и интервью. Основные из этих публикаций суть следующие: * «Очерки комплексной логики» (Эдиториал УРСС, Москва, 2000); * «Коммунизм как реальность» (Центрполиграф, Москва, 1994); * «Запад» (Центрполиграф, Москва, 1995); * «На пути к сверхобществу» (Центрполиграф, Москва, 2000); * «Гибель русского коммунизма» (Центрполиграф, Москва, 2001); * «Русская трагедия» (Алгоритм, Москва, 2002); * «Логическая социология» (Социум, Москва, 2002).

ЧТО ТАКОЕ ИДЕОЛОГИЯ

Что такое идеология? Ясности и определенности на этот счет нет. В советские годы слово «идеология» употребляли неохотно. А если употребляли, то чаще в негативном смысле, поскольку Маркс вслед за Наполеоном определил идеологию как ложную (искаженную) форму сознания. Марксизм же в Советском Союзе официально рассматривался как наука, а не как идеология. Вместе с тем в партийном аппарате были специальные функционеры и даже целые отделы, которые ведали работой, называвшейся идеологической. На Западе же марксизм относили именно к идеологии наряду с маоизмом, национал-социализмом, фашизмом и другими явлениями такого рода. Крах этих учений объявили концом эпохи идеологий и началом эпохи деидеологизации. Западное общество рассматривали как неидеологическое, связывая слово «идеология» исключительно с коммунизмом (марксизмом, ленинизмом), фашизмом, национал-социализмом. В постсоветской России слово «идеология» стали употреблять довольно часто. Заговорили об идеологическом вакууме (после отмены марксизма-ленинизма) или об идеологическом хаосе, о потребности в идеологии для партий, для власти и даже для всего народа. Стали сочинять тексты, претендующие на роль идеологии.

Если просмотреть те определения идеологии, которые даются в профессиональных философских и социологических сочинениях, и суждения о ней, то поражает разноголосица, поверхностность, пустословие, эклектичность и полное отсутствие даже малейших намеков на научное понимание одного из важнейших социальных явлений. А без научного, удовлетворяющего критериям логики, определения всякие разговоры на тему об идеологии лишены смысла.

Предварительно идеологию можно определить как совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т.п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения. Но чтобы описать, какими

свойствами обладает эта совокупность и какие функции она выполняет в жизни людей, надо рассмотреть её как часть сложного комплекса социальных явлений.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Социальные объекты суть объединения людей, а люди – члены этих объединений. Все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек – атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, напрашивается само собой, – это люди. Но не просто люди со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить, а лишь с такими, которые непосредственно играют социальную роль и учитываются при определении человека как социального атома. Человек в этом качестве не делится на части, которые сами суть социальные объекты. Он в этом качестве состоит из тела, способного выполнять необходимые для его существования действия, и особого органа, управляющего телом, – сознания. Задача сознания – обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение.

Хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии – в «перевернутом» виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности, или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы.

Обычно, говоря о сознании людей, имеют в виду содержание сознания (образы, мысли) и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы. Аппарат сознания человека

состоит из чувственного, биологически прирожденного и передаваемого по биологическому наследству аппарата, и знакового, искусственного, неприрожденного и не передаваемого по биологическому наследству аппарата. Первый состоит из головного мозга, нервной системы и органов чувств. Он неотделим от человеческого тела, есть часть тела. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т.д. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Второй (знаковый) аппарат возникает на основе первого (чувственного), предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата роль его в сознании людей становится настолько значительной, что он становится доминирующим.

Суть знакового аппарата заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы, могут накапливаться из поколения в поколение. Изобретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются с рождения. Они не наследуются биологически. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила.

Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, осязаемые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак или с их помощью изобретается новый знак, для которых нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым («круглый квадрат», «всемогущий Бог»). Но невозможно такое, чтобы знак был нематериален, т.е. невидим, неслышим, неосязаем.

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в сознании цель действия, т.е. осознает, в чем именно должно заключаться действие, и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной мере действуют непроизвольно, наугад, животнобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является

продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию.

Социальным объединением я называю сознательное объединение людей как социальных атомов для совместных сознательных действий. Эти объекты не наследуются биологически. Они искусственно изобретаются, сохраняются (воспроизводятся) и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Это не означает, будто они суть продукты субъективного произвола людей. Существуют определенные объективные законы, с которыми так или иначе люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности в этом её аспекте. Эти законы объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет (как правило, они о них не знают или не осознают их в качестве именно объективных законов).

Особенность социальных законов состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и дочеловеческой живой природы, т.е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких явлений. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их нужна особая работа ума, особые познавательные операции.

Приведу для примера простейшие социальные законы социальных объединений. Чтобы такое объединение как целое совершало сознательные действия, оно должно как целое обладать управляющим органом, сознанием. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся воплощением мозга объединения, и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Часть членов объединения должна стать носителями и исполнителями функции сознания объединения. Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным.

Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органа, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не

могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать.

ЧЕЛОВЕЙНИК

Человеческие объединения как социальные объекты многочисленны и разнообразны. Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человеёмником. Это объединение обладает следующим комплексом признаков. Члены человеёмника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеёмника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человеёмнике различные позиции. Причем, эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий жизни человеёмника. Члены человеёмника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человеёмника. Человеёмник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т.е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т.е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеёмника осознают их как чужих.

Человеёмник характеризуется материалом (веществом, материей), из которого он строится, и организацией этого вещества. Материал человеёмника образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования: орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Согласно моей теории, определяющим фактором формирования, функционирования и эволюции человеёмников является их социальная организация. Социальной организацией при этом я называю то в организации человеёмника, что обусловлено социальными законами.

Социальная организация возникает, функционирует и эволюционирует одновременно во многих различных измерениях. Основные измерения суть следующие.

Прежде всего можно различить два аспекта, в которых происходит жизнедеятельность членов человеенника: деловой и коммунальный. В первом из них люди занимаются каким-то делом, благодаря которому они могут существовать и удовлетворять свои потребности, выполнять в человееннике тем самым какие-то функции. Во втором люди совершают какие-то поступки и вступают в какие-то отношения в зависимости от того, что их много, что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение и как-то считаться друг с другом.

Деловой и коммунальный аспекты различаются в одном измерении человеенника. В другом измерении различаются телесный и «духовный» (менталитетный) аспекты. В первом из них люди живут и действуют как существа телесные. Во втором люди обучаются и обрабатываются применительно к условиям и требованиям своего человеенника. Я называю его менталитетным, поскольку формирование и поведение человека в качестве члена человеенника есть, прежде всего, формирование его сознания (менталитета) и сознательное поведение. Различение этих аспектов возникает одновременно с различением делового и коммунального аспектов. Происходит, далее, дифференциация внутри каждого из аспектов, причем в разных измерениях.

В структуре человеенника можно различить также три основных уровня – микроуровень, макроуровень и суперуровень. На микроуровне члены человеенника образуют первичные деловые клеточки. Такие клеточки образуют основную массу тела человеенника. В них протекает основная жизнедеятельность членов человеенника. На макроуровне образуются объединения деловых клеточек в особые сферы, охватывающие своей деятельностью человеенник в целом, – образуют органы человеенника, выполняющие особые функции его как целостного социального организма. Основные из этих сфер суть сферы власти, хозяйства и менталитета. В высокоразвитых человеенниках, какими являются общеизвестные и привычные общества, эти сферы есть государственность, право, экономика, идеология. Суперуровень человеенника образуют явления, возникающие на основе явлений микроуровня и макроуровня, но выходящие за их пределы. Это социальные слои и классы, партии, профсоюзы и другие объединения людей. На этом уровне возникают сверхклеточные, сверхгосударственные, сверхправовые, сверхэкономические явления. То, что называют гражданским обществом, есть явление на суперуровне.

История человечества есть история возникновения, изменения, борьбы, гибели, распада, эволюции и т.д. человеенников. Я различаю три эволюционных их типа по уровню социальной организации: предобщества, общества и сверхобщества.

Исторически предобщества были предшественниками, материалом и условиями возникновения обществ. Это, например, большие семьи, роды, племена, союзы племен. Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Эти люди образуют группы, имеющие свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и

быть даже противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. Я употребляю для обозначения её основных компонентов выражения «сфера государственности» («государственность», «государство»), «сфера экономики» («экономика»), «идеологическая сфера» («идеосфера», «идеология»).

Наивысшего уровня общественная социальная организация достигла в XX веке в странах западного мира.

Эволюция человеиников не закончилась уровнем обществ. В двадцатом веке произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. Самую глубокую социальную основу его образует то, что начался переход человечества от стадии обществ к стадии человеиников более высокого уровня социальной организации – к стадии сверхобществ, социальная организация которых определяется понятиями «сверхгосударство», «сверхидеология», «сверхэкономика» и т.д. Исторически первым сверхобществом явилось то, которое было построено в нашей стране после Октябрьской революции 1917 года.

Великий эволюционный перелом проявился во множестве явлений, в их числе – в превращении социальной эволюции в планируемую и управляемую, в тенденции к безальтернативности (тоталитарности) эволюции, к виртуализации и регрессивности. Чтобы увидеть все это и понять, необходимо выработать в себе способность к научному подходу к социальным явлениям, о чем скажу ниже.

МЕНТАЛИТЕТНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Когда число людей в человеинике невелико, и менталитетный аспект развит слабо, один человек в одиночку или с несколькими помощниками может выполнять все то, что требуется для жизни и самосохранения человеиника в этом аспекте. В больших и развитых человеиниках происходит разрастание и усложнение менталитетного аспекта, возникает особая сфера из множества людей, каким-то образом организующихся, происходит разрастание и усложнение этой сферы как особого компонента социальной организации человеиника. Первоначально это – одна единая сфера. Со временем происходила её дифференциация на ряд различных сфер и отпочкование от неё в виде самостоятельных

сфер, отчасти выходящих за рамки менталитетного аспекта, а то и вообще теряющих исторически исходные функции. Таким путем на уровне общества произошло отпочкование сфер науки, искусства, образования, развлечения, информации. В современных обществах в менталитетной сфере функционируют религиозные организации, школы, университеты, газеты, журналы, книжные издательства, театр, кино, музеи, галереи, писатели, художники, всякого рода творческие союзы, научные учреждения, радио, телевидение и т.д. и т.п. Если принять в расчет огромное число людей, обслуживающих тех, кто профессионально занят в менталитетной сфере, то в этой сфере оказываются заняты до 20 процентов работающих членов общества (если не больше).

В результате дифференциации менталитетной сферы и образования различных сфер со своей особой специализацией произошло то, что основная функция исторически исходной единой (недифференцированной) менталитетной сферы стала функцией одной из её частных сфер, образовавшихся в её развитом состоянии. Будем называть эту сферу идеологической или идеосферой.

Можно, таким образом, констатировать два уровня в эволюции менталитетной сферы человеков. Низший – недифференцированная менталитетная сфера. Назовем её доидеологической. Более высокий уровень – дифференциация менталитетной сферы, отпочкование сфер познания (науки), искусства, образования, развлечения и других, образование идеосферы. Назовем этот уровень идеологическим.

КЛЕТОЧКА ИДЕОЛОГИИ

Слово «идеология» употребляется во многих различных значениях, в том числе – для обозначения своего рода субстанции, как бы растворенной в человеке, образующей аспект жизни членов человека, компонент его организации. Но эта субстанция имеет определенную структуру. Частичками её являются своего рода идеологические клеточки и фрагменты таких клеточек, разбросанные по другим явлениям менталитетного аспекта. Эти клеточки также называются идеологиями. Они обладают свойствами, присущими идеологической субстанции в целом. Понимание их дает ключ к пониманию идеологии в первом смысле.

Идеологическая клеточка есть сравнительно автономная совокупность слов и образованных из них высказываний (суждений, утверждений), т.е. явление языковое. Это, можно сказать, некоторый текст. Употребляется также выражение «совокупность идей». Идеология в самом узком смысле слова есть, таким образом, некоторое языковое образование, текст, совокупность идей. Она характеризуется некоторым комплексом признаков, отличающим её от научных, политических, юридических, литературных, деловых, бытовых и всех прочих языковых

образований, текстов, совокупностей идей. Рассмотрим кратко основные из этих признаков.

По своему содержанию идеология есть совокупность суждений (высказываний, фраз, утверждений) о явлениях, среди которых приходится жить людям, которые приходится им наблюдать, с которыми приходится иметь дело, о которых приходится размышлять, – о человеке, о сознании, об отношениях между людьми, о природе, о космосе, о прошлом, о будущем и т.д. Это не значит, что каждая идеология по отдельности содержит в себе эти суждения. Идеологий много. Они различны по составу таких суждений. Бывают сравнительно бедные, бывают богатые, широкие. Но все множество идеологий в совокупности охватывает все те явления, которые попадают в сферу внимания каких-то людей и отражаются в их сознании в форме идеологических суждений.

Но специфическая социальная роль (функция) идеологии – не познание реальности, не образование, не развлечение, не информация о событиях и т.д. (хотя это все не исключается, а предполагается), а формирование у людей определенного понимания явлений окружающей их среды и жизни в этой среде. Причем, такого понимания, которое существенным образом влияет на их поведение. Другими словами, специфическая функция идеологии – формирование сознания людей и воздействие на их поведение путем воздействия на их сознание.

Идеология возникает не сама по себе. Она сознательно изобретается особыми людьми – творцами идеологии. Ее изобретение не сводится к тому, чтобы изобрести некоторый текст. Этого мало. Этому тексту ещё должна быть навязана определенная социальная роль: некоторая совокупность людей должна использовать этот текст как средство воздействия на другую совокупность людей ради достижения своей цели. Будем первую совокупность людей называть субъектом идеологии, а вторую – объектом её воздействия. Идеология функционирует не сама по себе. Субъект идеологии сознательно использует изобретенный идеологический текст для формирования сознания людей, входящих в объект идеологии, и воздействия на поведение этих людей путем воздействия на их сознание в желаемом для себя духе.

Задача идеологии – стандартизация сознания людей, для которых она предназначена, т.е. выработка у них некоторого стандартного, одинакового для всех способа понимания окружающих их явлений бытия и их жизни. Причем, не побуждение людей к самостоятельному познанию, а навязывание им некоторого априорного, изобретенного другими (творцами идеологии) понимания включаемых в сферу внимания идеологии явлений. Идеология дает людям априорную систему интеллектуальных координат, позволяющую им в той или иной мере ориентироваться в социальной среде, причем – в интересах, задаваемых субъектом идеологии. Хотя творцы идеологии вырабатывают её на основе какого-то познания реальности, она создается именно с такой целью, чтобы стать априорным инструментом сознания. С этой точки зрения она не хуже и не лучше научных, литературных, политических и прочих словесных конструкций (текстов). У последних другие социальные функции. И ничто иное не может заменить идеологию в этой её специфической функции.

Чтобы идеология смогла успешно выполнить свою задачу, она должна удовлетворять определенным критериям. Она должна быть словесно понятна для тех, для кого она предназначена, без специального образования или хотя бы при условии общепонятных пояснений. Она должна в какой-то мере соответствовать интересам и желаниям этих людей, их умонастроениям. Она должна восприниматься этими людьми как обоснованная признаваемыми ими аргументами, убедительная. Она должна быть адекватной реальности, в которой живут идеологически обрабатываемые люди.

Идеология в целом – не инструкция для действий и не кодекс правил поведения, хотя в ней и могут быть отдельные фрагменты такого рода. Идеология – средство, с помощью которого определенные люди вырабатывают желаемый «поворот мозгов» у других людей, который сказывается в некоторых поступках последних. Люди совершают свои поступки под влиянием многих факторов. Идеология является лишь одним из них и далеко не всегда – решающим.

Идеология характеризуется силой воздействия на людей, – степенью эффективности. Эта степень должна быть достаточно велика, чтобы идеология выжила в качестве актуально функционирующего социального явления. Если она опускается ниже некоторого минимума, то данный текст перестает выполнять функции идеологии. Как следствие она сходит со сцены истории. Степень эффективности зависит от многих факторов, в их числе – от состояния объекта идеологического воздействия, от затрат на распространение, от степени адекватности и т. д.

Идеология изобретается с целью проникнуть в сознание определенной категории людей. Но идеи не сами собой проникают в головы людей. Мало изобрести идеи, какими бы хорошими они ни были. Должны быть особые личности, задача которых – вбивать идеологию в головы людей, намеченных для этой цели. Эти личности образуют идеологический механизм. Когда их много и в их распоряжении оказывается время и средства, они организуются и вырабатывают особую технологию идеологической обработки людей.

Сознание отдельно взятых конкретных людей формируется под влиянием множества разнообразных факторов. В их число входит множество различных идеологий, а не одна какая-то определенная идеология. Люди приобретают какие-то элементы идеологии от окружающих их людей, в бытовом и деловом общении с ними, в процессе воспитания и образования, из литературы и средств массовой информации и т.д. Люди сами что-то изобретают, наблюдая окружающую реальность и обдумывая свой личный жизненный опыт. У них в сознании образуется то, что можно назвать их идеологическим состоянием.

В человеческих объединениях возникают и функционируют различные идеологии, обладающие различными характеристиками. Многие внеидеологические явления содержат в себе какие-то элементы идеологии и фактически выполняют какие-то идеологические функции. Это, например, литература, театр, живопись, кино, телевидение. Так что можно говорить об идеологическом состоянии человеческих

объединений.

Идеологий было много в прошлом и много существует в наше время. Это явления исторические в том смысле, что возникают, какое-то время живут, т.е. овладевают умами и чувствами каких-то множеств людей, и умирают, т.е. выходят из практического употребления, забываются и даже исчезают из человеческой памяти бесследно. Одни из них живут недолго и охватывают небольшое число людей, другие живут десятилетия, столетия и даже тысячелетия и охватывают огромные массы людей, многие миллионы. Влияние одних на жизнь людей и на ход истории ничтожно, другие же определяют весь образ жизни людей и характер целых народов и исторических эпох. Примером идеологий глобального и эпохального масштаба являются известные мировые религии и марксизм. Примером маленьких (частных и кратковременных) идеологий могут служить идеологии партий, общественных движений, сект. И по текстуальным размерам одни учения могут состоять из небольшого числа фраз, которые можно записать на нескольких страницах, и могут включать в себя огромное число всякого рода сочинений, на профессиональное изучение которых тратят целую жизнь бесчисленные специалисты. Отдельные учения, начав жизнь с нескольких фраз, со временем разрастаются до гигантских размеров.

Идеология может быть зафиксирована явно в виде одного систематизированного учения, как это имеет место, например, в случае марксизма-ленинизма, или может оставаться несистематизированной, рассеянной по многочисленным и разнородным текстам так, что изложить её в виде единого систематичного учения представляется весьма затруднительным делом, как это имеет место, например, в современных западных странах. Возможны смешанные варианты между этими крайностями.

Идеологии различаются по многим признакам. Например, бывают идеологии партий, общественных движений, власти, классов, каст, слоев и т.п. Важно различать частные идеологии, объектами которых являются какие-то части членов человеиников, и идеологии, охватывающие человеиники в целом. В определениях идеологии очень часто (если не как правило) указывают на их классовый характер. Но фактически бывают идеологии неклассовые. Например, неклассовой была советская идеология. Неклассовой является и идеология западнизма. Они являются идеологиями Советского Союза и, соответственно, западных стран в целом, т.е. не рассчитаны на какую-то отдельную часть населения. Это не означает, что все члены человеиника разделяют идеологию человеиника в целом. Это означает лишь то, что такая идеология официально признается компонентом социальной организации, поощряется и порою даже принудительно навязывается всем.

Идеологии различаются также по эволюционному уровню. Я различаю три уровня такого рода: 1) предидеологии; 2) собственно идеологии; 3) сверхидеологии. На первом уровне идеология существует в качестве особой функции более сложного социального объекта, который в целом идеологией не является. Например, идеологическая функция является одной из функций религиозной организации (в частности, церкви). На втором уровне идеология существует в качестве средства особых

социальных объектов, являющихся субъектами идеологии. Иначе говоря, на этом уровне идеология выделяется в качестве особого объекта менталитетной сферы, отличного от других (от религии, науки, литературы и т.п.). На этом уровне идеология существует наряду с другими объектами менталитетной сферы. Такая ситуация имеет место в обществах западного мира. На третьем уровне идеология приобретает функции контроля над прочими частями менталитетной сферы, объединяет их в единое целое, подчиняет их себе. Тут происходит идеологизация всей менталитетной сферы человека и всего менталитетного аспекта. Это можно было наблюдать в Советском Союзе и других коммунистических странах, а также в гитлеровской Германии. Когда западные теоретики заговорили о конце эпохи идеологий, они под идеологией понимали сверхидеологию в моем смысле. Тот факт, что западные страны фактически были родиной идеологий в смысле упомянутого выше второго уровня и имели их в избытке, они не заметили.

В конкретной реальности различия приведенных уровней выражены не так явно, как в этой абстрактной схеме. Тут одновременно существуют признаки всех трех уровней. Но все же эти уровни, так или иначе, имеют место. Возможно, что какая-то идеология зарождается как предидеология, затем отпочковывается в виде особой идеологии и со временем становится сверхидеологией. Именно так произошло с марксистской идеологией. Марксистское учение возникло не как идеология. Последняя в нем была лишь одним из аспектов. Лишь с появлением «Манифеста коммунистической партии» (1848 год) можно констатировать появление марксизма как идеологии (второй уровень). В Советском Союзе марксизм стал основой советской сверхидеологии.

Идеологии, наконец, можно различать по интеллектуальному уровню. Одни сочиняются на самом примитивном уровне обывательского мышления, другие – на высотах культуры. В этом диапазоне можно наблюдать самые разнообразные варианты. Примером высокоинтеллектуальных идеологий являются изощренные философские концепции. Очень высокий для своего времени интеллектуальный уровень имела марксистская идеология. И необычайно низкий уровень имеют идеологии целого ряда партий постсоветской России.

Со времени Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, пошла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. Мнение Наполеона разделял и Маркс, ставший по иронии истории создателем величайшей светской (нерелигиозной) идеологии, а не научного понимания человеческого общества, на что претендовал. В справочниках и словарях идеология, как правило, определяется как ложное учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Тут есть третья возможность, а именно – идеология не истинна и не ложна, к ней вообще неприменимы понятия истинности и ложности. Ее отдельные фрагменты, будучи вырваны из контекста идеологии и взяты сами по себе, т.е. просто как отдельные суждения, могут сопоставляться с реальностью и оцениваться как истинные или ложные. Но идеология как целое оценивается степенью адекватности той социальной реальности, в которой живут её потребители.

Степень адекватности конкретной идеологии той реальности, с которой её сопоставляют, зависит от многих факторов, в их числе – от того, какие явления реальности в ней отражены, насколько важны они, каково соотношение истинных и ложных суждений, входящих в нее. Так что возможно, что степень адекватности идеологии может быть сравнительно высокой, хотя она может содержать много ложных суждений, и низкой, хотя число ложных суждений в ней может быть меньше, чем в первом случае. Степень адекватности идеологии может меняться с годами, если происходит изменение реальности, с которой её соотносят. В реальности могут исчезать одни явления, о которых говорится в идеологии, и появляться новые, о которых в идеологии нет ни слова, хотя эти явления становятся более важными для жизни людей, чем исчезающие. Возможны и противоположные процессы.

Принципиально важно иметь в виду то, что в самом понятии идеологии не должно содержаться указание на искажение реальности. Искажение реальности привносится в идеологию её субъектом, её творцами и пропагандистами, т.е. вмешательством субъективных интересов. Так что априори не исключается возможность идеологического учения с очень высокой степенью адекватности, практически не искажающего реальности. Ведь и в науке, стремящейся к истине, бывают ошибочные теории, но мы на этом основании не включаем в определение науки искажение реальности. Так что определение идеологии как ложного отражения реальности ошибочно логически.

Идеология извращает реальность. Но она это делает в основе своей не в силу дурных намерений и глупости, а в силу своей роли в жизни людей и в силу средств исполнения этой роли. Лишь на этой основе развивается сознательное извращение реальности и изобретается специальная техника для этого. Социальная сущность идеологии состоит не в том, что она извращает реальность, а в том, как именно она это делает и с какой социальной целью. Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, проявляющиеся в стереотипах поведения. Задача идеологии – приучить какое-то множество людей сходным образом думать о каких-то явлениях реальности и совершать какие-то поступки под воздействием такого понимания сходным образом. А для этого реальность должна быть таким образом отражена, чтобы эта цель была достигнута. Например, чтобы побудить граждан страны защищать её от врага, идеология должна создавать апологетическую картину своего общества, т.е. выделять и подчеркивать его достоинства и преуменьшать или вообще замалчивать его недостатки, и критически-негативную картину общества врага, т.е. замалчивать его достоинства и выделять его недостатки. И образ врага должен создаваться таким, чтобы к нему возникала ненависть.

ИДЕОСФЕРА ОБЩЕСТВА

При рассмотрении идеосферы мы с самого начала должны принимать во внимание следующее. Это – именно сфера общества, которую образует множество людей, группы и организации людей, в совокупности выполняющих специфические функции в обществе, профессионально занятых выполнением этих функций и удовлетворяющих свои жизненные потребности за счет этой своей деятельности. Проблема заключается в том, каковы эти функции, как организованы упомянутые люди для их исполнения, какими средствами они располагают и как ими оперируют, каков совокупный результат их деятельности. Обычно же эта совокупность факторов игнорируется, и идеосфера сводится к совокупности идей, учений, лозунгов, причем определенного рода, в силу привычки и предрассудка считаемых образцами идеологии.

Людей, образующих идеосферу, будем именовать идеологами. Объектом деятельности идеологов являются люди. Причем не люди вообще, а члены их общества, и не все в людях, а лишь их сознание. Задача идеологов – не изучение сознания таким, каким оно является само по себе, независимо от идеологов, а формирование сознания людей таким, как это требуется интересами самосохранения общества. Идеологи призваны делать сознание таким, какое требуется заранее заданным образцом. Конечно, они в какой-то мере изучают сознание как материал своей работы, как-то опираются на то, что складывается в сознании людей стихийно, на основе их жизненного опыта и общения с окружающими людьми. Но они делают и нечто такое, что в сознании людей без них не существует. Они участвуют в производстве человеческого материала, адекватного условиям и потребностям общества, обслуживая один аспект этого производства – аспект менталитета.

Множество людей, образующих идеологическую сферу общества, не есть всего лишь скопление одиночек. Их объединяет в единую сферу, во-первых, общее дело, которым они заняты, – работа над менталитетом членов общества, профессиональная подготовка, употребляемые ими средства, допуск к этой работе, вознаграждение за нее. Во-вторых, какая-то их часть организована в группы и даже в сложные иерархизированные организации, учреждения, предприятия. А прочие из них рассеяны по другим клеточкам общества, в которых они выполняют функции, в совокупности образующие единый поток. Это единство достигается за счет профессиональной подготовки и дела, которое они должны выполнять в клеточках. Они просто не способны поступать по-другому. К тому же идеологическая сфера опирается на государственную организацию, поддерживается ею, служит ей и сама использует её в своих интересах. Опорой ей являются и другие сферы – экономическая и культуры.

С точки зрения организации идеологическая сфера общества заключена в пределах от одной всеобъемлющей организации до множества сравнительно автономных организаций и «неорганизованных» (в рассмотренном выше смысле) индивидов, т.е. в пределах между монизмом и плюрализмом. Плюрализм в идеосфере не означает наличие нескольких идеосфер, подобно тому, как плюрализм в экономике не означает наличие нескольких экономических сфер. Это – плюрализм в рамках одной идеосферы.

В результате деятельности идеосферы в обществе создается и постоянно поддерживается своего рода идеологическое поле, в сфере влияния которого вынуждены жить все члены общества на всех ступенях социальной иерархии и от рождения до смерти. Вместо слова «поле» можно употребить более сильные слова «клетка» или «камера». В эти идеологические клетки загоняются не только те, кто подвергается идеологической обработке, но и те, кто их обрабатывает. Это осуществляется путем заполнения мозгов людей определенным идейным содержанием и обучения их определенному способу оперирования содержанием сознания, способу думания, «шевеления мозгами». Это происходит не как одноактная операция, а как процесс жизни в постоянно поддерживаемом и возобновляющемся идеологическом поле, – в постоянном потоке слов, образов текстов и т.п., вливающимся в головы людей. Фундаментальная функция идеосферы – сделать основную массу членов общества (желательно всех) неспособной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности, позволяя им в этом отношении лишь то, что необходимо и достаточно для исполнения ими их социальных функций.

Идеосфера создает и сохраняет клетку для сознания людей не по злему умыслу, а по той причине, что без этого вообще невозможно превращение больших масс людей в обладающие сознанием существа. Дело в том, что сознание людей не есть нечто биологически прирожденное. Оно явилось изобретением истории человечества. Оно «пробуждалось» исторически с нуля, если не считать биологические предпосылки. И в наше время оно у вновь рождающихся людей «пробуждается» с нуля и является искусственным продуктом их индивидуального формирования. Сам процесс «пробуждения» сознания есть процесс создания какой-то «клетки» для него, ибо эта «клетка» есть не что иное, как материя сознания. Оно просто не может существовать эмпирически без такой «клетки». Не загоняя сознание в «клетку», его просто не «пробудишь» к жизни. А тут речь идет о сознании огромного числа людей, причем в ряде поколений. А люди – отнюдь не социальные ангелы. Они должны быть организованы и соблюдать определенные нормы поведения, дабы их объединение могло сохраняться как целое. В самой природе сознания не заложено на этот счет никаких предписаний и ограничений. Это должно быть специально изобретено и привнесено в сознание каждого человека извне, причем – навязано ему в принудительном порядке. Сознание людей всегда «пробуждалось», «пробуждается» и будет всегда «пробуждаться» лишь настолько, насколько это диктуется интересами самосохранения их объединений, а не в соответствии с его абстрактно мыслимыми потенциями и не ради некоего прогресса человеческого интеллекта вообще.

ИДЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Чтобы точнее определить, что такое идеология, надо рассмотреть отношения между идеологией, с одной стороны, и религией, философией и наукой – с другой.

Надо различать идеологию и идеологические функции. Функции, подобные тем, какие выполняет идеология, может выполнять и объект, идеологией не являющийся. Религия может выполнять некоторые идеологические функции. Но это не означает, что религия есть идеология. Религия есть инструмент церкви или другой религиозной организации, отличной от идеологического механизма. Религия может играть также функции, отличные от идеологических. Литература и наука тоже зачастую выполняют идеологические функции, но не становятся при этом идеологиями. К тому же религия основывается главным образом на состоянии веры, тогда как идеология основывается на разумном признании или принятии её утверждений. Принятие идеологии не предполагает необходимым образом веру в истинность её постулатов и обещаний, хотя такая вера и возможна (как об этом говорят факты). Оно может оставлять души людей холодными и равнодушными к тому, что принимается. Идеология принимается разумом и из осознанного или подсознательного расчета последствий своего поведения и лучших условий жизни (в крайнем случае, из расчета избежать худшего). Нет внутренней потребности в идеологии. Если допустить, что никто не настаивает на признании идеологии и на официальном подтверждении этого признания, люди вскоре забыли бы о ней. Именно так случилось с марксистской идеологией в России вскоре после того, как её отменили в качестве государственной идеологии. Кроме того, религии, взятые с их организациями и реальной жизненной активностью, без которых они теряют смысл, а не только с учениями, храмами и религиозными ритуалами, выходят далеко за рамки менталитетной сферы. Как правило, религиозные организации (например, христианская церковь) владеют огромными богатствами, включая земли, имеют предприятия и банки, ведут себя как хозяйственные феномены. Бывали случаи, когда эти организации имели вооруженные силы, вели войны, имели свой суд и захватывали высшую власть в человекиках. Они и теперь создают политические партии и активно участвуют в политических событиях.

Религия возникла ещё на стадии предобществ. Это было в свое время шагом вперед в эволюции менталитетного аспекта человекиков. В западном мире христианская религия и церковь какое-то время безраздельно господствовали над душами людей, держали в своих руках весь менталитетный аспект зарождающихся обществ. Этот аспект был сравнительно беден. Массы людей были невежественны, имели весьма ограниченный жизненный опыт. И людей не так уж много было. Но постепенно происходило разрастание и усложнение обществ, появление и усиление явлений менталитетного аспекта, вышедших за рамки церковной власти, – разрастание светского образования, культуры, начал науки, философии, социальной светской литературы, социальных исследований, этики, эстетики, педагогики, исторических исследований, медицины и т.д. Возникали государственные университеты. Церковь не могла уже удержать в своих руках полностью дело формирования человеческого менталитета, контроля за ним, манипулирования им.

Упомянутые выше нерелигиозные элементы менталитетной сферы приобретали в западных обществах доминирующее значение. Отделение церкви от государства, гонения на религию, веротерпимость и религиозный плюрализм – все это было признаками того, что общество становилось или уже являлось нерелигиозно-идеологическим. Религия становилась второстепенным компонентом менталитетной сферы, выполняя фактически идеологические функции наряду с нерелигиозной идеологией и даже уступая ей. Возникновение и усиление нерелигиозной идеологии было опять-таки колоссальным шагом вперед в эволюции менталитетного аспекта человекиков. Этот шаг был сделан, я думаю, в эпоху Возрождения. Нерелигиозная идеология явилась в мир как борьба против религиозного мракобесия, как просвещение масс людей, как новый взгляд на бытие, на человека, на общество. Основой для неё или по крайней мере важнейшим компонентом стала философия.

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

На заре философии в нее, по всей вероятности, включали вообще всю сферу познания человека и его природного и социального окружения. Не научного познания, хотя элементы и фрагменты науки зарождались уже тогда в рамках философии, а познания в отличие от религии, т.е. как светского (нерелигиозного) явления. Шли годы. От философии отпочковывались отрасли познания, со временем превращавшиеся в науки. Отпочковалось естествознание. Совсем недавно отпочковались социология и психология. На грани отпочкования находятся этика и эстетика. Предмет философии вроде бы сужался. Но при этом философия все-таки удерживала за собой что-то из отпочковывавшихся сфер познания. Это – человеческое сознание (мышление, думание, интеллект), окружающий человека мир (бытие) и познание человеком бытия. Философии прошлых веков этим трем предметам её внимания соответствовали логика, онтология (мировоззрение) и гносеология (теория познания). Если отбросить все внешние наслоения и многозначность словоупотребления, то упомянутые сознание, бытие и познание и их взаимоотношения были и остаются специфическими для философии предметами.

Но одно дело – выделить предмет внимания, и другое дело – понять его, изучить. Философия считалась наукой и до сих пор претендует на этот статус. Имеет ли она для этого основания? Ответ зависит от того, как мы понимаем науку. Если наукой называть сферу человеческой деятельности, профессионально занятую производством каких-то знаний, их хранением, разработкой методов получения таких знаний, то в число наук попадет и алхимия, и астрология, и магия. Тогда можно называть наукой и философию. Но если к науке предъявить более строгие требования, такие, что алхимию, астрологию и т.п. придется исключить из числа наук, то и философия лишится статуса науки. Например,

такими требованиями являются следующие: субъективная беспристрастность, познавательная объективность, специальная методология (техника) исследования, следование правилам логики (в частности, однозначность и точная определенность понятийного аппарата). Не представляет труда показать, что в колоссальном объеме философских текстов лишь ничтожная часть её фрагментов удовлетворяет этим требованиям. Подавляющая же масса текстов сочинялась и сочиняется так, что может служить образцами нарушения всех законов логики. Рассмотрим простой пример этому.

В самом начале философского образования студентов знакомят с образцами древнегреческой философской мудрости, например, сообщают изречение: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». У пораженного этой мудростью студента, привыкшего неоднократно ездить или бегать купаться в одну и ту же реку, ходить ночевать в один и тот же дом, встречаться с одними и теми же друзьями, ходить в ту же аудиторию слушать лекции того же самого профессора и т.д., естественно возникает вопрос, как понимать эту премудрость. И ему разъясняют старшие мудрецы: это означает, что река все время меняется. Общеизвестный банальный факт. Почему бы этим и не ограничиться? Но философам этого мало. Нужно эту банальность выразить так, чтобы она поразила воображение своей алогичностью. В самом деле, поставьте перед мудрецом–философом такой вопрос: а что значит «предмет (в том числе – река) изменяется»? Ответ очевиден: предмет (причем – тот же самый!) в одно время имеет какие–то свойства, а в другое время после этого не имеет этих свойств (или в одно время не имеет каких–то свойств, а в другое время после этого имеет их). Заметьте, один и тот же предмет! Логическая нелепость рассматриваемого изречения очевидна. И такими словесными трюками набита вся философия. Причем, эти трюки не случайны: они связаны с самой «техникой» философского мышления.

В философских сочинениях можно обнаружить самые различные мыслительные приемы (операции). Но в основе их всех лежит следующая операция. В наблюдаемых явлениях мысленно выделяется (абстрагируется) некоторое свойство. Оно обозначается каким–то языковым выражением (обычно отдельным словом). В реальности это свойство не существует само по себе, независимо от явлений, свойством которых оно является. Но в сочинениях философов оно наделяется самостоятельным существованием. Обозначающее его языковое выражение наделяется логическим статусом, каким обладают слова, обозначающие явления в целом. В логической терминологии это выглядит так. Слова, обозначающие упомянутые явления, называются субъектами, а слова, обозначающие свойства этих явлений, называются предикатами. Философы придают предикатам статус субъектов. Так появляются философские понятия «бытие», «сознание», «пространство», «время», «движение», «сущность», «свобода», «необходимость» и т.п. И затем с этими знаками философы начинают рассуждать, не осуществив должную логическую обработку этих языковых средств. Они просто не умеют такую обработку делать. У них вырабатываются свои методы языковых манипуляций, своя «философская культура».

Хотя в рамках философии что–то делалось и делается теперь на научном уровне, философия в целом осталась сферой интеллектуальной

деятельности на дологическом, нелогическом и даже алогическом уровне. В ней родился идеологический способ мышления, отличный от научного. Все научное из неё ушло. Пока в рамках философии удерживается логика и методология науки. Но они не определяют общее состояние философии. К тому же они сами нуждаются в радикальном пересмотре, чтобы стать наукой в строгом смысле слова.

ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА

Надо различать науку как таковую и сферу науки как множество людей, организаций и учреждений, занятых добыванием, хранением, обработкой и предложением научных знаний, а также подготовкой соответствующих специалистов. Эта сфера есть часть общества, функционирующая по общим социальным законам. Эта сфера жизнедеятельности людей, в которой они добывают средства существования, добиваются успеха и делают карьеру. И достижение истины тут есть лишь один из стимулов деятельности, причем далеко не всегда главный. Научные истины добываются не в чистом виде, а в массе заблуждений, ошибок и извращений. Говоря об отношениях науки и идеологии, я имею в виду первое понимание науки.

Идеология зародилась и формировалась как стремление создать научное понимание всего того, что входило в круг интеллектуальных интересов людей, в противовес религиозному учению обо всем этом, то есть о космосе, природе, обществе, человеке, мышлении, познании. Наука осталась источником идеологии и в наше время. Но наука не становится идеологией. Идеология пожирает науку, но не превращается в то, что она пожирает. Продукты её «пищеварения» суть не что иное, как пища.

Наука и идеология различаются по целям, по методам и по практическим приложениям. Наука имеет целью познание мира, достижение знаний о нем. Она стремится к истине. Идеология же имеет целью формирование сознания людей и манипулирование их поведением путем воздействия на их сознание, а не достижение объективной истины. Она использует данные науки как средство, опирается на науку, принимает наукообразную форму и даже сама добывает какие-то истины, если это уже не сделано другими. Но она приспособливает истину к своим целям, подвергает её такой обработке, какая необходима для более эффективного воздействия на умы и чувства людей и в какой заинтересованы те или иные группы людей, организации, классы и даже целые народы.

Идеология, как и наука, оперирует понятиями и суждениями, строит теории, производит обобщения, систематизирует материал, классифицирует объекты, короче говоря – осуществляет многие мыслительные операции, какие являются обычными в науке. Но между

идеологией и наукой и в этом есть существенное различие. Наука предполагает осмысленность, точность, определенность и однозначность терминологии. Она по крайней мере к этому стремится. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения. Понимание науки предполагает специальную подготовку и особый профессиональный язык. Наука вообще рассчитана на узкий круг специалистов. В идеологии все эти условия не соблюдаются, причем не вследствие личных качеств идеологов, а вследствие необходимости исполнить роль, предназначенную для идеологии. В результате ориентации на обработку сознания масс людей и на манипулирование ими получают языковые конструкции, состоящие из расплывчатых, многосмысленных и даже вообще бессмысленных слов, из непроверяемых (недоказуемых и непроверяемых) утверждений, из односторонних и тенденциозных концепций. Результаты науки оцениваются с точки зрения их соответствия реальности и доказуемости, то есть критериями истинности, результаты же идеологии – с точки зрения их эффективности в деле воздействия на сознание людей, то есть критериями социального поведения.

Методы идеологии и науки лишь частично совпадают. Но по большей части они настолько различны, что можно констатировать принципиально различные типы мышления – идеологический и научный. Для первого характерным становится априоризм, то есть подгонка реальности под априорные концепции, нарушение правил логики (алогизм) и методологии познания, не говоря уж о научной этике. Приведу пример. В 1992 году группа экономистов по заданию ООН установила, что страны с высоким уровнем жизни имеют более высокий индекс политической свободы, чем страны с низким уровнем жизни. Само это «открытие» не стоит выведенного яйца. Но эти «открыватели» пошли дальше: они сделали вывод, будто причина бедности – политическая система бедных стран. Чтобы преодолеть бедность, эти страны должны перестроить свой социально-политический строй по западным образцам. Вывод сделан с нарушением всех правил логики и методологии науки. Его идеологическая ориентация очевидна – эти «ученые» имели заданную установку и подгоняли под неё свое якобы научное исследование. Примерами такого рода кишат сочинения бесчисленных «исследователей» общественных явлений.

Люди, которые руководствуются принципами науки в понимании общественных явлений, суть чрезвычайно редкое исключение. Их почти что нет, а порою они исчезают совсем. Это не случайно. Научное понимание общественных явлений требует высокого уровня образования и гибкости интеллекта, редко и плохо вознаграждается само по себе (то есть если не служит идеологии и политике), не согласуется с обывательскими представлениями, плохо защищено от агрессии со стороны общечеловеческой глупости и от ложной уверенности в том, будто всякий опытный в житейском отношении человек уже тем самым является компетентным судить о фактах общественной жизни.

Общественные явления настолько сильно затрагивают интересы людей, что они (люди), воображая, будто выражают объективную истину, на самом деле выражают свои интересы, лишь придавая им обманчивую форму истины. Ко всему прочему, истина, вся истина и только истина о социальных явлениях людям практически не нужна. Им достаточно

получить капельки истины, растворенные в идеологической жидкости. А обнаженная истина об общественных явлениях порождает гневное осуждение со стороны всякого рода моралистов и демагогов. Они скорее примирятся со злом, чем с научной истиной, объясняющей закономерность и социальную роль зла.

В отношении данных естественных наук действуют другие, не менее принудительные причины их идеологического «переваривания». Широкие слои населения проявляют интерес к достижениям науки. Ознакомление их с этими достижениями предполагает популяризацию, рассчитанную на непрофессиональный уровень людей, что само по себе означает искажение результатов науки, упрощение, схематизацию, привнесение в науку чужеродных образных пояснений и т.д. А главное – при этом приходится иметь дело уже с воспитанными в определенном духе массами людей. Чтобы завладеть их вниманием, просветители и популяризаторы науки превращаются в мошенников, придающих скучным самим по себе результатам науки необычный, яркий, сенсационный и даже мистический вид. От науки при этом остаются лишь имена и смутные намеки на их реальные результаты. Основная масса такой продукции оказывается чудовищным извращением научных истин, умело замаскированным под «подлинную» и «новаторскую» науку. Эти извращения порою принимают такой вид, что не только обыватели с примитивным интеллектом, но даже изощренные в интеллектуальной работе профессионалы сами не могут разглядеть, где истина и где мошенничество. Так произошло в XX веке со многими достижениями логики, математики, физики, психологии, биологии. Вся так называемая «научная фантастика» есть фальсификация достижений науки. Она вполне сопоставима с мракобесием невежественного Средневековья.

Человек, который самыми безукоризненными научными методами покажет, что почти вся научно-популярная и художественная литература, сложившаяся на основе использования идей логики, математики, физики, психологии и других наук, есть шарлатанство, что научно-фантастические фильмы и романы суть явления антинаучные, – такой человек не будет услышан даже в кругах профессионалов.

Сознание современного среднеобразованного человека по многочисленным каналам (радио, кино, журналы, научно-популярная литература, научно-фантастическая литература) начиняется огромным количеством сведений из науки. Безусловно, при этом происходит повышение уровня образованности людей. Но при этом достижения науки преподносятся людям особого рода посредниками – «теоретиками» данной науки, популяризаторами, философами и даже журналистами. А это огромная социальная группа, имеющая свои социальные задания, навыки и традиции. Так что достижения науки попадают в головы простых смертных уже в таком профессионально препарированном виде, что только некоторое словесное сходство с отправным материалом напоминает об их происхождении. И отношение к ним теперь иное, чем в их научной среде. И роль их становится здесь иной. Так что, строго говоря, здесь происходит образование своеобразных двойников для понятий и утверждений науки. Некоторая часть этих двойников на более или менее длительное время становится элементом идеологии.

Одной из самых любопытнейших черт пропаганды научных достижений

является стремление придать конкретным научным открытиям не только вид переворота в понимании той или иной области действительности, но и вид сенсационного переворота в логических основаниях науки вообще. Иногда это делают прямо, заявляя о непригодности «старых» правил логики в каких-то новых областях науки. В частности, чуть ли не предрассудком в некоторых кругах стало мнение, будто для микромира нужна совсем иная логика, чем для макромира. Иногда это делают косвенно, подвергая критике некий косный и отсталый здравый смысл простых смертных, не причастных к великим тайнам современной науки. Пространству, например, приписывается способность сжиматься и растягиваться, искривляться и выпрямляться, а времени приписывается способность двигаться (течь, идти), способность двигаться медленнее и быстрее, вперед и назад. При этом умалчивают о том, что упомянутые свойства вещей являются обычными именно с точки зрения здравого смысла. И если последний протестует против того, чтобы приписывать их пространству и времени, то вовсе не потому, что он необразован и консервативен, а потому, что даже на самом примитивном уровне здравого смысла ясно, что пространство и время заключают в себе что-то такое, что мешает рассматривать их как эмпирические вещи, которые можно пощупать, сжать, растянуть, сломать и т.п., и это «что-то» суть неявные соглашения о смысле употребляемых языковых выражений и правила логики, усваиваемые в какой-то мере в языковой практике. Все трюки с понятиями пространства и времени, которыми в течение многих лет потрясают воображение читателей, основываются на неясности и неопределенности привычных выражений, а также на их неявном переосмыслении. Эти трюки суть трюки языка, на котором говорят о пространстве и времени. Наука, язык которой отвечает нормам логики, не может вступить в конфликт со здравым смыслом, если последний есть некоторая совокупность истинных утверждений непосредственного опыта плюс некоторые правила логики, так или иначе усвоенные людьми. Словесные манипуляции с «новейшими достижениями науки» и полнейшее пренебрежение к логическим основаниям терминологии, возводимое в ранг все более глубокого проникновения в сущность микромира, пространства и времени, космоса, жизни, психики, мозга и т.д., стали характерными явлениями идеологической обработки масс людей.

Такого рода спекуляция за счет плохой логической обработки языка и языковые трюки не случайны. Открытиями в конкретных областях науки теперь никого не удивишь. К ним привыкли. А к «переворотам» в науке, вступающим в конфликт с логикой, привыкнуть нельзя. Факт, который невозможен логически, но о котором авторитетные жрецы Науки говорят, что он происходит согласно последним достижениям науки, есть чудо в духе высокоразвитой науки нашего времени. Религиозное мракобесие прошлого, реанимируемое и процветающее в наступившем тысячелетии, уживается, дополняется и подкрепляется мракобесием, исходящим с высот науки.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Идеология создается по определенным правилам, которые в совокупности образуют идеологический способ мышления (или аппарат идеологизированного сознания). Этот способ прививается всем идеологически обрабатываемым людям. Благодаря этому способу люди и без идеологов делают то же самое в отношении явлений бытия, которые они наблюдают, в которых они участвуют и о которых узнают от других людей и из средств информации, что делают или делали бы профессиональные идеологи. Они научаются сами идеологически «переваривать духовную пищу», получаемую для своего сознания, – научаются сами сохранять идеологическую клетку для своего сознания. Люди не могут вечно находиться под контролем идеологов. Идеологи не могут уследить за всем и за всеми. Так что значительная часть идеологической работы передается самим обрабатываемым. Идеи овладевают массами тогда глубоко и устойчиво, когда их «переваривание» в нужном духе становится привычным делом для представителей масс.

Для того чтобы охарактеризовать идеологический способ мышления, надо отличить его от научного. Последний характеризуется комплексом признаков, среди которых следует назвать субъективную беспристрастность, познавательную объективность (изучаемый объект должен существовать независимо от исследователя и изучаться таким, каким он является на самом деле) и следование правилам логики и методологии науки. Идеологический способ мышления является во многом антиподом научного.

Задача идеологов состоит в том, чтобы научить и приучить людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе (объективно, в силу законов бытия), а так, как это требуется согласно априорным учениям самих идеологов, – учить людей не самостоятельному познанию бытия, а тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде. Иначе говоря, идеологи изобретают определенное видение (понимание) бытия, и оно становится априорным по отношению к формируемому сознанию членов общества.

Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т.п., причем не в качестве подсобных средств на пути к познанию бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Их социальная функция – дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающего их мира и интеллектуальной ориентации в нем.

Другая черта, отличающая идеологическое мышление от научного, – пристрастность. Причем, это даже считается качеством, якобы способствующим лучшему научному пониманию явлений реальности. Так, в среде марксистов было обычным называть переход Маркса на позиции пролетариата в числе условий научности марксовского учения. На самом же деле, наоборот, это обстоятельство стало одним из условий того, что марксизм остался на уровне идеологии.

Идеологическое мышление является нелогическим с точки зрения формального аппарата – дологическим, антилогическим и псевдологическим. Логическое мышление есть мышление по правилам логики и методологии науки. Логическая «техника» (логический аппарат) есть совокупность средств и правил научного исследования объектов, есть «техника» достижения, фиксирования и использования научной истины. Не следует думать, будто все люди владеют этой техникой одинаково и будто во всех случаях оперирования языком люди пользуются ею. Обычно люди очень редко пользуются логической техникой, а если пользуются, то на довольно примитивном уровне и неосознанно. Лишь немногие специалисты пользуются ею на высоком уровне и осознанно. Причем, даже они пользуются ею чаще в силу привычки, приобретенной в процессе обучения, не отдавая себе отчета в сущности применяемых средств.

Техника (аппарат) идеологического мышления определяется функциями идеологии в обществе. Систематического научного описания этих средств (техники, аппарата идеологии) не существует. Причины такого состояния – это не так-то просто сделать, а общественная заинтересованность в этом отсутствует. Даже наоборот, имеет место сильнейшая заинтересованность в том, чтобы это не делалось.

Чтобы дать систематичное научное описание техники идеологического мышления, надо сначала построить систематичное описание техники логического мышления, т.е. дать систематическое построение логики и методологии науки. Надо, затем, в каждом шаге изложения теории логического мышления указать возможные нарушения правил логики и показать, как эти нарушения осуществляются технически.

Вместе с тем идеологическое мышление сохранило генетическую связь с логическим и претензии на логичность. Будучи антиподом логического мышления, оно стремится выглядеть логическим, имитируя его. Оно нарушает правила логики, используя сами правила логики. Оно продуцирует ложь, используя истину. И на этом пути оно достигло высоких результатов, порою – виртуозных. Более того, оно в качестве средства манипулирования людьми, «промывания» мозгов в массе своей неизмеримо превзошло логическое мышление. Оно стало всеобъемлющим, овладев сознанием не только широких слоев населения, но и правящей и интеллектуальной элиты.

РОДИНА ИДЕОЛОГИИ

На Западе существовало и до сих пор сохраняется убеждение, будто западные общества являются неидеологическими в отличие от коммунистических стран. При этом представляют себе идеологию в том

виде, какой она приняла в коммунистических странах. Но отсутствие в стране единой государственной идеологии и единого государственного идеологического аппарата ещё не означает отсутствие в этой стране всякой идеологии и всяких средств идеологической обработки населения. На самом деле в любом обществе существует идеосфера как компонент социальной организации, и западные страны не являются исключением из этого социального закона. Более того, идеология вообще есть детище западного мира. Именно тут она возникла исторически как особый компонент социальной организации общества, отличный от религии, науки, литературы и других явлений менталитетного аспекта.

Само слово «идеология» было введено в употребление на Западе. Это было сделано французским мыслителем Десто де Траси в 1796 году. Им же была предпринята первая в истории попытка построить идеологию как определенную систему.

Идеология не была занесена на Запад извне, как это произошло с марксистской идеологией в России, а возникла и развилась тут имманентно. Она складывалась веками, естественноисторическим путем, в общем процессе духовного и культурного развития народов Запада, а не навязана кем-то сверху как нечто готовое. Она создавалась усилиями огромного числа философов, экономистов, социологов, политологов, писателей, политических и общественных деятелей, ученых. Среди создателей её были такие выдающиеся личности как Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Миль, Монтескье, Руссо, Гельвеций, Дидро, Вольтер, Гольбах, Кант, Гегель и многие другие, имена которых навечно остались в памяти человечества.

Идеология на Западе складывалась по самым различным линиям и на различных уровнях как определенная форма понимания мира, человека, познания, общества вообще и нового общественного устройства, как форма самосознания нового общества. Одновременно она складывалась и как организация общественного сознания, и как стандартизация сознания людей, и как совокупность средств ориентации в новой социальной среде и приспособления к ней, и как система самозащиты общества от разрушающих его и противодействующих ему сил.

На Западе нет единой государственной (официально признанной) идеологии в форме целостного учения, как это было в Советском Союзе до недавнего времени. Она изложена в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. Все то, что называют общественными науками, так или иначе содержит идеологию в больших дозах.

Западная идеология является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собой. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как проявление общего плюрализма западнизма.

В западном обществе нет точно такого идеологического механизма, какой был в СССР. Но это не значит, что тут нет никакого идеологического механизма. Тут существует свой механизм, по размерам и по характеру деятельности вполне сопоставимый с таковым коммунистических стран, а во многих отношениях превосходящий последний. Он сложился как составной элемент общего процесса формирования культуры, системы образования и воспитания, средств массовой информации, учреждений государства, гражданского общества. Сложился как-то незаметно, без специальных решений высших властей.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии. По крайней мере во многих газетах, журналах, издательствах, учебных заведениях и т.д. есть люди, выполняющие функции идеологического контроля. Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплекой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию.

Положение в идеологической сфере стран Запада подобно положению в экономике. Тут тоже можно говорить о некоем рынке идей, который функционирует так, как будто им управляет «Невидимая рука». Тут есть те, кто производит и сохраняет идеологию, т.е. предлагает идеологические товары и услуги, и есть спрос, с которым считается предложение и который сам формируется предложением. И на этом рынке «Невидимая рука» не есть нечто лишь воображаемое. Это – определенная система лиц, учреждений и организаций, вступающих в определенные контакты и достаточно хорошо подготовленных, чтобы оценить положение на идеологическом рынке. И главная роль в идеологическом механизме современного западного мира принадлежит средствам массовой информации – «ватиканам» западнизма.

На Западе родилась и коммунистическая идеология. Обычно, говоря о коммунистической идеологии, имеют в виду её самую развитую и грандиозную форму, а именно – марксизм. Но ведь даже школьники знают, что идеи коммунистического общества задолго до Маркса высказал английский мыслитель и государственный деятель Томас Мор. В 1516 году он опубликовал свою знаменитую и, я в этом уверен, бессмертную книгу, которую для краткости стали называть «Утопией». В ней он изложил идеи относительно идеального общества, которые потом вошли в описание «полного коммунизма» Маркса. Через сто лет после Мора (в 1623 году) итальянец Томазо Кампанелла написал книгу «Государство Солнца». В ней он изложил проект идеального общества, близкий по основным идеям проекту Мора. Те же идеи до Маркса развивали французы Мабли, Кабе, Сен-Симон и Фурье, а также англичанин Оуэн.

Маркс придал идеям коммунизма такой вид, что коммунистическая идеология стала первой в истории человечества массовой идеологией в

строгом смысле слова и сыграла огромную историческую роль. Марксизм стал идеологией революционных и реформаторских партий, был внесен в массы путем систематической пропаганды. Вплоть до 1917 года идеи коммунистического общества были монополией западных интеллектуалов. В Россию, будущую родину реального коммунизма, они были занесены с Запада. Так что, встав на путь воинствующего антикоммунизма, Запад обрушился на свое собственное детище.

МАРКСИЗМ

Марксизм – феномен гигантского масштаба. Я не претендую хотя бы на мало-мальски полную его характеристику. Коснусь лишь некоторых его аспектов, непосредственно относящихся к теме этой работы.

Марксизм является самой грандиозной идеологией в истории человечества по содержанию, по интеллектуальному уровню и по той роли, какую он сыграл. На нем наиболее отчетливо можно видеть общие черты и закономерности идеологии как социального явления. Без знания его содержания и его исторической судьбы невозможно создать мало-мальски серьезную идеологию (причем – любую по направленности, не обязательно коммунистическую), соответствующую условиям жизни, проблемам и перспективам эволюции человечества в наступившем третьем тысячелетии.

Марксизм возник в середине девятнадцатого столетия на основе наблюдения и изучения социальной реальности того времени и на основе интеллектуального материала, накопившегося к тому времени. Возник как явление в менталитетном аспекте стран западноевропейской цивилизации. Возник на высотах эволюции социальной реальности того времени и её осознания. Датой его рождения как четко оформившейся идеологии можно считать написание Марксом и Энгельсом «Манифеста коммунистической партии» в 1848 году. Конечно, «Манифесту» предшествовали другие их сочинения. Но именно с «Манифеста» началось существование марксизма в качестве особого социального феномена – величайшей идеологии.

Сам Маркс не считал свое учение идеологией. Как я уже заметил, Маркс считал идеологию искаженным отражением реальности. Марксизм возник с самосознанием научного понимания реальности, с претензией на научность. И сомневаться в искренности намерений марксизма на научность не приходится. Дело в том, как понималась сама научность в те годы и как она могла реализоваться в практике исследования. Намерение изучать реальность научно в том смысле, что она рассматривается такой, какой она является на самом деле, само по себе ещё не гарантирует того, что она будет понята именно так. И в рамках науки бывают ошибки, создаются ложные теории, выдвигаются

бредовые гипотезы. Чтобы понять реальность такой, какой она является на самом деле, нужны специальные приемы исследования. А их может не быть в наличности, их ещё нужно изобретать. А это зависит от интеллектуального состояния научной среды. Как бы критически не относились Маркс и Энгельс к тем интеллектуальным источникам, от которых они отталкивались (немецкая философия, английская политэкономия и французский социализм), они так или иначе были ограничены возможностями образования и способов мышления своего времени. Их научность выразилась конкретно в создании определенной теоретической концепции, которая согласно их собственным взглядам не могла быть абсолютно бесспорной истиной (как это и оказалось фактически). Ведь разгромил же Энгельс Дюринга, который был первым, кто выдвинул идею аксиоматического метода в социальных исследованиях, опередив свое время чуть не на столетие. Аналогично Маркс громил Робертуса, который был новатором в смысле применения математических методов в социальных исследованиях, точно так же опередившим свое время, чего нельзя сказать об основателях марксизма. Я говорю это не в качестве упрека им, – они играли в истории совсем другую роль, в которой не имели себе равных, а именно – роль не научную, а идеологическую.

И беспрецедентный исторический успех марксизма объясняется не какой-то высочайшей научностью, как это было многими принято думать, а идеологичностью, обладавшей в те и последующие годы высочайшей эффективностью, которая была обусловлена реальными обстоятельствами, лишь в незначительной степени получившими отражение в марксизме, но отнюдь не понятыми научно. Если бы марксизм был учением, действительно соответствовавшим принципам научности, то при описании будущего для того времени коммунистического социального строя он должен был бы считаться с тем, что никакой достаточно большой человек не может существовать без бюрократического управленческого аппарата, что материальное и социальное неравенство людей неустранимо, что оно лишь меняет формы, и другими явлениями любой социальной реальности. Но в таком случае марксизм не имел бы серьезного успеха.

Интересна с этой точки зрения роль, какую сыграл «Капитал» Маркса. Даже Ленин как-то заметил, что лишь немногие поняли этот гигантский труд, причем поняли неправильно. Был создан идеологический миф, будто в «Капитале» дано высоконаучное объяснение и обоснование всех важнейших утверждений и прогнозов марксизма. На самом деле ничего подобного в нем нет. Он сыграл свою роль именно своей непонятностью, именно как миф, заменивший миф божественной мудрости и божественных предначертаний.

В марксизме отчетливо различаются следующие части: 1) философская; 2) социологическая; 3) футурологическая. Первая получила название диалектического материализма. Она охватывает учение о сознании, бытии и познании. Вторая получила название исторического материализма. Она охватывает общее учение о социальных явлениях (об обществе) и об обществе капиталистическом специально. Третья часть получила название научного коммунизма. Считалось, что все эти части – научные. Якобы философия тут впервые в истории стала наукой. В советские годы марксистскую философию так и определяли: как науку об

общих законах бытия, сознания (мышления) и общества. Марксистское учение об обществе считалось единственно научным. Все прочие социальные мыслители считались либо антинаучными, либо в той или иной мере приближающимися к научному марксистскому уровню. «Капитал» считался вершиной экономической науки. Учение о будущем устройстве человечества так и называлось научным (!) коммунизмом. Все три части образовывали единую систему. Считалось, будто они связаны воедино логически. Исторический материализм считался распространением диалектического материализма на сферу общественных явлений. Научный коммунизм считался логическим следствием учения о законах развития общества.

Создатели марксизма искренне верили в то, что создаваемое ими учение было наукой. Эта уверенность основывалась на представлениях того времени о том, что такое наука, и на сравнении своего учения с религиозными и идеологическими учениями, касавшимися тех же проблем. И у людей, не искушенных в научном мышлении, на этот счет не возникало сомнений. В самом деле, как можно сомневаться в том, что материя первична, сознание вторично, что сознание есть лишь отражение бытия, если деревья, дома, столы, стулья и т.п. действительно находятся вне сознания, если в сознании возникают лишь их образы! Как можно сомневаться в утверждениях диалектики, если всякий своими глазами может видеть связи явлений бытия и изменения, борьбу противоположностей и т.п.?! А когда читают что-то вроде утверждения «производство становится общественным, значит, и присвоение должно стать общественным», неизбежность коммунизма представляется логически неотразимой.

С точки зрения идеологической обработки сознания масс людей марксистские тексты имели явные преимущества перед их конкурентами и противниками. Они казались ясными и убедительными. Они подкреплялись авторитетом науки. Чтобы установить, что тут имеет место лишь имитация научности, нужны интеллектуальные средства, каких не было в годы возникновения и взлета марксизма. Да и теперь такие средства не разработаны настолько, чтобы стать достоянием более или менее широких кругов образованных людей, не говоря уж о массах рядовых членов общества.

Марксизм имел самый высокий интеллектуальный уровень сравнительно с другими учениями того же рода, когда он стал играть заметную роль, и сохранял свое первенство более ста лет. В нем доминировал идеологический способ мышления. Но и этот способ имел различные интеллектуальные уровни. Кроме того, в нем сильнее, чем в других идеологических учениях, был представлен научный способ мышления. Я имею в виду, например, сознательное использование диалектики и метода восхождения от абстрактного к конкретному, описанного (как и диалектика) Гегелем. Он был неуязвим для научной критики, поскольку имел самую высокую степень адекватности социальной реальности. Почти целое столетие казалось, будто история шла по марксистским предначертаниям. К тому же просто не было людей и логических средств, чтобы разобраться в том, что в марксизме научно и что нет. Да и сейчас на это способны лишь немногие. И в нынешнее время марксизм не преодолели с какой-то интеллектуально более высокой позиции, а просто отбросили, просто «отменили».

Марксизм возник как революционная идеология, нацеленная на переустройство общества. Возник в условиях, когда наблюдалась явная и сильная классовая борьба, когда рос и зрел как социальный класс пролетариат, когда в массе населения были сильны и все усиливались революционные унастроения. На основе марксизма и в его рамках шла интенсивная интеллектуальная деятельность. Марксизм обогащался интеллектуально больше, чем любая идеология тех лет. В рамках марксизма возник ленинизм. Он оказал настолько сильное влияние на марксистскую среду, что можно говорить о качественно новом этапе в эволюции марксизма. Ленинизм резко повысил степень адекватности марксизма реальной социальной жизни Западной Европы и включил в сферу его влияния гигантский регион России, которому суждено было сыграть решающую роль в социальной эволюции человечества в двадцатом веке. Трудно переоценить роль марксизма в этом процессе. Я думаю, что без него история пошла бы иным путем. Без него не победила бы Октябрьская социалистическая революция 1917 года в России, не сложилось бы первое в истории сверхобщество, причем – коммунистического типа. Я убежден в том, что без марксистской идеологии реальный коммунизм не добился бы в двадцатом веке таких глобальных и эпохальных успехов, какие были очевидны и бесспорны для всех в те годы, но которые теперь замалчиваются, фальсифицируются, поливаются грязью.

В Советском Союзе марксизм стал основой и стержнем советской официальной идеологии. Его стали называть марксизмом–ленинизмом. В сталинские годы в число классиков марксизма включили Сталина. Думаю, что это было справедливо, ибо именно в сталинские годы и благодаря усилиям Сталина марксизм достиг своего исторического апогея в качестве идеологии.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Все, пишущие о сталинской эпохе, много уделяют внимания коллективизации, индустриализации и массовым репрессиям. Но в эту эпоху произошло ещё одно событие грандиозного масштаба, о котором пишут мало или умалчивают совсем, а именно – идеологическая революция. С точки зрения формирования нового общества эта революция, на мой взгляд, не мене важна, чем все остальное.

В сталинские годы определилось содержание идеологии, определились её функции в обществе, методы воздействия на массы людей, наметилась структура идеологических учреждений и выработались правила их функционирования. Кульминационным пунктом идеологической революции был выход в свет работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Существует мнение, будто эту работу написал на самом

деле не сам Сталин, а кто-то другой или другие. Возможно, что это так и было. Но если даже Сталин присвоил чужой труд, в появлении этого идеологического сочинения он сыграл роль неизмеримо более важную, чем сочинение текста: он навязал ему историческую роль. Эта сравнительно небольшая статья явилась идеологическим шедевром, сопоставимым с «Манифестом коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

После революции и Гражданской войны перед партией, захватившей власть, хотела она этого или нет, сознавала она это или нет, встала задача – навязать свою партийную идеологию всему обществу. Иначе она у власти не удержалась бы. А это практически означало идеологическое «воспитание» широких масс населения, создание для этой цели армии специалистов – идеологических работников, создание постоянно действующего аппарата идеологической работы, проникновение идеологии во все сферы жизни. А с чем приходилось иметь дело сначала? Малограмотное и безграмотное население, процентов на девяносто религиозное. В среде интеллигенции преобладали всякие формы «буржуазной» идеологии. Партийные теоретики – недоучки и болтуны, начетчики и догматики, запутавшиеся во всякого рода старых и новых идейных течениях. Да и свой марксизм они знали так себе. И теперь, когда возникла задача переориентировать основную «идеологическую» работу на массы, партийные теоретики оказались совершенно беспомощными.

Нужны были идеологические тексты, соответствующие возникшей задаче. Нужна была идеология как таковая, с которой можно было бы уверенно, настойчиво и систематично обращаться к массам. Те люди, которые создавали сталинский идеологический шедевр и сами писали тексты того же уровня, были историей поставлены в положение, аналогичное положению студентов, которым предстояло в кратчайшие сроки подготовиться к экзамену по малознакомому предмету. Главной проблемой для них стало не развитие марксизма как явления культуры, а отыскание наиболее простого метода создания марксистскообразных фраз, речей, текстов, статей, книг. Сталинистам надо было занизить уровень исторически данного марксизма настолько, чтобы он фактически стал идеологией интеллектуально примитивной и плохо образованной массы населения. Занижая и вульгаризируя марксизм до логического предела, сталинисты тем самым вышелушивали из него его рациональное ядро, сущность, единственно стоящее, что в нем вообще было. А то, что они отбросили, оказалось пустой словесной шелухой, пригодной лишь для словоблудия некоторой части умствующих философов.

Работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме» была фокусом, ориентиром, острием идеологической революции в Советском Союзе. Она была своего рода главнокомандующим и одновременно знаменосцем армии прочих идеологических текстов и речей. Но она не исчерпывала собою всю идеологическую революцию и всю порождаемую ею идеологическую массу. Идеологическая революция охватила все сферы жизни общества и все слои населения. Идеологическая масса заполнила все социальное пространство страны. К концу сталинского периода идеологическая революция завершилась. Советская идеология появилась на свет как целостное социальное явление и как неотъемлемый элемент советского образа жизни.

Подчеркиваю: марксизм стал систематически построенным учением лишь в Советском Союзе в качестве государственной идеологии, точнее – сверхидеологии. Он стал предметом обучения миллионов молодых людей. Потребовались учебники, справочники, пособия для пропаганды и т.д. Возникли партийные и комсомольские школы. Сложилась огромная армия профессиональных марксистов.

ИДЕОЛОГИЯ ПРОТИВ РЕЛИГИИ

Общеизвестно, какая настойчивая и ожесточенная борьба против религии и церкви велась в Советском Союзе после революции. Почему? Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для ещё большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на людей тяжелые обязательства и ограничения на их поведение. Религия действительно давала людям то, на что она и претендовала, но она при этом взваливала на людей тяжелый груз и служила средством их порабощения. Подобно тому, как многомиллионные массы населения в революцию и в Гражданскую войну сбросили путы социального гнета, игнорируя все их позитивное значение и не имея ни малейшего представления о том социальном закреплении, которое их ожидало в будущем, они в последующий мирный период сбросили путы религиозного духовного гнета, даже не подозревая о том, какого рода духовное закреплении идет ему на смену. Новое закреплении приходило к ним, прежде всего, как освобождение от старого, которое, согласно законам массовой психологии, воспринимается как наихудшее. Массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. Без поддержки населения власти не смогли бы добиться такой блистательной и стремительной победы над религией, прораставшей в душах людей в течение многих столетий. Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и этот обман.

Но это было не только насилие и самонасилие, не только обман и самообман. Чтобы новое общество, рожденное революцией, выжило и укрепилось, оно должно было определенным образом перевоспитать и воспитать многомиллионные массы населения, оно должно было породить многие миллионы более или менее образованных людей, способных хотя бы на самом минимальном уровне выполнять бесчисленные и

разнообразные функции в обществе, начиная от простых рабочих и кончая государственными руководителями всех рангов и профилей. Коммунистическая идеология должна была в этом беспрецедентном в истории социальном, культурном и духовном перевороте сыграть решающую роль. Религия и церковь, доставшиеся в наследство от прошлого, разрушенного революцией социального устройства, встали на пути этого переворота как одно из главных препятствий. Началась битва за души и умы масс населения. Коммунистическая идеология должна была занять в обществе то место, какое до революции занимала религия, причем всемерно и всесторонне расширить и усилить эту роль.

И это было успешно сделано. Если бы это не было сделано, страна не выжила бы, не осуществила бы беспрецедентный в истории подъем, не устояла бы в битвах с сильнейшими в истории врагами, не стала бы великой сверхдержавой планеты и лидером эволюционного прогресса человечества. Строителям советского коммунизма можно простить все их прегрешения хотя бы за одно то, что они избавили советский народ от религиозного мракобесия. Те, кто совершил антикоммунистический переворот в горбачевско-ельцинские годы, заслуживают историческое презрение и осуждение хотя бы за одно то, что вновь погрузили россиян в пучину религиозного мракобесия, отбросив Россию в идеологическом отношении в далекое прошлое.

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Советский Союз был первым в истории человечества сверхобществом огромного масштаба. В его социальной организации сложилась не просто государственность, а сверхгосударственность, не просто экономика, а сверхэкономика, не просто идеология, а сверхидеология. К этой теме я специально вернусь ниже. А здесь дам краткое описание советской идеологической сферы. Я буду употреблять слово «идеология», а не «сверхидеология», чтобы не усложнять изложение.

Советская идеология была государственной, обязательной для всех советских граждан. Отступления от неё и тем более борьба против неё считались преступлением и карались.

Официально считалось, что советская идеология была марксизмом-ленинизмом. Это верно в том смысле, что марксизм и ленинизм послужили основой и исторически исходным материалом для неё, а также образцом для подражания. Но неверно сводить её к марксизму-ленинизму. Она сложилась после революции 1917 года. В разработке её приняли участие тысячи советских людей, включая Сталина и его соратников. В неё вошла лишь часть идей и текстов марксизма XIX века, причем в основательно переработанном виде. Даже из сочинений Ленина в неё вошло не все буквально в том виде, как оно возникло в

свое время. Ленинизм вообще вошел в неё в значительной мере в сталинском изложении. Отражение жизни человечества и интеллектуального материала XX века заняло свое место в ней.

Советская идеология декларировала себя как науку. Эта её претензия обусловлена причинами историческими. Трудно назвать тему, которая не была бы в сфере внимания советской идеологии. Но ядро её составляли такие три раздела: 1) диалектический материализм (философия); 2) исторический материализм (социология); 3) учение о коммунистическом обществе (его называли «научным коммунизмом»).

Марксистская философия не стала наукой о мире, о познании мира и о мышлении по причинам как идеологического, так и неидеологического характера. Однако это несколько не умаляет ту роль, какую она фактически сыграла в советском обществе. Она возглавила колоссальную просветительскую работу, какую до того не знала история. Через неё и благодаря ней достижения науки прошлого и настоящего стали достоянием широких слоев населения. В антисоветской критике обратили внимание на отдельные случаи, когда советская философия играла консервативную роль (отношение к теории относительности, генетике, кибернетике и др.), и раздули эти случаи так, что они заслонили собою все остальное. Но они на самом деле затронули незначительную часть прозападно настроенной интеллигенции, которая мало что понимала в этом. Причем они привнесли с собою новые виды идеологической фальсификации достижений науки.

В сфере общественных явлений советская идеология ощущала себя полным монополистом. Она была искренне уверена в том, что она одна давала подлинно научное понимание общества. И она имела для этого основания. Все то, что делалось вне марксизма в отношении понимания общества с точки зрения уровня и широты понимания, несколько не превосходило то, что было сделано в марксизме. В современной науке об общественных явлениях вздора не меньше, чем в идеологии, а узость и мелочность результатов не тянет на уровень общей социологической теории. В современной науке об обществе нет не только приличной общесоциологической теории, но нет даже теорий, относящихся к отдельным типам обществ. А марксистско-ленинское социальное учение, хотя и не являлось научной теорией в строгом смысле этого слова, все же претендовало на объяснение исторического процесса в целом и на объяснение основных участников этого процесса – капиталистической и коммунистической систем.

Основной целью коммунистической идеологии в некоммунистическом обществе было обоснование путей превращения данного общества в коммунистическое, каким последнее представлялось, а именно – как обобществление всех средств производства, ликвидация классов частных собственников и предпринимателей (капиталистов и помещиков), захват политической власти коммунистической партией, централизация всей системы власти и управления и т.д. И то, что говорила идеология на этот счет, есть не ложь и не чепуха, а в высшей степени серьезное дело. Это была установка для действия, отражавшая какой-то аспект реальности. Это был интеллектуальный аспект социально-политической борьбы.

Основной целью советской идеологии в сложившемся коммунистическом обществе была апологетика этого общества, обоснование путей его сохранения и укрепления, обоснование наилучшей тактики и стратегии его отношений с внешним миром. И опять-таки это была не ложь и не чепуха. Когда советская идеология, например, говорила об отсутствии классов капиталистов и помещиков в СССР, об отсутствии антагонистических противоречий между рабочими и крестьянами, о руководящей роли партии, о расколе мира на две системы, о борьбе народов мира за освобождение от колониализма и т.д., она не лгала. Она просто констатировала некоторые очевидные факты реальности и давала им свое истолкование.

Идеология с первых дней существования коммунистического общества стала практически орудием деятельности генерального руководства обществом. Когда руководители Советского Союза говорили, что они действовали в соответствии с учением марксизма-ленинизма, они не обманывали и не лицемерили. Марксизм на самом деле был для них руководством к действию. Но не буквально, а через определенную систему истолкования, как это и следовало делать в отношении идеологических текстов. Идеология в данном случае ставила перед руководителями страны общую цель, которая, независимо от её достижимости или недостижимости, играла организующую роль и указывала основные пути движения общества в направлении этой цели. Идеология давала единую ориентацию процессу жизни общества и устанавливала единые рамки и принципы деятельности его руководства.

Учение о высшей стадии коммунизма (о полном коммунизме) образует своего рода райскую часть марксизма. Здесь этот рай спущен с небес на землю. И обещался он хотя и в неопределенном будущем, но все же не после смерти всех людей, а при жизни наших потомков.

Райский коммунизм идеологии – не просто прекрасная сказка. Он выполнял определенные идеологические функции. Людям свойственно мечтать о лучшем будущем. Мечтать – не значит верить. Мечтать можно и без веры. Мечта сглаживает неприятности реальной жизни и приносит некоторое облегчение. Идеология удовлетворяла эту потребность людей с избытком, причем все варианты таких мечтаний. Разные люди представляли себе райский коммунизм фактически по-разному. Одним он представлялся в виде общества, где между людьми будут душевные отношения, другим – как изобилие предметов потребления. Одним – как возможность самоотверженно трудиться, другим – как возможность столь же самоотверженно бездельничать.

Райский коммунизм играл роль идеала, к которому должно стремиться общество как целое. И дело тут главным образом не в изображении идеала, а в самом факте его существования, в его формальной организующей роли. То, что цель была недостижима, играло роль второстепенную. Цель играла роль не научного предсказания, а ориентировочную и организующую массовое сознание. Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и несчастья, обрушивавшиеся на нее. Возникновение такой эпохальной цели не являлось случайностью для коммунистического общества. Она была необходимым фактором его жизни как органического целого. Она придавала исторический смысл его существованию.

Идеологический механизм советского общества в основных чертах сложился ещё в довоенные годы. Но высшего состояния он достиг в послевоенные годы, в особенности после смерти Сталина. В задачу идеологического механизма входило следующее. Во-первых, сохранять идеологическое учение в том виде, в каком оно канонизировано в данное время. Охранять его от ересей, расколов, ревизий, чуждых влияний. Содержать учение в состоянии актуальности. Принимались важные партийные и государственные решения. Вожди произносили длинные речи. В мире происходили важные события. Так что идеологам постоянно приходилось «подновлять» учение хотя бы свежими примерами к старым догмам. Осуществлять истолкование всего происходящего в мире в духе идеологического учения и в его интересах. Во-вторых, осуществлять тотальный идеологический контроль за всей «духовной» сферой жизни общества. В-третьих, осуществлять идеологическую обработку населения, создавать в обществе требуемое идеологическое состояние, пресекать всякие отклонения от идеологических норм.

Идеологическая обработка людей (идеологическое «оболванивание») была основой, сущностью, стержнем процесса формирования человека коммунистического общества и сохранения его в этом качестве. Этот процесс начинался с рождения человека, продолжался всю его жизнь и заканчивался лишь с его смертью. Идеологическая обработка охватывала все слои общества и все сферы жизни людей – их трудовую и общественную деятельность, нерабочее времяпрепровождение, отдых, развлечения, семейные отношения, дружбу, любовь и даже болезни и преступления. И это не было только оболванивание и обман. Это была и позитивная деятельность по адаптации масс людей к условиям их социального бытия, без которой длительная жизнь человека как целого вообще невозможна.

КРИЗИС И КРАХ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Идейное состояние людей и общества в целом складывается под воздействием многих факторов, а не только идеологии. И главным из них является опыт их повседневной жизни.

Советские люди знали недостатки своего общества не хуже, чем западные наблюдатели. Более того, они их испытывали на своей шкуре. Потому состояние недовольства было обычным для них на всех уровнях, начиная от уборщицы, которая была недовольна тем, что трудящиеся плевали и бросали окурки на пол, и, кончая генеральным секретарем КПСС, который был недоволен тем, что трудящиеся не переставали пить водку, не хотели укреплять трудовую дисциплину и повышать производительность труда, без чего общество не могло так быстро идти к полному коммунизму, как хотелось бы. Однако лишь в определенных

условиях это всеобщее недовольство было направлено против коммунистического социального строя и сыграло роль одного из факторов его (строя) краха.

В послесталинские годы в советской идеологической сфере стала нарастать кризисная ситуация. В порождении её сыграл роль комплекс факторов как внутреннего, так и внешнего характера.

Советское общество вступило в стадию зрелого коммунизма («развитого социализма»). Советские люди на своем опыте и на основе здравого смысла убедились в том, что никакого райского коммунизма, какой им обещали классики марксизма, не будет. Они поняли следующую фундаментальную истину нашей эпохи: то, что они имели, и было настоящим коммунизмом. Идеологическая картина советского общества стала восприниматься людьми как вопиющая ложь, как жульническая маскировка неприглядной реальности. Деморализующий эффект от этого оказался сильным не потому, что люди осознали недостатки реального коммунизма (они стали привычными), а потому, что реальность не оправдала обещаний руководителей и идеологов общества.

В хрущевские годы и первые годы брежневского правления, далее, началась всесторонняя критика сталинизма во всех слоях советского общества. Эта критика постепенно переросла в критику советского коммунистического строя вообще. Это происходило внутри советского общества, можно сказать, для внутренних нужд. То, что вырвалось наружу и получило известность на Западе, составляло лишь незначительную долю этой критической эпидемии. Крайним проявлением этой эпидемии явилось диссидентское движение, «самиздат» и «тамиздат». Критике подверглась и сталинская «вульгаризация» идеологии, которая постепенно переросла в пренебрежительное отношение к идеологии вообще. Даже в кругах самих идеологов и партийных деятелей, занятых в идеологии, стали стыдиться апеллировать к идеологии и ссылаться на нее. Появились бесчисленные статьи и книги в рамках идеологии и в околоидеологических сферах, в которых, однако, идеология третировалась или игнорировалась совсем, в лучшем случае от неё отделялись несколькими ничего не значащими цитатками и упоминаниями. Даже бывшие ярые сталинисты оказались захваченными этой эпидемией, зачастую опережая «новаторов» (из конъюнктурных соображений, конечно). В область идеологии устремились толпы всякого рода «теоретиков», т.е. неудачников, графоманов и карьеристов из различных наук, которые буквально заполнили идеологию модными идейками и словечками. И все это делалось под соусом творческого развития марксизма. Причем сами эти творцы в своих узких кругах издевались над развиваемым ими марксизмом. Они воображали, будто делают духовную революцию, лишь в силу необходимости прикрываясь интересами марксизма. На самом деле они ничего другого, кроме безудержного словоблудия, производить не могли. Однако они наносили ущерб идеологии, имея за это награды и похвалы.

В Советском Союзе прилагались титанические усилия к тому, чтобы внушить советским людям определенные представления о Западе и выработать у них иммунитет по отношению к тлетворному влиянию Запада. Это тлетворное влияние – не выдумка советской пропаганды и

КГБ. Оно было реальным фактом советской жизни, причем фактом в высшей степени серьезным. В послесталинские годы Запад начал оказывать огромное влияние на идеологическое состояние советского общества, причем влияние именно тлетворное, деморализующее, ослабляющее советское общество изнутри. Нужно особое исследование для того, чтобы выяснить, какую пользу Советский Союз извлек из общения с Западом после поднятия «железного занавеса» и какой ущерб ему нанесло влияние Запада. Но уже сейчас бесспорно следующее. Запад стал постоянно действующим фактором повседневной жизни советского общества. Советская идеология впервые столкнулась с серьезным противником, угрожавшим её власти над обществом. Когда советские руководители, допуская мирное политическое сосуществование с Западом, исключали мирное идеологическое сосуществование, они тем самым адекватно оценивали опасность западного влияния на идеологическое состояние советского общества. Одними лишь мерами репрессий эту опасность нельзя было преодолеть. Советской идеологии предстояло показать, насколько она была способна своими собственными средствами одолеть болезнь «западнизма», уже глубоко проникшую в советское общество.

Но главный фактор, породивший тенденцию к кризису в идеологической сфере, – «холодная война», начавшаяся сразу после окончания Второй мировой войны и являющаяся в основе своей войной идеологической.

Запад всегда занимал существенное место в советской идеологической жизни, т. е. в её идеологическом учении, в работе всей системы идеологической обработки населения и в идеологическом состоянии населения страны. В идеологическом учении это прежде всего ленинское учение об империализме как высшей и последней стадии капитализма и о неизбежности победы коммунизма во всем мире. Советские партийные деятели и профессиональные идеологи «развили» ленинское учение далее, учтя факт образования социалистического лагеря и раскол мира на непримиримые социальные системы. Сделали они это в строгом соответствии с канонами идеологии: словесно препарировали современность так, что она стала выглядеть подтверждением ленинских предначертаний, а само учение обрядили в словесные одежды, придавшие ему видимость непреходящей актуальности. Тут мы имеем характерный пример идеологического отношения к реальности: последняя не прямо отражается в сознании некоторой категории людей, занятых в идеологии или поглощающих её, а через искусственную словесную сетку. Задача этой идеологической сетки – очернить противника, облагородить себя.

В брежневские годы Запад обрушил на советское общество мощнейший поток информации (скорее, дезинформации) о жизни на Западе, западной культуры (скорее, массовой псевдокультуры), идеологии, пропаганды западного образа жизни и критики образа жизни советского. И надо сказать, что он нашел тут благоприятную ситуацию. Советский идеологический аппарат оказался не в состоянии ему противостоять. Никакие усилия советской контрпропаганды и карательных органов (в том числе глушение западных радиостанций и аресты) не могли остановить это наступление Запада на души советских людей. Последние, в особенности – образованные и привилегированные слои, испытали такое влияние Запада, какого до сих пор не знала не только советская, но и досоветская русская история. Оказалось, что

советские люди не имели защитного иммунитета против такого влияния.

Запад, по многочисленным каналам ворвавшись во внутреннюю жизнь советского общества, нанес ему такой психологический и идеологический ущерб, с каким советскому обществу пришлось столкнуться впервые. Запад нанес удар по фундаментальным принципам идеологии насчет преимуществ советского строя и образа жизни перед западным. Запад способствовал смещению интересов людей в сторону чисто материальных потребностей и соблазнов. Запад в огромной степени способствовал расцвету коррупции в правящих слоях общества, вплоть до самых высших.

Негативные явления реального коммунизма стали объектом грандиозной антикоммунистической пропаганды на Западе и в Советском Союзе со стороны Запада. Капитализм не сошел со сцены истории, как предрекали Маркс и Ленин, а укрепился и на данном отрезке истории вроде бы выиграл соревнование с коммунизмом. В Советском Союзе наметился экономический спад, тогда как на капиталистическом Западе наступило неслыханное процветание. Советские люди стали видеть там обещанный коммунистами земной рай. Система высших духовных и моральных ценностей, которую советская идеология стремилась привить советским людям, оказалась неадекватной реальным качествам людей и условиям их бытия. Система западных ценностей, подкрепляемая соблазнами западного образа жизни, обрушилась с неслыханной силой на человечество, включив в сферу своего воздействия и советских людей. И они из одной крайности бросились в другую, став самым податливым объектом идеологически-психологической атаки со стороны Запада.

Запад в воображении советских людей стремительно превращался в величайший соблазн. Склонность к критическому отношению ко всему своему, зависть ко всему чужому, а также ненаказуемость бесчисленных поступков, так или иначе наносивших ущерб советскому обществу, довершили комплекс причин, сделавших идеологический кризис советского общества неотвратимым.

В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы были разгромлены все основные опоры советского социального строя. Советская государственная идеология была просто отброшена. Гигантская армия советских идеологов без боя капитулировала. Она просто испарилась, как будто её не было вообще. Но вместо обещанного реформаторами и их западными манипуляторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма-сталинизма наступило состояние, в отношении которого слово «беспредел» является уместным с гораздо большими основаниями, чем в отношении прочих аспектов социальной организации страны.

В Россию хлынул мощный, ничем не сдерживаемый поток западной идеологии. Он с поразительной быстротой овладел большей частью средств массовой информации, ставших, как на Западе, своего рода «ватиканами» западнизма. Западнистская система ценностей нашла в России на редкость благоприятную почву. Западная массовая культура, являющаяся орудием идеологии западнизма, стала покорять души россиян, особенно новых поколений. Началось безудержное возрождение религий, и прежде всего православия, которое стало вести себя почти

как государственная религия. Оно заручилось поддержкой высших властей и настойчиво вступило в борьбу за души россиян. Бывшие убежденные атеисты из партийного аппарата и из высокообразованной интеллигенции молниеносно превратились в столь же убежденных верующих и внесли свою лепту в церковительство с таким же энтузиазмом, с каким их предшественники в двадцатые и тридцатые годы делали это в церковоразрушительство.

Хотя советская идеология была отменена как государственная и общеобязательная, она оставила глубокий след в сознании многих миллионов россиян, в культуре, в образовании, в политических партиях и т.д. Она дает знать о себе в потребности в идеологии, объединяющей население в единое общество и обслуживающей его систему власти и управления, а также в потребности в едином государственном идеологическом механизме. Попытки удовлетворения этой потребности можно усмотреть в поисках «национальной идеи», в сочинении всякого рода доктрин, в программных заявлениях, в стремлении создания «партии власти».

Еще жив марксизм–ленинизм как идеология коммунистических партий. Но он вряд ли снова станет таким значительным социальным феноменом, каким был ещё не так давно. Конечно, если произойдут какие–то потрясения в мире, и человечество окажется в состоянии, сходном с тем, какое имело место в годы рождения и взлета марксизма, то возможно будет возрождение марксизма в качестве идеологии прежнего масштаба. Но вероятность этого ничтожна. Эволюция человечества пошла в таком направлении, что рассчитывать на это бессмысленно. К тому же и с точки зрения интеллектуального состояния марксизм не может рассчитывать в двадцатом веке на успех, какой он имел в прошлом.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

МАРКСИЗМА

Марксизм имел высокий интеллектуальный уровень в качестве массовой и государственной идеологии. Но он претендовал на большее – на статус науки. И он идеологами марксистами превозносился именно как наука. А в этом качестве его следует оценивать уже другими критериями, а именно – логическими. Я педантичным образом проанализировал марксистское учение именно в этом аспекте и установил, что все его основные понятия и утверждения не соответствуют критериям логики и методологии науки. Проиллюстрирую это мое заявление несколькими примерами.

Основное содержание философской части марксизма образуют диалектика и материализм. Первая была заимствована из работ Гегеля, второй – из работ Фейербаха. Скажу здесь лишь о судьбе диалектики. Она сложилась драматично. Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал её также в большей мере, чем кто–либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал её. Но он не дал её систематического

построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями. Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив её на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав её от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику с идеологией и политикой, изобразив её как оружие пролетариата, как «алгебру революции». В странах победившего коммунизма диалектика в предельно опошленном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом всеобщего презрения и насмешек.

Марксистская диалектика обычно определялась как наука о всеобщих законах развития природы, общества, человека и мышления, короче говоря, – общие законы всего на свете. Во все времена, во всей вселенной. А откуда взялась такая уверенность, что нигде и никогда не было, нет и не будет случая, когда тот или иной всеобщий закон не будет действовать? Да и что такое закон? Я просмотрел сотни определений закона и не встретил ни одного, которое хотя бы мало-мальски терпимо придерживалось логической ясности. Все без исключения могут служить примерами логической безграмотности. И ведь все претендуют на высшую научность!

Слово «закон» неоднозначно. В конкретных эмпирических науках и в методологии этих наук говорят о законах науки (или о научных законах). При этом имеют в виду определенного типа суждения об исследуемых объектах. То, о чем говорится в таких суждениях, называют законами объектов. Речь идет об одном и том же, только в одном случае имеют в виду языковые выражения, а в другом – то, что в них фиксируется. При этом законами науки (законами объектов) называют суждения самого различного логического типа. Их число включают обобщения результатов наблюдений и экспериментов, которым приписывают какую-то особо важную роль в науке, утверждения о причинно-следственных связях, о строении объектов и т.д. Тем самым смешиваются различные с логической точки зрения языковые выражения и, соответственно, явления изучаемой реальности. Феномен закона науки (и закона объектов) остается непонятым в его отличии от других – от общего, причины, отношения, связи и т.п.

Чтобы оперировать словом «закон» как научным понятием, необходимо проделать логическую операцию, называемую экспликацией понятий. В упрощенном виде она выглядит так. Принимается решение законами науки (суждениями законов) называть такие суждения, которые явно или неявно предполагают определенные условия, при которых они всегда (универсально) истинны. Логическая структура ситуации при этом в явном виде имеет вид: если А, то В, где в А фиксируются условия, при которых В всегда истинно, а В фиксирует то, что мы называем законом объектов, о которых в В говорится. В языковой практике условия законов обычно не учитываются совсем или подразумеваются неявно как

нечто само собой разумеющееся. В практике познания эти условия также зачастую подразумеваются, поскольку в реальности они существуют как нечто постоянное, или выявляются лишь частично, что не гарантирует универсальность закона.

А если вы ввели точное понятие объективного закона, то из определения логически следует, что всеобщие законы в смысле марксистской диалектики просто не могут существовать: условия законов в различных предметных областях различны, а зачастую исключают друг друга.

Из этого не следует, будто явления диалектики не существуют. В эмпирической реальности постоянно наблюдаются явления, которые можно назвать явлениями (фактами) объективной диалектики. Это – возникновение, изменение, исчезновение, связи, противоположности, раздвоение и т.п. эмпирических объектов. Мы вправе ввести соответствующие понятия и осуществить какие-то обобщения. Но мы вправе это сделать в рамках наблюдаемых явлений, а не для бытия вообще, без всяких ограничений. Например, видя конкретные факты борьбы противоположностей, мы можем определить, что это такое, ввести в язык соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений. Но логически ошибочно утверждать, будто всем явлениям бытия свойственно такое. Из определений понятий такой вывод не следует. Зато можно показать, что такое чрезмерное обобщение на все бытие порождает логические противоречия. Если всем явлениям бытия свойственны единство и борьба противоположностей, то и объектам, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, свойственны единство и борьба противоположностей. А это логическое противоречие означает, что рассматриваемое обобщение на все явления бытия ложно. Можно возразить, что объекты, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, не существуют согласно нашему обобщению. Но в таком случае обобщение превращается в тавтологию: всем объектам свойственны единство и борьба противоположностей, за исключением тех, которым они не свойственны. Аналогично обстоит дело с прочими чрезмерными обобщениями диалектики.

Сказанное не есть всего лишь словесная казуистика. Диалектика как учение есть языковая конструкция, и как таковая она должна строиться в соответствии с правилами логики. И прежде всего, она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике.

Обратимся ко второй части марксизма. Прежде всего рассмотрим самую фундаментальную идею марксистского учения об обществе – материалистическое понимание истории. Оно считается распространением философского материализма на человеческое общество. Если строго придерживаться именно философского материализма, то самое большее, что должно было дать его распространение на сферу человеческой истории, это рассмотрение человеческого общества и истории человечества как объективной реальности, существующей вне сознания теоретиков и независимо от него, и рассмотрение сочинений этих теоретиков как отражения этой реальности. Но такой

материалистический подход был обычным делом почти для всех, кто думал на темы истории и человеческого общества. Это было всеобщей банальностью. Марксизм сделал нечто большее, чем признание этой банальности: он явления самой человеческой истории разделил на материальные и идеальные, что равным счетом ничего общего не имеет с философским материализмом.

В основе марксистской социальной доктрины лежит понятие способа производства. В этом, собственно говоря, и усматривается материализм: способ производства считается базисом общества, на котором возвышаются все «надстройки», включая государственные учреждения. При этом игнорируется начисто тот факт, что ничего идеального в государственных учреждениях (армия, полиция, тюрьмы) нет и что в способе производства «идеальных» явлений не меньше, чем в надстроечных. В способе производства различаются производительные силы (средства производства и приводящие их в действие люди) и производственные отношения (отношения между людьми в процессе производства). Примат при этом отдается первым. А между тем были и есть общества, в понимании которых этот принцип просто ошибочен фактически.

Главным признаком производственных отношений считается отношение собственности, конкретнее говоря, чьей собственностью являются средства производства. Главным признаком производственных отношений капитализма, например, является то, что средства производства суть частная собственность капиталистов, а главным признаком производственных отношений коммунизма является общественная собственность на средства производства. Почему, спрашивается, отношения собственности, а не какие-то иные? Собственность как главный признак производственных отношений здесь выделена с определенной идеологической целью: дать «обоснование» тому, что частная собственность есть источник всех зол, что достаточно уничтожить её, как наступит рай земной. Но отношения собственности суть совсем иной аспект рассмотрения общества, чем аспект производства материальных благ. Собственность есть отношение правовое, и согласно самим же марксистским критериям должно быть отнесено к явлениям «надстройки», а не «базиса» общества. По самому определению понятий, вещь по праву (а не по обычаю или в силу захвата) есть собственность индивида или группы индивидов, если и только если имеется другой индивид или группа индивидов в рамках данной человеческой общности, собственностью которого (или которых) эта вещь не является. Если общество в целом владеет средствами производства, то понятие собственности просто неприменимо к этому случаю.

Согласно марксистскому учению, общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Первые суть производственные отношения, экономическая структура общества. Вторые суть государство и право, такие формы общественного сознания, как мораль, религия, философия, искусство, а также политическая и правовая форма сознания. Идеологические отношения суть лишь надстройка над материальными. Каждому базису соответствует своя надстройка. Со сменой базиса меняется и надстройка. Теперь припомним, что нужно для того, чтобы какое-то явление считать материальным. Это – быть вне

сознания людей, производить в нас ощущения (материя – объективная реальность, данная нам в ощущениях). А что такое государство? Тюрьмы, армия, полиция, милиция, чиновничий аппарат, – что это? Только плод воображения или нечто, существующее вовне и производящее весьма заметные ощущения в нас? А отношения людей в этих учреждениях, что это такое? Разве мы их не воспринимаем как нечто, происходящее вне нас? И чем с этой точки зрения производственные отношения материальнее? Принцип материализма тут совсем ни при чем. Остается лишь одно: экономические отношения общества определяют собою все прочее, являются базисом для них. Но что такое экономические отношения? Получается типичная тавтология: это такие отношения, которые определяют собою все отношения данного общества. Но тогда вопрос о том, какие именно отношения играют такую роль, остается открытым. И никакого основополагающего принципа не остается.

Согласно марксистскому учению об обществе, способ производства с присущими ему формами общественного сознания, с политическими, юридическими и прочими институтами, образует общественно-экономическую формацию. Насчитывается пять таких формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Во времена Маркса последняя лишь проектировалась как формация, которая должна была прийти на смену капиталистической. В последовательной смене этих формаций усматривается некая историческая закономерность. Утверждается некий закон перехода от низших форм к высшим. На самом же деле не существует никаких законов превращения одного типа общества в другой. Не существует, подобно тому, как нет законов превращения мух в слонов, слонов в коров, кроликов во львов и удавов. Марксистская теория социальной эволюции есть результат логических ошибок. В историческом процессе из разных его мест и эпох вырывались отдельные куски – типы обществ. Они отбирались по определенным критериям и располагались в умозрительный упорядоченный ряд. Этот ряд рассматривался как закономерные этапы развития общества (от «низшего к высшему»).

Само собой разумеется, коммунистическое общество при этом изображалось как высший продукт исторического развития, причем – не только как закономерный, но даже как необходимый. В реальности же коммунистическое общество возникло совсем не по марксистской схеме. Никакого коммунистического экономического «базиса» в России до революции 1917 года не было. Сначала революционеры захватили высшую власть и стали создавать систему власти и управления страной. Лишь затем власть стала создавать экономический «базис» коммунизма. По-марксистски же должно было бы происходить наоборот: должен быть создан «базис», и власть как «надстройка» должна быть приведена в соответствие с ним. Коммунизм возник не путем высокого развития капитализма и превращения его в коммунизм, – такое превращение в принципе невозможно. Коммунизм возник в отсталой крестьянской стране со слабо развитыми капиталистическими отношениями, что и послужило одним из условий успеха коммунистического «эксперимента». Он сложился в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм в условиях полного развала всех основ предшествовавшего общественного строя. Он явился не покорным воплощением в жизнь распоряжений вождей и рекомендаций

идеологов, как правило, либо бессмысленных, либо заведомо невыполнимых, а результатом великого исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще не имели понятия о марксизме, либо знали о нем весьма смутно, либо истолковывали на свой лад. Сам Ленин отрицал возможность социалистической (коммунистической) революции в России за несколько дней до начала революционного кризиса 1917 года. Это несколько не снижает его великую историческую роль. Наоборот, его гений проявился тут в том, что он на практике поступил вопреки идеологической догме.

В марксизме различают две стадии коммунизма – низшую (социализм) и высшую (полный коммунизм). Различают по принципам распределения жизненных благ: на первой стадии действует принцип «от каждого – по способности, каждому – по труду», а на высшей стадии – принцип «от каждого – по способности, каждому – по потребности». Уже сам факт различения эволюционных уровней общества по типу распределения жизненных благ есть признак ненаучности подхода к социальным объектам. Допустим, вы решили педантично следовать принципу «каждому по труду» при вознаграждении работников за их деятельность. Если люди заняты одинаковой деятельностью, ещё можно сравнивать их труд по их результатам. Но как быть, если люди заняты разнородной деятельностью и сравнивать их труд по результатам деятельности оказывается невозможным? Как сравнить труд начальника и подчиненного? Имеется единственный общественно значимый критерий сравнения труда в таких случаях – это фактические социальные позиции людей. Средненормальное осуществление деловых функций человеком в данной его социальной позиции соответствует его труду, отдаваемому обществу. Практически принцип «каждому по труду» реализуется как принцип «каждому по его социальному положению». И реальные люди в реальном коммунистическом обществе прекрасно это понимают на своем опыте. Следствием действия этого принципа является ожесточеннейшая борьба миллионов людей за улучшение своей социальной позиции.

Выражение «по потребности» тоже допускает различные интерпретации, по крайней мере такие: 1) будет достигнуто изобилие жизненных благ; 2) любые потребности людей будут удовлетворены; 3) общество будет решать, что считать потребностью человека. Очевидно, что во втором смысле принцип «по потребности» никогда реализован не будет. Изобилие же – понятие относительное, исторически определенное. Тот жизненный уровень, который в прошлые века мыслился как изобилие, в Советском Союзе мы имели для огромного числа людей. Число людей, живших у нас по потребности в этом «скромном» смысле, было больше, чем все население России до революции. Тем не менее это не устранило неравенство, недовольство своим положением, зависть, жажду иметь больше. Я вообще считаю, что рост благосостояния населения стал одной из причин краха русского коммунизма. Он усилил расслоение общества и материальное неравенство. Жажда иметь росла быстрее и сильнее, чем возможность её удовлетворять. На этой основе возникло другое, чисто обывательское истолкование принципа «по потребности» – как удовлетворение желаний современных людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже представляли себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран.

Основатели учения марксистского коммунизма вряд ли подозревали о холодильниках и телевизорах как предметах первой необходимости, вряд ли думали, что автомобиль станет заурядным средством транспорта. Но советский обыватель уже не мыслил себе коммунизма без многокомнатной квартиры со всеми удобствами, без телевизора и холодильника, без посудомоечной машины и джакузи, без личного автомобиля и без дачи.

Ошибочно думать, будто происходило снижение интеллектуального уровня советской идеологии по сравнению с неким первоначальным, необычайно умным, марксизмом. Произошло нечто другое. Шли годы. В мире происходили великие перемены. Тенденции эволюции человечества, подтверждавшие правоту предвидений марксизма, уступили первенство тенденциям, сделавшим эти предвидения неадекватными и даже во многом очевидно ложными. Колоссально изменился интеллектуальный уровень потребителей идеологии. Развитый в марксизме способ понимания реальности и осмысливания прогресса науки оказался неспособным справиться с новыми задачами познания и стал препятствием научного подхода к реальности.

СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ

ИССЛЕДОВАНИЙ

Не следует думать, будто только с марксизмом происходило то, о чем говорилось выше. Вся мировая сфера социальных исследований оказалась в состоянии, не адекватном реальной социальной эволюции человечества.

Коммунистический социальный строй просуществовал в Советском Союзе и других европейских странах семьдесят лет. Изучением его занималось огромное число специалистов. А за все годы не была создана признанная теория, удовлетворяющая критериям науки. Это касается не только советских теоретиков, но и западных. И в отношении стран западного мира произошло то же самое. Сочинения западных теоретиков так же далеки от реальности социального строя стран Запада, как сочинения советских авторов – от советской реальности. То же можно сказать обо всем том, что пишется и говорится о происходящей на наших глазах социальной эволюции человечества. В чем тут дело?

Социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений. О социальных объектах думают, говорят, пишут и читают фактически все нормальные взрослые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Так что всякий человек – в какой-то мере исследователь социальных объектов.

Особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них, постоянно имеют с ними дело. Они должны уметь жить в качестве социальных объектов и в их среде. Для этого они должны как-то познавать их, что-то знать о них. Они приобретают свои знания в ходе воспитания, обучения и образования, от общения с другими людьми, на личном опыте, из средств информации, из литературы и фильмов. Таким

путем у них складываются свои представления о социальных объектах, можно сказать – житейские или обывательские представления. На этом уровне о социальных объектах думает подавляющее большинство представителей рода человеческого.

Что-то знать о социальных объектах и научно понимать их – это далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало что понимать, тем более – понимать на научном уровне. Обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи. В наше время положение в этом отношении приняло поистине гротескные формы и катастрофические размеры. Интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда продуктами и отходами современной промышленности. Чуть ли не каждый мало-мальски образованный человек считает себя специалистом в понимании явлений своего общества только на том основании, что он имеет какой-то опыт жизни в нем и кое-что знает о нем. Такие дилетанты воображают, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых они живут, в которых принимают участие и которое сами творят. А те из них, кто занимает высокое положение в обществе, известен и имеет возможность публичных выступлений, считают себя и признаются другими за высших экспертов в сфере социальных явлений. Люди верят президентам, министрам, королям, знаменитым актерам и даже спортсменам больше, чем профессионалам в исследовании социальных явлений, хотя эти высокопоставленные личности и знаменитости обычно несут несусветный вздор, а он больше соответствует обывательским представлениям, чем суждения профессионалов. Последним верят тогда, когда они занимают высокое положение, признаются и поощряются властью имущими и погружают свои профессиональные достижения в трясину обывательского сознания и идеологии. Таково первое серьезное препятствие на пути научного познания социальных явлений.

Для самосохранения человеческих объединений, для упорядочивания совместной жизни больших масс людей и для управления ими жизненно важно то, что и как люди думают о социальных явлениях. Суждения о последних неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Потому эта сфера изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем идеологии.

Идеология навязывается членам человеческих объединений и так или иначе препятствует познанию социальных явлений. Эта роль идеологии была очевидна в коммунистических странах, в которых имела место канонизированная государственная идеология. Если бы марксизм был научным пониманием коммунизма, он должен был бы утверждать неизбежность и в коммунистическом обществе социального и экономического неравенства, необходимость государства и денег, неизбежность классов и других явлений, считавшихся язвами капитализма, и тогда он не имел бы массового успеха. И в западных странах, которые считаются неидеологическими, повторяю, засилье идеологии не только не уступает таковому в Советском Союзе, но значительно превосходит его.

Таково второе серьезное препятствие на пути научного понимания социальных явлений.

И третье препятствие на пути научного познания социальных объектов – гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки, добывающих себе жизненные блага и добывающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов. Лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований.

Социальные объекты суть эмпирические (опытные, видимые, наблюдаемые) объекты. В исследовании их затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в естествознании. Исследователи добывали сведения о социальных явлениях путем личных наблюдений, знакомства с источниками, в которых были зафиксированы результаты наблюдений других исследователей и очевидцев событий, знакомства со всякого рода документами и свидетельствами. Главными орудиями исследований были средства наблюдения фактов и логические средства – сравнение, отбор, обобщение, абстрагирование, классификация, определение понятий, умозаключения, гипотезы и т.д. Причем, эти логические средства были в том виде и ассортименте, в каком они были описаны в сочинениях по логике и методологии науки и стали известны исследователям. А это был довольно бедный логический аппарат, который сам по себе ограничивал возможности осмысления эмпирического материала, доступного исследователям.

В XIX веке был разработан и получил широкую известность диалектический метод (диалектика). Но его постигла печальная участь, о чем я уже говорил. Диалектика вообще была вычеркнута из методологии социальных исследований.

В XX веке к рассмотренным выше методам добавились методы «конкретной» («эмпирической») социологии – сбор и обработка статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных людей по заранее разработанным анкетам (вопросникам) и обработка результатов этих опросов. Во второй половине века эти эмпирические методы захватили почти безраздельное господство в сфере социальных исследований, оттеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения частных задач. Но было бы ошибочно, на мой взгляд, преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и профессиональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства

отобранных граждан, отсортированные факты и т.п. – это все кажется на первый взгляд бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими «бесспорными» величинами и фактами. Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и идеологического оболванивания масс.

Конечно, ни в какой другой сфере исследования изучаемые объекты не рассказывают о себе сами, как это имеет место с социальными объектами. Но трудно сказать, чего больше от таких помощников исследователя – пользы или вреда. Многие ли письменные свидетельства прошлого заслуживают доверия?! Многие ли из них адекватны сущности исторических событий?! Люди впадают в заблуждения, подвержены всяким влияниям, способны к обману. Люди могут думать одно, а делать другое. Их настроения и мнения меняются. Так что даже в тех случаях, когда требуется выяснить, что именно люди думают о какой-то проблеме, их признания и опросные данные далеко не всегда надежны. А когда нужно исследовать структуру человеческих объединений, взаимоотношения их сфер, слоев населения, классов, партий и прочих явлений, их функционирование и закономерности, то опрашивать мнение людей обо всем – значит заранее исключать всякую возможность научного понимания. Электроны, атомы, хромосомы, молекулы, животные и прочие объекты, не обладающие разумом, молчат, но они по крайней мере не врут и не обладают прочими пороками, свойственными разумным существам.

Для построения целостной теории коммунизма, западнизма и того типа человеческих объединений, какие стали формироваться после Второй мировой войны, методы «конкретной» социологии не годились очевидным образом. Обращаться к массам людей с вопросами о том, что они думают по поводу проблем, в которых сами опрашиваемые не смыслят ничего, по меньшей мере нелепо.

Вследствие рассмотренных (и других) факторов сложился способ сочинительства и разговоров в сфере социальных явлений, который полностью игнорирует принципы научного подхода к этим явлениям.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Поясню кратко, что такое научный подход к изучаемым объектам (научное понимание). Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он больше нужен в профессиональной науке и чаще тут встречается. Но нет запретов на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и, не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впасть в заблуждения. Но его целью является все-таки истина. Фраза «Платон мне друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т.д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия – это хорошо, а диктатура – плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории, Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщали, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и считали это признаком научности, а учения «буржуазных» мыслителей считали ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков, – это тоже вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о «полном коммунизме» («научный коммунизм») возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе. При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его ещё не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении ещё дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку согласно Марксу он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно: брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условий и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не

реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем, капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти ставшие бессмысленными представления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине нашего века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некоей правильной демократии.

Научный подход к объектам предполагает следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне. Подавляющее большинство говорящих и пишущих на социальные темы просто не умеют пользоваться этими правилами. Лишь самые примитивные из этих правил и на самом примитивном уровне усваиваются как бы сами собой, просто в практике образования и работы.

Но мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знакомы только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки. Ее состояние фактически не соответствует задаче обеспечения научного подхода к социальным проблемам современности.

СОСТОЯНИЕ ЛОГИКИ, ОНТОЛОГИИ,

МЕТОДОЛОГИИ

Что является предметом логики как особой науки? Ответ кажется вроде бы очевидным и общепринятым: законы правильного мышления. Но что такое мышление? Деятельность мозга? Но логика как наука появилась давно, а деятельность мозга (то, что происходит в мозгу людей) стало предметом научного исследования совсем недавно. И что значит – правильное мышление? Проанализируйте ответы на этот вопрос, и вы получите в итоге, что правильным мышлением считается мышление по

законам (правилам)... логики. И глубже этой тавтологии дело не идет. А попытки объяснить, как именно логика изучает мышление, так или иначе кончаются тем, что в качестве правил «мышления» приводятся операции с объектами языка – со словами и предложениями. Основное содержание курса логики – определения понятий (т.е. слов, терминов) и умозаключения (т.е. получение из данных высказываний новых), а также более сложные языковые конструкции из понятий и высказываний.

В отношении природы правил логики сложилась и приобрела силу предрассудка философская концепция, будто эти правила суть отражение неких общих законов бытия. Например, на вопрос, почему из суждений «все люди смертны» и «Сократ есть человек», логически следует суждение «Сократ смертен», философы (а логика существовала в рамках философии) отвечали: так устроен мир (бытие). Тем самым вопрос о природе правил логики вообще отбрасывался, и эти правила предлагалось принимать и заучивать без объяснения.

Математическая логика, сделав вклад в методы логических исследований, сместила основное внимание в аспект разработки формального аппарата логики и превратила сами эти средства логики в её содержание, в её предмет. Предмет логики при этом несколько не расширился, понимание его не улучшилось, а технические средства были неимоверно раздуты. Сложилась новая система предрассудков и ложных концепций. Например, сложилось убеждение, будто законы логики зависят от предметной области (отсюда идея особой логики микромира), будто они не универсальны, будто имеют непосредственные приложения вне сферы языка. В этом отношении характерна подмена правил логики математическим аппаратом, применяемым в вычислительных и информационных устройствах. Вместе с тем предметная сфера внимания логики даже сузилась сравнительно с доматематическим периодом логики (сравнительно с «философской» логикой) и произошло содержательное обеднение логики. Например, была совсем заброшена часть логики, называвшаяся в доматематический период индуктивной логикой. Ограничив сферу логики в смысле охвата проблем и сведя логические исчисления к чисто техническим (математическим) задачам, математическая логика включила неявно и порою явно в решение чисто логических проблем нелогические предпосылки и допущения, так что получилась деформированная (смещенная) теория: она не включила в себя то, что необходимо для логики как особой науки, и включила в себя то, что должно быть исключено из логики. В результате создались затруднения, непомерно усложнившие и даже вообще исключившие решение целого ряда логических задач. Логика вообще утратила суверенитет особой науки, лежащей в основе всех прочих наук, включая математику.

Вместо того чтобы дать научное описание человеческого сознания, логика совсем устранилась от этой задачи, которую никакая другая наука не могла решить, и сосредоточилась на проблемах техники самой логики, оторванной от задач, для решения которых эта техника была изобретена. В результате сфера сознания осталась во власти философского словоблудия и религиозного мракобесия.

Онтологические проблемы (проблемы бытия) оказались полностью оторванными от логики. Они оказались в ведении философского учения о бытии и так называемой философии конкретных наук. Последняя по

интеллектуальному уровню не поднялась выше философских учений. Она ограничилась философскими обобщениями и пересказом методов конкретных наук. Она, как и философия, обнаружила полную неспособность подняться на научный уровень в осмыслении понятийного аппарата и методов мышления конкретных наук.

В аналогичном положении оказался и третий аспект интеллектуальной деятельности людей – аспект познания (гносеология, учение о методах познания).

ПРОБЛЕМА НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

То, что идеология играет важную роль в жизни людей, это стали понимать даже американцы, думавшие, будто с крахом советского коммунизма наступила постидеологическая эпоха, будто им никакая идеология не нужна. Они покоряют планету явно с идеологией превосходства американской социальной организации и американской системой ценностей, с идеологией антикоммунизма, антитерроризма, антиэкстремизма и т.п. В постсоветской России свою идеологию стремятся выработать политические партии и высшая власть. Захватывает идеологические функции православная церковь. Идут поиски национально-русской идеологии. И хотя этого или нет, осознают это или нет, в подсознании ищущих и творящих идеологии мыслителей маячит образец отвергнутой и поверженной марксистской идеологии. Естественно, возникает вопрос: возможно ли возникновение новой идеологии, сопоставимой с марксизмом и способной сыграть в наступившем веке роль, аналогичную той, какую сыграл марксизм в девятнадцатом и двадцатом столетии прошлого тысячелетия?

Чтобы ответить на этот вопрос, его надо дифференцировать на такие два: 1) возможно ли создать учение, превосходящее марксизм интеллектуально, т.е. с точки зрения уровня понимания тех явлений, на понимание которых претендовал марксизм; 2) сможет ли такое учение в случае, если оно будет создано, стать идеологией какого-то множества людей, какой-то организации, какого-то человека?

Чтобы создать такое учение, нужен определенный интеллектуальный материал, отличный от того, на основе которого возник марксизм. Материал для марксизма существовал в наличности, был достаточно широко известен и в какой-то мере признан. Марксизм возник как его продолжение. В той же ситуации, которая в наше время сложилась в интеллектуальном аспекте человечества, такого материала для идеологии более высокого уровня, чем марксизм, в наличности в качестве общественно значимого, более или менее широко известного и влияющего на умы многих людей, просто нет.

Для искомой идеологии нужна наука в качестве интеллектуальной основы. Но не наука вообще, не любая наука. Большинство наук вообще идеологически нейтральны. И наука не в любом состоянии. Нужна наука, соответствующая философской части идеологии, и наука, соответствующая её социальной части (учению об обществе). Но именно они в их официально принятом, широко известном и включенном в программу обучения и профессионализации виде находятся в состоянии, не пригодном для выполнения рассматриваемой задачи.

Я всю свою жизнь занимался разработкой своей теории реального коммунизма (так я называл социальную организацию Советского Союза) и западнизма (так я называл социальную организацию стран западного мира), а также разработкой фундаментальной социологической теории, которую я называл логической социологией. Делал я это на основе разработанной мною же логической концепции, которую называл комплексной логикой, или интеллектологией. Последняя охватывала проблемы логики, онтологии и методологии науки. Проблемы футурологии меня интересовали как часть проблем социологии, т.е. как проблемы научного прогнозирования. Таким образом, вся проблематика советской идеологии (включая философию) входила в сферу моих интересов, но без намерения создавать на основе моих научных исследований некую новую идеологию. Тем не менее мне пришлось читать курсы лекций, делать публичные выступления, давать интервью и печатать газетные и журнальные статьи на уровне, доступном для широкого круга читателей и слушателей без специального логического и социологического образования, т.е. фактически пришлось заниматься деятельностью идеологической, – пропагандировать результаты своих научных исследований и применять их для понимания и объяснения событий российской и мировой жизни. При этом я убедился в том, что разработанное мною учение вполне могло бы быть использовано в качестве интеллектуального материала для идеологии, о которой идет речь. Ниже я хочу кратко пояснить суть результатов моих исследований и то, какое они имеют значение для идеологии.

ИНТЕЛЛЕКТОЛОГИЯ

Я разработал свою логическую теорию, радикально отличающуюся от всех тех, которые известны в мировой логике. Я назвал её комплексной логикой, желая этим подчеркнуть то, что решение важнейших проблем логики может быть достигнуто лишь на пути рассмотрения их в комплексе, а не по отдельности. В частности, нельзя должным образом осуществить логическую обработку языка как орудия познания, игнорируя предметное значение языковых выражений, т.е. их онтологический аспект. Нельзя логически строго описать явления бытия, игнорируя свойства языковых средств, используемых в описании, и методов познания этих явлений. Нельзя логически строго описать

методы познания (исследования) явлений бытия, не привлекая языковые средства фиксирования знаний и оперирования ими. Короче говоря, три ветви традиционной философии – логика, онтология и гносеология – должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики. Построенную так логику можно назвать также интеллектологией, т.е. наукой о логическом аспекте интеллектуальной деятельности людей (о логическом интеллекте).

Как я уже заметил, развитие логики, непомерно раздутое в пропаганде, на самом деле оказалось весьма однобоким, ограничившись самыми примитивными логическими знаками. К тому же логикой завладели ложные философские концепции, исключавшие разработку её в интересах опытных наук. Содержательный аспект логических объектов (знаков, операторов, операций) просто выпал из поля внимания логиков. А в так называемой философии естествознания, где этот аспект рассматривался в связи с методологическими проблемами конкретных опытных наук (в особенности – физики), полностью игнорировался логический (формальный) аспект. Так что мне пришлось радикально пересмотреть состояние исследований в сфере логики и методологии науки, выработать свою собственную логическую концепцию и расширить сам аппарат логики с ориентацией на методологические проблемы социальных исследований.

Согласно моей концепции логики предмет логики – язык. Но не изучение языка (языков) таким, каким он является сам по себе, независимо от науки логики, а особого рода работа в сфере языка, заключающаяся в обработке определенного рода компонентов языка, в усовершенствовании их и в изобретении новых, а также в разработке особых правил оперирования ими. Логика не открывает эти правила как уже существующие в языковой практике независимо от того, изучает их кто-то или нет. Она изобретает их и вносит в языковую практику в качестве искусственно изобретенных средств оперирования языком. Даже законы силлогистики не были открыты Аристотелем в готовом виде в практике языка, а изобретены им. И с этого начала существование логика как особая наука. При этом логика начинала и начинает не на пустом месте. Она исходит из стихийного языкового творчества людей. Так, в языковой практике уже употреблялись какие-то знаки, которые мы в русском языке сейчас выражаем словами «все», «некоторые», «не» и «имеет признак» или «есть». Но они употреблялись в примитивных и смутных формах. Аристотель, создав силлогистику, фактически впервые в истории человечества дал профессиональное определение свойств этих знаков (логических операторов).

Выше я сказал, что мне пришлось расширить сферу внимания логики с ориентацией на язык опытных наук, включая науки социальные. Я имею в виду множество языковых выражений, фигурирующих в наше время в опытных науках и в общеразговорных языках. Я их называю логическими терминами (в отличие от логических операторов), поскольку они могут быть определены достаточно полно и точно лишь в сфере профессиональной логики, а в отличие от логических операторов для определения их необходимо установление их смысла. Приведу примеры таких терминов: предмет, признак, событие, состояние, организация, порядок, движение, изменение, переход, объединение, группа, комплекс, скопление, иерархия, качество, количество, величина, степень, структура, отношение, связь, прогресс, регресс, эволюция,

развитие, скачок, тип, часть, целое, клеточка, необходимость, случайность, возможность, закон, время, пространство, настоящее, прошлое, будущее, становление, интеграция, дезинтеграция, подъем, спад, простое, сложное, содержание, форма, норма, отклонение, дивергенция, конвергенция, сущность, явление и т.п. Такого рода общих языковых выражений насчитываются многие десятки. Они употребляются с весьма смутным смыслом, просто как слова общеразговорного языка, а не как научные термины, в лучшем случае – как термины той или иной конкретной сферы науки. Многие из таких слов фигурируют в философских и социологических сочинениях как специальные термины (например, как «категории» диалектического материализма). Но мне не встретился ни один случай, когда они были бы определены в соответствии с критериями логики. Впрочем, в самой логике и методологии науки положение таково, что найти там такие критерии невозможно.

Рассмотрим такой пример. На вопрос о том, может ли физическое тело одновременно находиться в разных местах, обычно отвечают отрицательно: не может. Но почему? На этот вопрос обычно отвечают: так устроен мир. Но дело тут не в устройстве мира. Да и откуда взять гарантии, что наше утверждение будет верно на все времена в прошлом и в будущем и во всех местах пространства? Наша уверенность в том, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах, есть логическое следствие неявного определения выражений «разные места» и «физическое тело». В самом деле, в каком случае места (области пространства) считаются разными? Неявно предполагается, что два места А и В различны, если и только если они не имеют общих точек. Но реальные «точки» суть физические тела. Так что если определение выражения «разные места» записать явно (эксплицировать), то получим следующее. Два места А и В считаются (называются) разными местами, если и только если для любого физического тела Х имеет силу утверждение: если Х находится в одном из А и В, то в то же самое время оно не находится в другом из них. Из этого определения логически следует, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах. Но стоит дать более слабое определение разных мест (например, два места А и В различны, если и только если по крайней мере для одного физического тела имеет силу утверждение: если оно находится в одном из А и В, то оно не находится в другом), как окажется возможным логически такое, что некоторое тело может находиться одновременно в разных местах.

Я предложил логическую обработку довольно большого комплекса логических терминов, относящихся к пространству, времени, движению, эмпирическим связям и т.д., ибо эта терминология плохо определена или совсем не определена, многосмысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы, что служит основой для всякого рода спекуляций вроде идей замедления и ускорения времени, обратного хода времени, различного хода времени в разных местах, искривления пространства, особой логики микромира и т.п. Весь этот бред навязывается человечеству со ссылками на новейшие достижения науки. Попробуйте, спросите у того, кто утверждает, например, будто время где-то идет быстрее (или медленнее), чем на нашей планете, что это означает. Он должен будет сказать вам, что где-то проходит больше (или меньше) времени, чем на Земле, за одно и то же время. Обратите

внимание, за одно и то же время! Без таких слов понятия «быстрее» и «медленнее» лишены смысла. Аналогично обстоит дело со всеми словесными трюками, которыми в наше время засоряют мозги людей от имени высокой науки.

Раздел логики, занимающийся обработкой логических терминов, образует логическую онтологию (в моей терминологии). Другой аспект расширения содержания науки логики – логическая обработка методов научного исследования, применяемых в опытных науках. Я называю этот раздел расширенной логики логической методологией. В ней методы исследования рассматриваются лишь в той мере, в какой это связано с обработкой логических понятий особого рода, например, таких: простое и сложное, часть и целое, закон и проявление, абстрактное и конкретное, клеточка, эмпирическая связь и т.п. Чтобы дать логически корректное определение таких понятий, необходимо исследовать и описать какие-то исследовательские операции.

Поясню сказанное на простом примере. Выражение: «Событие А есть физическое (эмпирическое) следствие события В» – является сокращенной записью определенного множества описаний исследовательских операций, в которое входит описание такой операции. Наблюдаются (выбираются или создаются в эксперименте) последовательные во времени ситуации, которые одинаковы во всем, за исключением того, что в первой имеет место (происходит) событие В, но нет события А, а во второй вслед за В происходит А.

ЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Обдумывая ту информацию, которая накапливалась у меня о советском обществе, о западных странах и об эволюционном переломе в эволюции человечества во второй половине двадцатого века (это составляло объекты моих интересов в сфере социальных исследований), я установил, что вся сфера сочинительства и разговоров на темы о социальных объектах, а также профессиональных исследований этих объектов находится в ужасающем с точки зрения логических критериев состоянии, можно сказать – находится на дологическом уровне познания. Если в понятие научности подхода к исследованию объектов включать требование соблюдения правил логики и методологии науки, то можно утверждать, что эта сфера находится на донаучном уровне. Чтобы подняться на научный (логический) уровень познания социальных объектов, т.е. человеческих объединений и людей как членов этих объединений, необходимо осуществить логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают об этих объектах, а также осуществить логическую обработку методов исследования этих объектов. Я назвал такую обработку логической социологией.

Я мыслю логическую социологию как науку о языке и методах исследования социальных объектов. Но это ещё не определяет её специфику. Она рассматривает предмет своего внимания с логической точки зрения. Но и этого ещё недостаточно для определения её специфики. Для характеристики фактического состояния языка и методов социальных исследований с логической точки зрения никакая особая наука не требуется. Тут и без особой науки очевидно, что языковые и исследовательские средства сферы размышлений, разговоров и сочинительства на темы о социальных объектах, как правило, не удовлетворяют критериям логики и методологии науки, находятся на некотором дологическом уровне. Задача логической социологии, в моем представлении, гораздо серьезнее: осуществить логическую обработку этих средств, усовершенствовать их так, чтобы они стали соответствовать критериям логики и методологии науки. Таким образом, логическая социология должна быть наукой не описательной, а изобретательной. Она должна изобрести особый язык и особую методологию для исследования социальных объектов, удовлетворяющие требованиям логики, – изобрести их по правилам (приемам) логики.

Обратимся к терминологии, относящейся к сфере социальных исследований. В неё включаются такие, например, термины: социальный индивид, группа, класс, общество, власть, управление, государство, право, закон, хозяйство, экономика, собственность, деньги, партия, диктатура, демократия, стоимость, прибыль, рентабельность, менталитет, религия, идеология, коллектив и т.д. Вся эта терминология, если её рассмотреть с точки зрения требований научного подхода к социальным явлениям, не удовлетворяет логическим критериям. Об этом говорит хотя бы тот факт, что нет единых и общепризнанных определений смысла этих слов. Насчитываются десятки различных определений только в самой сфере профессиональной науки. В подавляющем большинстве случаев употребляющие эту терминологию люди даже не в состоянии объяснить смысл этих слов самих по себе, довольствуясь лишь их контекстуальным смыслом, т.е. заученным их употреблением в подходящих наборах фраз. Это объясняется не столько тем, что люди всего лишь не могут договориться об однозначности понятий, сколько тем, что люди вообще не владеют логической техникой определения научных понятий.

Задача логической социологии – обработать эту терминологию и ввести новую по мере надобности. Фундаментальные принципы обработки тут те же самые, что и в логике, поскольку и тут приходится иметь дело с языковыми выражениями. Но тут имеет место отличие от логики. Во-первых, в логической социологии предполагается, что логика уже в достаточно значительной мере разработана в том направлении, о котором говорилось выше. В частности, разработана теория определения терминов, в которой описаны виды определений, без которых невозможно дать научные определения основных социологических понятий. Построена логическая онтология, в которой определены комплексы логических понятий, относящихся к изменениям объектов, к пространству и времени, к эмпирическим законам и т.д. Во-вторых, логическая социология предполагает достаточное знакомство с социальными объектами и с результатами их познания, т.е. с состоянием социологических исследований.

В методологии науки до сих пор имеет силу предрассудок, будто законы познания суть отражения законов познаваемого бытия. В результате методология науки превращается в популяризацию содержания конкретных наук, в «философствование» (в общие разговоры) по поводу конкретных открытий науки. Законы логической социологии не являются отражением законов бытия. Отталкиваясь от некоторых знаний о социальных объектах и приобретая о них некоторую информацию по мере надобности, что в наше время информационной избыточности не представляет трудности, логическая социология осуществляет свою исследовательскую работу логическими методами. Для исследователя в данном случае достаточно иметь голову на плечах, правда, голову, специально обученную и подготовленную к этому. Работа исследователя в этом случае сродни работе математика и физика–теоретика. Отличие в нынешних условиях (как в математике, так и в социологии) состоит в том, что исследователь здесь ещё должен сам изобретать свой аппарат исследования. Продукт его творчества должен сам становиться аппаратом для этого творчества. Эта ситуация подобна ситуации в современной логике.

Основные методы логической социологии суть методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. В первом случае имеется в виду не просто сумма определений множества слов, а комплекс взаимосвязанных определений, упорядоченных в единую теоретическую конструкцию – в своего рода дефинитивную теорию, которая, по идее, должна послужить самым фундаментальным разделом социологии. Задача её – определить сферу объектов, подлежащих исследованию. Тут исследователь принимает сознательно–волевое решение выделить эти объекты и в дальнейшем не выходить за эти рамки, не искать какие–то более глубокие закономерности, причины, основы и т.п. интересующих его объектов, чем те, которые описываются в логической социологии. В ней описываются самые глубокие основы социальных механизмов. Эти основы не есть нечто спрятанное в секретных учреждениях и документах, вознесенное на высшие высоты социальной иерархии или утопленное в неких толщах народной жизни. Они суть нечто в высшей степени будничное, обыденное и вроде бы очевидное. Ум исследователя тут нужен для того, чтобы заметить это, оценить и зафиксировать в форме теории рассматриваемого типа. Тут определения человека как социального существа, человеческого объединения, социальной организации, власти, управления, социальных клеточек, бизнеса, хозяйства, менталитета, идеологии, собственности, права и прочих социальных объектов должны быть построены так, чтобы тем самым фиксировались фундаментальные социальные законы. Последние по самой своей природе таковы, что для обнаружения их нужна именно логическая обработка общедоступной информации.

Ко второй категории методов логической социологии относятся методы мысленного эксперимента. Мысленный эксперимент заключается в том, что исследователь мысленно осуществляет операции с изучаемыми объектами, подобные тем, какие совершают ученые в опытных науках в своих лабораториях. Эти операции суть познавательные: конечной целью их являются знания об объектах, что бы при этом ни делалось с объектами. Особенность социальных исследований с этой точки зрения состоит в том, что они осуществляются как допущения относительно

мыслимых объектов и логические рассуждения. Рассмотрим такой простой пример. Допустим, что некоторый человек вынужден наниматься на работу с целью заработать на жизнь. Допустим, что он имеет возможность выбирать из двух мест, которые одинаковы во всем, кроме размера заработной платы. Допустим, что человек вполне нормален и умеет оценить ситуацию выбора правильно. Какое место работы он выберет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в явном виде сформулировать некоторые фундаментальные утверждения, определяющие человека как социального объекта (социального атома). Среди них – закон экзистенциального эгоизма, согласно которому человек как социальный атом не действует во вред себе, что он отдает предпочтение тому, что в его интересах. И теперь вы чисто логически можете сделать вывод, что наш гипотетический человек предпочтет то место работы из двух, на котором заработная плата выше.

В этом аспекте логическая социология есть гипотетическая теория. Задача исследователя при этом не ограничивается операциями мысленного эксперимента. Он ещё должен изобрести особые правила в дополнение к правилам логики, позволяющие выводить логические следствия из получаемых в мысленном эксперименте знаний. Такие правила могут быть взяты из математики, если подходящий раздел уже создан в ней. Но при всех обстоятельствах эти правила должны быть привнесены извне применительно к характеру знаний.

Наконец, к третьей категории методов логической социологии относятся такие, которые я объединяю под названием «социальная комбинаторика». Суть их заключается в том, что, отталкиваясь от некоторых наблюдений эмпирических фактов, выяснять затем все логически мыслимые «чистые» (абстрактные) варианты тех или иных объектов. Установив эти варианты, мы можем с полной уверенностью утверждать, что в реальности возможны частные случаи соответствующих объектов только в рамках этих вариантов и их логически допустимых комбинаций. Таким образом, результаты логической социологии имеют априорный и, следовательно, прогностический характер.

Основы логической социологии изложены в книгах, названных в предисловии к этой работе. Некоторые фрагменты из неё приведены выше в разделах «Социальные объекты» и «Человек». В них говорилось о том, как определяются социальные объекты в логической социологии, введено понятие человекника, названы основные аспекты и уровни структурирования человекников и их эволюционные уровни – предобщество, общество и сверхобщество. Эти уровни определяются уровнями социальной организации.

Человекник организуется (упорядочивается) под воздействием множества различных факторов. То в организации человекника, что обусловлено социальными законами, я называю социальной организацией. Последняя создается осознанно. Но не произвольно, а именно в силу объективных социальных законов. Это не значит, что сами эти законы осознаются, известны создающим её людям. Это означает лишь то, что действия людей по созданию её являются сознательными. А законы этих действий познаются лишь немногими людьми, лишь фрагментарно, лишь в извращенной форме и в каких-то отдельных проявлениях.

Компоненты социальной организации общеизвестны: это – деловые ячейки (учреждения, предприятия, организации и т.п.), органы власти и управления, сфера хозяйства, сфера идеологии и религии, армия, правовая сфера и другие.

В нормальном человеке компоненты социальной организации образуют единый комплекс. Это означает, во-первых, что между ними имеет место такое разделение функций, при котором они совместно обеспечивают единство человека и условия жизнедеятельности всех членов человека. Во-вторых, это означает, что между ними устанавливаются отношения взаимного соответствия (адекватности). Последние заключаются в том, что компоненты социальной организации приспособляются, «притираются» друг к другу. Они координируют свои действия, позволяют друг другу существовать и выполнять свои функции.

Основу («базис») человека образует не один какой-то компонент социальной организации, а социальная организация как единое целое. Так что широко распространенное (не только в марксизме) утверждение, будто экономика есть базис общества (человека, в моей терминологии), есть утверждение не научное, а идеологическое. Оно есть результат логической ошибки: в социальной организации одного типа (а именно в западной) был абстрагирован один компонент (экономика) и абсолютизирован в качестве основы человека вообще.

ОБЩЕСТВО

На высоком уровне социальной эволюции человечества возникли люди с социальной организацией, которую я называю обществом. Основные компоненты её суть государственность, экономика и идеология. В реальности имеют место разнообразные варианты взаимоотношений между ними. Причем, эти отношения меняются со временем. Но независимо от того, как они складываются исторически и какой вид принимают в тех или иных конкретных обществах, имеются логические правила на этот счет. Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности). Определение прочих сфер как специфичных обществу предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на него.

Основная функция государства – обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций: установление правового порядка и охрана его, защита от внешних нападений и т.д. В число этих функций попадает и забота о

частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение их. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию. Ошибочна как концепция, согласно которой государство есть орган господства каких-то классов, так и концепция, согласно которой государство есть орган примирения классов.

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т.е. признана обществом как законная. Власть может силой заставить население признать её, покориться ей, примириться с ней. Но для государственности требуется именно законность как в её установлении, так и в воспроизводстве.

Государственность суверенна. Это значит, что она законно не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности.

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человеческого общества, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве – должны говорить о государстве. Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними.

Задача государства – управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения. Будучи узаконено (легитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества.

Одновременно с формированием особой сферы государственности в обществе происходит формирование других компонентов социальной организации. Все они имеют свои специфические свойства, свою историю, свои закономерности. Но в составе социальной организации общества они так или иначе подпадают под влияние и власть государства.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том её виде, какой она принимает в условиях общества, то есть при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человеческого общества на сравнительно большое число однородных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И, в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно

отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на них. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человека в особую стандартизированную сферу, которая «кормит» не только себя, но и весь прочий человек. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна протекать жизнь хозяйственной сферы.

Государство поддерживает, охраняет, организует и даже в какой-то мере создает экономику не для экономики самой по себе, а для себя, как источник своего существования и как арену своей жизнедеятельности. Оно служит экономике, поскольку экономика служит ему самому. Государство не есть прислуга неких хозяев экономики. Люди, образующие государственность (работающие в ней), могут быть марионетками людей, образующих экономическую сферу, могут быть у них на содержании, могут быть их ставленниками. Но это не означает, будто государственность по своей социальной сущности есть слуга экономики как сферы производства и распределения жизненных благ общества.

Аналогично обстоит дело с менталитетной сферой: лишь государственность придает ей статус идеологической сферы.

Я не рассматриваю то, как происходило возникновение обществ конкретно-исторически. Но, исходя из наблюдения ставших обществ и введя соответствующие понятия, можно предположить следующее. Государственная власть есть господство одних людей над другими, где властители живут за счет подвластных. Так что естественно предположить, что это возникло как завоевание одних человек другими. Завоеватели и создают сферу государственности. Образование враждебных социальных подразделений в человеческом материале человека («классов») есть результат образования сферы государственности, а не наоборот. Материальная культура человека при этом сыграла роль, обеспечив завоевателей оружием, а покоренных – возможностью производить средства существования для себя и для власти.

Общества возникали не изолированно, а в более обширной среде из человек. По мере роста числа, силы и влияния обществ эта среда превращалась в то, что я называю словом «цивилизация». Возникновение цивилизации связано с возникновением обществ. Цивилизация есть человеческое объединение, основными компонентами которого являются человек типа обществ. Цивилизация состоит из обществ, но сама как целое не есть общество. Между входящими в цивилизацию обществами имеют место различного рода контакты, взаимодействия, связи. Какая-то часть из них живет совместной исторической жизнью. Эта часть меняется: одни объединения исчезают, другие появляются, между какими-то обрываются связи и т.п. Но во все периоды имеет место какая-то совместность, преемственность и взаимное влияние. В

результате входящие в данную цивилизацию общества становятся социально однотипными. Величайшей в истории человечества является западноевропейская или, короче говоря, западная цивилизация.

СВЕРХОБЩЕСТВО

В рамках западноевропейской цивилизации зародились и развились две тенденции, сыгравшие определяющую роль в социальной эволюции человечества. Одна из них достигла наивысшего уровня в США. Буду называть эту тенденцию и линию эволюции западнистской (или американистской). Вторая реализовалась впервые в истории человечества в России. Она реализовалась в виде образования объединения коммунистического типа – Советского Союза. Назову эту линию эволюции коммунистической (или советской, или русской).

Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что целый ряд западных теоретиков выдвинули концепцию их сближения. Каждый из них содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты.

После Второй мировой войны на планете сложились два лагеря или мира – коммунистический и западнистский (западный). Они стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидеров мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине. Еще не так давно на роль лидера мировой истории претендовал коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. И не без оснований. Лозунг «Да здравствует коммунизм – светлое будущее человечества!» выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни западнизма (капитализма) сочтены, и что будущее принадлежит коммунизму.

После победы Запада в «холодной войне» против советского блока положение в мире коренным образом изменилось. Историческую инициативу и лидерство в эволюционном процессе на планете захватил западный мир, возглавляемый США. Западнистский вариант эволюции человечества стал выглядеть как более перспективный, чем вариант коммунистический. Убеждение, что будущее человечества – не коммунизм, а западнизм (причем, в американском варианте, как американизм), стало центральной идеей западнистской идеологии, успешно реализуемой практически. Социальная сущность эволюционного процесса, о котором идет речь, заключается в возникновении

человейников более высокого уровня социальной организации, чем общества, а именно – сверхобществ. Исторически первым сверхобществом огромного масштаба было то, которое сложилось в Советском Союзе после Октябрьской революции 1917 года и прожило немногим более семидесяти лет. Я называю его социальную организацию реальным коммунизмом. Запад пошел по пути к сверхобществу лишь во второй половине двадцатого века. Я называю его реальным западнизмом.

Уточню понятие сверхобщества. Социальный объект А будем называть сверхобъектом по отношению к социальному объекту Б и употреблять выражение «сверх-Б», если и только если объект А содержит в себе в «снятом» виде основные (определяющие) признаки объекта Б. В сверхобъекте можно различить две части. В первую входят свойства объекта Б, содержащиеся в А в снятом виде, во вторую входит то, что вырастает на основе первой и образует новое эволюционное качество А. В применении к обществу и сверхобществу это выглядит так. Над компонентами социальной организации общества (над государством, экономикой, идеологией и т.д.) вырастают структурные явления, так что образуются сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т.д. Эти явления образуют единое целое, которое выступает как своего рода «надстройка» над социальной организацией общества в целом, превращающая социальную организацию человеенника в сверхобщественную.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Тут возможны различные варианты. В Советском Союзе сверхобщество формировалось в условиях военной, предвоенной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры, – одним словом, в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху по инициативе высшей революционной власти и благодаря её усилиям. Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя тут создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру.

Западнистский путь к сверхобществу является прямой противоположностью советско-коммунистическому. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии, – одним словом, в условиях «социальных джунглей». Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было ослаблено и разрушено, а, наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое

господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Тут функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мерам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческому материалу. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории.

Реальный коммунизм в России и других странах Советского Союза и советского блока разгромлен. Но научное его понимание полезно хотя бы для того, чтобы по достоинству оценить роль, которую он сыграл в социальных достижениях России и всего человечества в двадцатом столетии и какую ему ещё предстоит сыграть в будущем в качестве идеала социальной организации, способной противостоять губительным для человечества последствиям торжествующего западнизма.

РЕАЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ

Говоря о реальном коммунизме, я имею в виду не некий воображаемый человек, а вполне реальные страны, каких было довольно много на планете ещё не так давно и какие ещё сохранились в каком-то виде. Наиболее развитым экземпляром таких человек был Советский Союз в лучшие годы его жизни.

Советский коммунизм сформировался не сразу в результате революции. В результате Октябрьской революции 1917 года сравнительно небольшая группа людей, возглавлявшихся большевиками, захватила высшую власть в стране. Социальную сущность этого политического переворота не понимал никто, включая Ленина. Коммунизм как особый тип человека сложился много лет спустя. Революция лишь осуществила эволюционный прорыв. А дальнейший процесс протекал уже по социальным законам, о которых никто не имел понятия.

В возникновении советского коммунизма сыграло роль совпадение множества исторических обстоятельств. Среди них – такие.

Коммунизм принадлежит к такому типу организации человек, при котором доминирующей является не самоорганизация масс людей снизу, а принудительная организация сверху, как это имело место в истории России с самого начала её существования. При этой организации решающая роль в объединении людей в целое принадлежит системе власти и управления, а не другим факторам, в том числе – не экономике.

Российское предреволюционное общество базировалось не на двух типах социальных отношений – феодальном и капиталистическом, как принято считать, а на трех. Имелась ещё «третья сила», которая никем не

воспринималась как основа социальных отношений будущего коммунизма, а именно – отношения коммунальные, которые нашли свое выражение в государственном аппарате, в отношениях всех слоев общества с этим аппаратом, в средствах поддержания общественного порядка (полиция, жандармерия, суды), в армии, в общинном землевладении и т.д. В результате Октябрьской революции 1917 года были сметены отжившие феодальные и ещё неокрепшие капиталистические отношения, а «третья сила» получила простор для своего развития. На месте разрушенного государственного аппарата царизма немедленно сложился новый аппарат власти и управления, который превзошел его во всех отношениях.

Второе из рассматриваемых обстоятельств – крах российского самодержавия, разруха в результате войны и развал всего российского общества. Основной проблемой для страны стала проблема выживания, создания общественного порядка, который мог бы обеспечить это. В такой ситуации вступил в силу социальный закон регенерации: если разрушается социальная организация человека, но при этом сохраняется человеческий материал, основы его материальной культуры и другие необходимые факторы выживания, то из обломков разрушенной социальной организации образуется новая, близкая в основных чертах к прежней. Не случайно потому большинство населения послереволюционной России на первых порах восприняло революцию просто как смену власти.

Третий фактор, придавший событиям того периода характер глубокой социальной революции, заключался в том, что в России в течение целого столетия зрели идеи преобразования общества, которыми заразились все сравнительно образованные слои и даже правящие классы. Во второй половине XIX века получили распространение идеи социализма и затем марксизма (коммунизма). В начале XX века сложилась организация профессиональных революционеров, готовившаяся к революции и взятию власти. Лениным была разработана целая теория на этот счет. Когда возглавляемые Лениным большевики в октябре 1917 года взяли власть, они привнесли в происходящие события фактор, благодаря которому в России стало складываться именно коммунистическое сверхобщество, а не что-то иное. Без большевиков эволюция России вряд ли приняла бы такое направление.

Четвертый фактор – человеческий материал России. В стране было более ста различных этнических объединений, живших до известной степени автономно, находившихся на низкой, фактически догосударственной (дообщественной) ступени социальной эволюции. Основным российским народом – русские – обладал качествами, которые, с одной стороны, делали сильную диктаторскую власть необходимой для его выживания, а с другой стороны – делали эту власть возможной. Разбросанный по огромной территории, малограмотный, со слабой способностью к самоорганизации, привыкший жить на убогом бытовом уровне, склонный к покорности властям и угодничеству, он оказался чрезвычайно удобным (пластичным, послушным) материалом для социального эксперимента, задуманного не им самим и начатого сверху и извне. Эксперимент вряд ли удался бы, если бы вместо российского, совсем непролетарского населения, был такой человеческий материал, на какой рассчитывали классики марксизма.

Пятый фактор – состояние материальной культуры страны. Я уже

упоминал о разрухе в стране вследствие Первой мировой войны. Но она лишь усилила то, что было до войны и независимо от нее, а именно – низкий (сравнительно с Западом) уровень материальной культуры вообще, примитивное в целом хозяйство, огромная (если не решающая) роль физического труда масс населения. В условиях послевоенной разрухи первостепенное значение приобрела организация больших масс людей на коллективные действия и возбуждение массового энтузиазма. Это могла осуществить только власть, подобная дореволюционной, но превосходящая её именно в манипулировании массами. Революция и породила такую форму власти, которая в процессе эволюции страны стала, с одной стороны, создавать новую государственность, а с другой стороны – создавать её так, что сама стала превращаться во власть сверхгосударственную, во власть коммунистическую.

Опять–таки русская коммунистическая революция удалась и с этой точки зрения вопреки прогнозам марксизма.

Российский коммунизм возник не как нечто совершенно чуждое и постороннее для западной цивилизации, а как её детище. Дореволюционная Россия складывалась и жила под сильнейшим влиянием западной цивилизации. Она фактически была сферой колонизации и периферией последней. Идеи коммунистического социального строя и коммунистической революции родились на Западе и были занесены затем в Россию. Коммунистическую революцию в России осуществили люди, прошедшие школу революционеров на Западе. Русская революция имела сильный резонанс на Западе. Большое число людей на Западе рассматривало её как начало революции в западном мире. Русская революция имела поддержку со стороны Запада. Без влияния Запада и без контактов с ним построение коммунистического социального строя в России было бы невозможно.

Советский коммунизм, повторяю, сложился не сразу. На создание его ушли десятки лет. Стадии зрелости он достиг лишь в брежневские годы. Но он на протяжении всей своей предшествовавшей истории демонстрировал свое несомненное в те годы превосходство над всеми известными типами социальной организации с точки зрения выживания и прогресса огромного человеческого объединения в труднейших исторических условиях и в постоянной борьбе с внешними врагами, превосходившими его во всех основных аспектах жизни, кроме социальной организации.

Напоминаю, социальная организация человека характеризуется не одним признаком, а комплексом признаков. По мере жизни человека она изменяется, но в рамках этого комплекса. Она не есть абсолютное добро или абсолютное зло. Она порождает явления, которые какие–то люди воспринимают как позитивные, и явления, которые другие оценивают как негативные. Ее проявления в человеке меняются с изменением человека и условий его существования. В одних условиях и в одних отношениях она может сыграть роль позитивную, в других – другую. Но при всех обстоятельствах сохраняется упомянутый комплекс признаков, образующих её социальное качество. Это надо помнить постоянно и при рассмотрении реального коммунизма.

Основу коммунизма на микроуровне образуют такие деловые клеточки

(первичные деловые коллективы), которые являются самыми маленькими, стандартными и относительно автономными в своей жизнедеятельности частичками общества, обладающими основными чертами общества в целом, представляющие собою общество в миниатюре. Это суть предприятия и учреждения, созданные для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономные в этом своем деле, хорошо всем известные заводы, фабрики, институты, фермы, конторы, магазины, совхозы, колхозы, школы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага.

Все трудоспособные граждане обязаны быть членами каких-то первичных деловых коллективов – трудиться в клеточках. Эта необходимость и обязанность обусловлена тем, что, по идее, люди не имеют иных источников существования и путей жизненного успеха, кроме тех, какие им предоставляются в первичных коллективах (в клеточках). Тут работа не просто гарантируется, она является обязательной. Тут взрослые трудоспособные люди должны быть прикреплены к какому-то трудовому коллективу.

Коммунистические клеточки создаются решениями властей и юридически узакониваются. Власти определяют деловой статус клеточек, назначают руководство и юридических лиц, несущих ответственность за их деятельность перед государством.

Коммунистическая клеточка имеет сложную структуру. В ней можно выделить три аспекта. Первый аспект – деловой. В нем сотрудники клеточки выполняют деловые (рабочие) обязанности и структурируются в зависимости от интересов и организации дела. Второй аспект – коммунальный. В нем имеют место неделовые организации – партийная, профсоюзная, молодежная, контрольная и многие другие. В этом аспекте структурирование людей происходит независимо от делового. Точно так же и их коммунальные функции отличаются от деловых. И третий аспект – бытовой.

В деловом отношении клеточка имеет свой деловой орган управления (дирекцию, отдел кадров, бухгалтерию и различного рода деловые учреждения). Для исполнения своих функций она получает во владение от общества (от представляющего его государства) необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и использует их, но они не являются его собственностью. Коллектив не может распорядиться ими по своему произволу, уничтожить, передать другим без ведома государства, продать и т.д., т.е. обращаться с ними так, как обращаются частные собственники с их собственностью в западных странах.

В коммунистическом обществе отсутствует частная собственность на средства деятельности общественного значения. Все члены коллектива клеточки не различаются по отношению к средствам деятельности, которыми владеет клеточка. В этом – одно из фундаментальных отличий коммунистических клеточек от западных частных предприятий. Члены клеточки различаются лишь в системе организации деятельности клеточки и в коммунальном аспекте. Директор фабрики или заведующий

учреждением находится в таком же социальном отношении к средствам деятельности клеточки, как подчиненные им рабочие и служащие.

Результаты деятельности клеточек вливаются в общий «общественный котел». Клеточка получает из этого «котла» определенную долю средств для вознаграждения её членов за труд. Это – денежные суммы для выплаты заработной платы, премий, ссуд, а также жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта и многое другое. Члены коллектива получают свою долю жизненных благ по установленным нормам, причем независимо от реализации результатов деятельности клеточки. Важно, чтобы продукция клеточки удовлетворяла установленным требованиям к ней и чтобы соответствующие органы власти и управления признавали это.

Членам коллектива гарантирован законами и фактически оплачиваемый отпуск, бесплатное медицинское обслуживание, оплата времени болезни, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, бесплатное и даже оплачиваемое образование и обучение профессии и многое другое. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются по крайней мере на некотором минимальном уровне.

В коммунальном аспекте в клеточках имеются организации, не связанные с её деловыми функциями, – партийная, профсоюзная и комсомольская. Кроме того, имеются всякого рода другие неделовые организации (спортивные секции, творческая самодеятельность и т.п.).

Основное содержание жизни работающих людей образует (теперь приходится говорить – образывало) то, что они делают в первичном коллективе и через него. Здесь люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых, обмениваются информацией, развлекаются, заключают нужные контакты, добиваются успехов, делают карьеру, посещают собрания, получают жилье, повышают квалификацию, занимаются спортом, участвуют в разных кружках и т.д. Тут происходит жизнь в самом точном смысле слова со всеми её радостями и горестями, удачами и неудачами.

Жизнь коллектива включает в себя также личные взаимоотношения, которые сплачивают коллектив в своего рода единую суперличность. Здесь носителем личностного начала становится не отдельный человек, а целое учреждение. Потому здесь лозунг «Интересы коллектива выше интересов индивида» есть практически действующий принцип.

Анализ самых глубоких основ коммунистического образа жизни обнаруживает, что добродетели и дефекты коммунизма имеют один и тот же источник. Более того, здесь дефекты являются неизбежными следствиями того, что на первый взгляд выглядит и большинством граждан воспринимается как достоинство. Гарантии основных жизненных потребностей, являющихся высшим социальным достижением коммунизма, имеют неизбежным следствием сравнительно низкий уровень удовлетворения этих потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности и другие дефекты коммунизма, ставшие теперь всем очевидными.

В качестве образца коммунистической власти я беру советскую власть. Она имела множество ветвей, основные из которых суть следующие три: 1) государственная; 2) деловая; 3) сверхпартийная (или псевдопартийная). Последнюю называли и до сих пор называют партийной.

Первую ветвь образовали советы разных территориальных уровней. Советы мыслились как главная власть, а «партийный» аппарат – как их орудие. Но произошло нечто непредвиденное. Советы остались высшей государственной властью, но над ней возникла сверхгосударственная власть, подчинившая её и превратившая всю систему власти в феномен более высокого уровня организации – в сверхгосударство. Эту функцию присвоила себе третья из упомянутых линий – «партийная».

Вторую линию коммунистической власти образовало управление различными сферами общества помимо государственной и «партийной» – иерархия органов управления, начиная от базисных клеточек и кончая министерствами и Советом Министров страны. Все работники этих учреждений сплошь невыборные наемные служащие. Эта линия, как и линия советов, оказалась точно так же подчиненной «партийному» аппарату сверхвласти. Одним словом, советская власть (власть Советского Союза) сформировалась как единство государственности и сверхгосударственности.

Партийный аппарат стал сверхвластью как аппарат партии. Последняя состояла из первичных организаций и вырастающего на её основе аппарата. Первые были объединениями членов партии, работавших в одних и тех же деловых коллективах. Их активность ограничивалась рамками этих коллективов. Но роль их здесь была значительная. Они были частью социальной структуры деловых клеточек. Секретарь партийного бюро коллектива являлся одним из руководителей коллектива наряду с директором и председателем местного комитета профсоюзов. Порою партийный секретарь играл в этом «триумвирате» первую роль.

Партийные организации различных коллективов не были связаны между собою в некоторые более обширные организации сами по себе. Они выбирали делегатов на районные партийные конференции, на которых формировалась основа партийного аппарата. И лишь благодаря этому аппарату они образовывали единое целое – партию.

Партийный аппарат начинался с районных комитетов (райкомов) и имел в основном территориальную и связанную с ней иерархическую структуру – районные, городские, областные, краевые, республиканские и центральный (для всей страны) комитеты партии. Он был частью системы власти. Но особой частью, которая управляла всей остальной системой власти и управления. Он был властью над властью, или сверхвластью. Поскольку он был властью и над государственностью, он был сверхгосударственностью.

Возникает вопрос: как это возможно, что высшая законная государственная власть признает власть над собой незаконной организации, не нарушая законности? Партийный аппарат управлял всей системой власти и управления, контролируя назначение начальников на все более или менее важные посты и их деятельность на этих постах.

Они фактически были представителями партийного аппарата и членами его учреждений. И как таковые они исполняли волю этого аппарата, занимая решающие посты в учреждениях государства. Почти все работники системы власти были членами партии. Через партийные организации, насчитывавшие многие миллионы людей, партийный аппарат контролировал почти всю массу населения. Плюс к тому – ему подчинялся аппарат профсоюзов и союза молодежи.

В основе всех функций коммунистического сверхгосударства лежала функция обеспечения жизнедеятельности человеичника как органического целого. В этом человеичнике для каждого коллектива и каждого более значительного объединения коллективов должны быть определены его положение в стране, деловые функции, отношения с другими коллективами, внутреннее строение, доля в производимом продукте и в получаемом вознаграждении. Здесь сверхгосударство присвоило себе все те функции, какие в западных странах выполняют частные предприниматели и их конторы, банки и всякого рода негосударственные организации и механизмы самоорганизации. Важнейшим проявлением рассмотренной фундаментальной функции сверхгосударства является планирование и контроль за исполнением планов. Планирование деятельности всех частей человеичника есть коммунистическое средство сохранения его единства, ограничения коммунальной стихии и хаоса, неизбежного без этого в большом скоплении людей. Планы определяют статус коллективов и их объединений в человеичнике в целом, а выполнение плана является основным показателем их деятельности. Обязанность руководства – заставить коллективы действовать в рамках планов.

Коммунистическому сверхгосударству принадлежит также функция реформаторства и прогресса. Это обусловлено самим положением и ролью руководства. Руководство не просто захватывает эту функцию из каких-то эгоистических соображений, а вынуждается на это всей организацией жизни человеичника. Здесь все значительные преобразования осуществляются как решения свыше.

Все то, что выше говорилось о коммунистических клеточках, целиком и полностью относится к клеточкам хозяйственным. Совокупность деловых клеточек, задача (функция) которых заключается в производстве и распределении материальных благ, совместно с системой учреждений, управляющих этой совокупностью, образует экономику коммунистического человеичника, в коммунистическом человеичнике существуют денежные отношения, банки, денежные расчеты, инвестиции денег и даже прибыль. Но доминирующей в экономике является её изначальная и фундаментальная функция – снабжение человеичника предметами материального (вещного) потребления.

Экономические клеточки включались в систему других клеточек, т.е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и, в конечном счете, экономики в целом. Они, конечно, имели какую-то автономию в своей жизнедеятельности. Но в основном они были лимитированы задачами упомянутых объединений и экономики в целом. Над ними возвышалась разветвленная иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их согласованную деятельность. Эта структура превращала

экономику в сверхэкономику.

Общепринято думать, будто экономика западного общества является высокоэффективной, а коммунистического – неэффективной. Я считаю такое мнение совершенно бессмысленным с научной точки зрения. Для сравнения двух различных феноменов нужны четко определенные критерии сравнения. А в зависимости от выбора таких критериев и выводы могут оказаться различными. Возможны, в частности, экономические и социальные критерии оценки производственной деятельности людей, предприятий, экономических систем и целых обществ. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества или какой-то его части. При этом предприятиям устанавливаются определенные рамки деятельности, включая источники сырья и сферу сбыта продукции. И эффективность их характеризуется тем, насколько успешно они придерживаются установленных для них норм. Главным, подчеркиваю, здесь является не экономическая эффективность отдельных предприятий, а интересы целого, причем не обязательно экономические. Например, коммунистические предприятия должны обеспечить работой и тем самым дать источники существования максимально большому числу людей, в принципе исключив безработицу. И если принять во внимание комплекс других факторов, можно убедительно показать, что коммунистическая экономика имела более высокую степень эффективности, чем западная экономика.

Менталитетная сфера отчетливо дифференцировалась на множество частичных сфер. Основные из них – наука, воспитание и образование молодежи, литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, телевидение. И, само собой разумеется, идеологическая сфера. Каждая из них представляла собою единое целое, управляемое системой особых учреждений системы власти и управления. Они объединялись в тех или иных комбинациях в более сложные сферы и, в конце концов, в единую менталитетную сферу, обеспечивавшую потребности советского человека в плане формирования менталитета людей и снабжения их «духовной пищей». Главенствующая роль в объединении их в единое целое и в управлении их деятельностью играла идеологическая сфера. Все прочие сферы в той или иной мере и форме выполняли идеологические функции. Через них идеологическая сфера запускала свои щупальца во все места человека вплоть до сознания каждого члена человека. Она составляла часть партийной сферы, а управляющая ею система учреждений и лиц составляла часть партийного аппарата. В этом смысле она была не просто идеологической, а сверхидеологической сферой советского человека.

Официально считается, что граждане коммунистического общества вознаграждаются соответственно их труду. Но принцип вознаграждения по труду имеет очень узкую сферу приложения. В силу разнообразия видов деятельности единственным универсальным критерием сравнения трудовых вкладов людей в общественное благосостояние становится сравнение людей по их социальным позициям и по их социальной ценности (значимости) вообще. Так что фактически действующим принципом вознаграждения за труд здесь является принцип «Каждому – по его социальному положению». Даже самое педантичное следование

этому принципу порождает неравенство в распределении жизненных благ. Неизбежным следствием рассматриваемого принципа является также система социальных привилегий, т.е. тех преимуществ, которые человек в данной социальной позиции имеет сравнительно с нижестоящими.

Короче говоря, коммунизм не устраняет социальное и материальное расслоение людей и неравенство. Он устанавливает их новую форму. Однако имеют силу факторы, сдерживающие и ограничивающие эту тенденцию. Главные из этих факторов – власть, идеология и прогресс общества в науке, технике, образовании, культуре и других сферах. Человейник, в котором полностью отсутствует социальное и материальное неравенство, в принципе невозможен. Но реальный коммунизм есть человеиник, в котором это неравенство может быть сведено к некоторому минимуму, во всяком случае, может быть меньше, чем в человеиниках другого типа.

Согласно советской идеологии, советское население имеет такую социальную структуру: два дружественных класса рабочих и крестьян и интеллигенция. Конечно, в Советском Союзе были рабочие и крестьяне, была интеллигенция. Но дают ли эти три понятия – «рабочие», «крестьяне» и «интеллигенция», достаточно полное и точное описание социальной структуры советского населения? Уже в первые десятилетия в стране произошли такие перемены, что рассматриваемая классификация стала выглядеть анекдотично смешной.

Население коммунистической страны структурируется во многих измерениях и по многим признакам. Дать суммарную классификацию трудно. Классы в марксистском смысле тут либо исчезают, либо «растворяются» в паутине других структур. Я ввел для классификации граждан страны понятие их социального статуса. Последний характеризуется следующими параметрами: положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, размер заработной платы, наличие или отсутствие привилегий, характер привилегий, возможности использования служебного положения, образование и культурный уровень, бытовые условия, доступ к жизненным благам, сфера общения, перспективы улучшения положения и устройства детей. Лишь совокупность этих параметров определяет социальный статус человека, а не каждый по отдельности. По социальному статусу население коммунистической страны разделяется на три группы слоев – на высшие, средние и низшие слои. Причем, это разделение является территориальным и многоступенчатым. Это означает, что слои не образуют нечто целое для всей страны. Их можно заметить в каждом регионе страны и на разных уровнях административной иерархии (район, город, область, край, республика, вся страна). Тот или иной слой на данном уровне образуется не как сумма таких слоев на более низком уровне, а независимо от них.

К высшему слою на данном уровне принадлежат высшие лица аппарата власти этого уровня, начальники наиболее значительных предприятий и учреждений этого уровня и категория лиц, так или иначе входящих в правящую и привилегированную клику этого уровня.

Представители высших слоев имеют самый высокий жизненный стандарт. В их распоряжении все блага, достижимые в данной стране, причем они

имеют все почти без денег или за условную плату. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, круговой порукой, взаимными услугами.

Средние слои образуют сотрудники системы власти и управления среднего уровня, директора и заведующие обычными предприятиями и учреждений, преподаватели высших учебных заведений, деятели культуры, научные работники, короче говоря, – основная масса служащих и начальников среднего уровня иерархии, а также творческая и интеллектуальная часть населения, деятели спорта и других непроизводительных профессий. Эти слои самые разнообразные по составу. В них входят работники идеологии и пропаганды, сотрудники партийного аппарата, карательных органов. Вместе с тем, эти слои являются основой новых веяний в стране, прогрессивных и даже порою оппозиционных умонастроений. Они имеют самый высокий образовательный и культурный уровень. В них входит самая деловая и творческая часть населения. И одновременно они являются проводниками политики высшей власти. Они суть самая живая ткань общества.

К низшим слоям относятся рабочие всех типов, работники сферы обслуживания, не занимающие постов, лица, занятые на подсобных работах в различных учреждениях, служащие контор и канцелярий, низший медицинский и научный персонал, воспитатели детских учреждений, рядовые милиционеры и прочие лица, выполняющие непосредственные деловые функции на низших ступенях социальной иерархии. Социальная активность низших слоев близка к нулю. Они раздроблены, имеют самый низкий образовательный уровень, легче всех поддаются манипуляциям властей. Их солидарность ограничивается бытовыми отношениями асоциального характера. Их интересы представляют официальные общественные организации, администрация и органы власти. Их материальное положение в основном зависит от общих условий в стране и от политики руководства.

Каковы количественные характеристики этих уровней, трудно сказать. Коммунистические человеичники только ещё начинали жить. Структура населения менялась. Официальные измерения не производились.

Отмечу также то, что в Советском Союзе складывалась новая социальная общность людей, в которой все меньшую роль играли этнические различия. Распад Советского Союза и этнические конфликты постсоветского периода были результатом искусственных действий сил Запада и его «пятой колонны», а не некоей естественной эволюции коммунизма.

В реальном коммунизме социальная борьба не исчезает. Она здесь принимает формы, адекватные социальному статусу граждан и реальным условиям. Этот аспект коммунизма совсем не изучен, – не было времени, материала и возможностей. Пока в общей форме я могу отметить следующее. Социальная борьба погружена во внутреннюю жизнь деловых коллективов и профессиональных объединений и сред. Обобщающий характер она принимает, когда она происходит в системе власти и при этом достигает такой силы, что в неё вовлекаются более или менее широкие слои населения. В истории Советского Союза имели место такие случаи. Наиболее сильные из них – десталинизация после

смерти Сталина и период либеральной фронды и диссидентства.

Хочу особое внимание обратить на одно обстоятельство, которое (среди многих других) полностью выпало из поля внимания как апологетов, так и критиков коммунизма. Идеологи коммунизма и потребители коммунистической идеологии представляли себе будущий коммунизм как некое конечное состояние эволюции человекика, достигнув которое люди будут лишь наслаждаться обещанными благами. Реальный же коммунизм приносил с собой лишь условия, необходимые для движения в направлении к идеалу, и возможность более успешной борьбы за этот идеал. В Советском Союзе такая борьба только зародилась. Она была осознана не как борьба в рамках коммунизма, а как борьба против коммунизма. И в этом качестве её использовали силы Запада в «холодной войне».

Во всяком достаточно большом и развитом человекике возникает стремление к подчинению других человекиков. Это было свойственно и советскому человекику. Характерным для него было стремление к овладению окружающим миром путем навязывания другим странам и народам своего типа социальной организации, т.е. коммунизма, можно сказать – стремление к коммунизации других народов и стран. Таким путем Советский Союз, одержавший победу над Германией во Второй мировой войне, навязал коммунистический социальный строй ряду стран Восточной Европы. В дальнейшем он способствовал созданию коммунистических («марксистских», как выражались в западной пропаганде) режимов во многих местах планеты и поддерживал их. В этом отношении он выступал как новатор в деле покорения планеты. Западный мир фактически пошел по стопам Советского Союза, когда ход «холодной» войны стал склоняться в его пользу. Но пошел, разумеется, в своих интересах и своим путем.

Мотивы такого стремления к коммунизации планеты очевидны. Это – естественное стремление усилить свою обороноспособность, переходящее столь же естественно (закономерно) в стремление к мировой гегемонии. При этом действовала уверенность в том, что коммунизм есть благо для всех народов и что народы мира примут его добровольно и с энтузиазмом. Действовала также уверенность в том, что союзники с такой же социальной организацией надежнее, что с ними легче устанавливать контакты, что крепче будет их зависимость от метрополии коммунизма (от «Москвы»).

Советский Союз потерпел поражение в этой борьбе. Думаю, что это произошло не случайно. Во-первых, Советскому Союзу просто не хватило сил конкурировать с Западом в борьбе за мировое господство – Запад превосходил его во много раз во всех отношениях, важных в этой борьбе. Во-вторых, советский коммунизм вообще оказался по самой своей природе неспособным к организации таких огромных массивов людей, народов и стран в единое целое.

Те суперструктуры, которые раньше создавали западные страны, и та мировая суперструктура, которую сейчас стремится создать Запад, суть структуры имперские, «вертикальные». В советском же человекике для этого не было необходимых условий. Не было человеческого материала с качествами народа господ, какими в избытке обладают народы западные.

В самой социальной организации советского коммунизма не было предпосылок для вертикального структурирования народов и стран. Советский Союз в западной идеологии и пропаганде рассматривался как империя, что было вопиющей ложью. Если тут и было что-то имперское, то наоборот, ибо основной народ этой «империи» – русские – жил в гораздо худших условиях, чем прочие народы, которые он якобы эксплуатировал. Советская идеология в принципе исключала вертикальную суперструктуру народов и стран мира. А то мировое объединение коммунистических и стремившихся к коммунизму стран, какое на короткое время возникло на планете, было «горизонтальным» объединением взаимозависимых стран. Это было одной из причин того, что блок коммунистических стран в Европе распался с поразительной легкостью и быстротой.

Западный мир одержал победу над СССР в «холодной войне». Но отсюда не следует, будто уровень социальной организации стран Запада превосходил таковой Советского Союза. Запад победил, поскольку во много раз был сильнее советского блока – по числу населения и качеству человеческого материала, по мощи экономики и военного потенциала, по другим жизненно важным факторам. Почти полувековая «холодная война» вынуждала нашу страну на образ жизни, превышающий её возможности. В Советском Союзе была создана мощная «пятая колонна» Запада. Назревал общий кризис советской системы, первый в истории специфически коммунистический кризис. Происходили социальные перемены в структуре советского населения. Возникла кризисная ситуация в высших учреждениях системы власти. Короче, сложился комплекс внешних и внутренних факторов, которыми умело воспользовались стратеги и организаторы «холодной войны». Они запланировали и педантично провели серию диверсионных операций огромного масштаба. В результате контрреволюции 1991–1993 годов была просто физически уничтожена советская социальная организация в странах бывшего Советского Союза, в России прежде всего.

Всячески насаждается утверждение, будто русский коммунизм рухнул в силу внутренней несостоятельности. Это – циничная ложь. Русский коммунизм был молодым и жизнеспособным социальным образованием, находился в самом начале своего исторического бытия, не изжил себя, не одряхлел внутренне. Он был просто убит.

ЗАПАДНИЗМ

Словом «западнизм» я называю социальный строй современных стран западного мира. К числу этих стран относятся США, Франция, Германия, Англия, Италия, Канада, Австралия, Австрия, Бельгия и другие западноевропейские страны. Я не называю социальный строй этих стран словами «капитализм» и «демократия» потому, что слово «капитализм»

характеризует эти страны лишь с точки зрения экономики, да и то односторонне, а слово «демократия» обозначает лишь одну из сторон политической системы этих стран. К тому же эти слова стали многосмысленными идеологическими выражениями, а не научными терминами. Реальный социальный строй современных западных стран содержит элементы капитализма и демократии, но не сводится к ним. Он есть нечто большее. За последние пятьдесят лет с ним произошли настолько значительные изменения, что слова «капитализм» и «демократия», с которыми прочно связано привычное содержание, уже не характеризуют его достаточно адекватно. Нейтральное слово «западнизм» мне представляется более подходящим.

Трудность для научного понимания западнизма состоит в том, что западные человеки встали на путь эволюции в направлении к сверхобществу с одновременной эволюцией в рамках обществ. Трудно разграничить, что относится к уровню сверхобществ и что к уровню обществ, что в эволюции обществ есть результат развития внутренних потенций самого этого уровня и что есть результат внешнего влияния на них уровня сверхобщества. Сами западные теоретики в таком направлении вообще не думают и никаких даже чисто эмпирических исследований не делали.

Рассмотрим сначала западнизм на уровне общества, т.е. западнистское общество.

Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в человечестве благодаря усилиям народов западноевропейских. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы. Они сформировались в составе единой западноевропейской цивилизации. У них выработались сходные черты, позволяющие говорить о народах и о людях западнистского типа. Назовем их западоидами.

Все авторы единодушно отмечают такие черты западных народов (народов из западоидов). Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень (сравнительно с другими народами, конечно). Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчетливость. Конкурентоспособность. Авантюристичность. Любознательность. Эмоциональная черствость. Холодность. Честолюбие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосходства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов. Упомянутые качества западоидов не присущи каждому из них по отдельности. Они «растворены» в массе их. Люди западоидного типа и качества западоидности встречаются у всех достаточно больших и сравнительно развитых народов. Но у западных народов процент людей с качествами западоидов и концентрация «раствора» западоидности выше, чем у других народов, причем величина этого «выше» оказалась достаточной, чтобы образовать качественное отличие.

Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в эволюции человечества благодаря многим факторам,

основные среди которых суть следующие два. Первый из них – интеллектуальная и материальная культура, которую создали западоиды общими усилиями. Она почти на сто процентов определила прогресс человечества в этом отношении в последние несколько столетий. В основе её возникновения и развития лежит научное познание мира и технические изобретения, опирающиеся на результаты науки. Второй фактор – возвышение над прочим человечеством за счет завоеваний, ограблений и колонизации других народов, за счет эксплуатации всей доступной части планеты в своих корыстных интересах. Оба эти фактора сохранили силу и в наше время. Более того, их действие усилилось. Причем, второй фактор стал доминирующим, в особенности после того, как Запад нанес поражение своему эпохальному и глобальному конкуренту за овладение планетой – коммунистическому миру. Этот фактор стал главным в числе тех, которые обусловили возникновение западнистского сверхобщества.

Западнистское общество характеризуется определенным типом социальной организации, т.е. типом клеточной структуры, системы власти и управления, нормативной сферы (права), экономики, идеосферы, культуры, структуры населения. Обо всем этом существует необъятная литература. Число специалистов, думающих на эти темы, не счесть. Я ограничусь лишь краткими замечаниями, иллюстрирующими мой подход к пониманию всех этих объектов.

Западнизм, как и коммунизм, есть не сумма не связанных друг с другом признаков, а единое целое, в котором скоординированы бесчисленные элементы, причем скоординированы не кратковременными и одноактными распоряжениями властей, а естественноисторическим путем, как результат жизненного опыта миллионов людей во множестве поколений. Нельзя какие-то его отдельные черты вырвать из их связи со всеми прочими и перенести в другую социальную среду, не умертвив их или не изуродовав. Нельзя отдельные его черты усвоить в другом типе общества, не усвоив другие, причем на это нужно историческое время. Так что нет ничего удивительного в том, что Россия после антикоммунистического переворота 1991–1993 годов не превращается в страну западного типа. Было бы как раз удивительно, если бы это произошло. Теория, согласно которой можно построить идеальное общество, взяв хорошие черты западнизма и коммунизма и отбросив плохие, есть просто безграмотный бред.

Сферу государственности западнизма обычно определяют как демократию. Но демократия есть лишь часть её. Демократия на виду, бросается в глаза, выгодно отличает западнистскую государственность от других её видов. Потому западная идеология и пропаганда раздувают её так, что создается впечатление, будто ничего другого нет или по крайней мере все прочее играет второстепенную роль. А между тем в западных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократической части. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него.

Демократическая часть государственности западнизма не есть нечто

такое, что вырастает независимо от недемократической части, как полагают некоторые её апологеты, – прямо из капитализма. Она возникает и существует в неразрывной связи с недемократической частью и в принципе невозможна без нее.

Элементом демократии является, например, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Оно было задумано как средство против абсолютной деспотической власти. А в ходе реальной истории первоначальная идея фактически не воплотилась в жизнь или это разделение утратило ту роль, какую играло ранее. Это проявляется, например, в том, что законодательные органы занимаются не столько разработкой и одобрением общего кодекса поведения, сколько решениями, направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей, между общими и частными задачами власти. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стало называться законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Сама концепция закона потеряла значение. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство – его побочной функцией.

Элементом демократии является многопартийная система. Этот элемент считается настолько важным, что в идеологии и пропаганде часто его используют как определяющий признак западной государственности вообще. Это стало обычным во второй половине XX века, когда западнистская государственность противопоставлялась коммунистической как многопартийная – однопартийной.

Что такое многопартийность? Если в стране разрешено много партий, это ещё не означает, что государственность многопартийная. Для этого необходимы ещё два условия. Первое – государственность заметным образом зависит от партий. Последние как-то участвуют во власти. Второе условие – участвующие во власти партии не стремятся к изменению социального типа государственности и к её разрушению или ослаблению. Третье – участвующие во власти партии не превращаются в узаконенные органы власти. Характерными образцами таких партий являются общеизвестные партии западных стран. Их не так уж много, обычно – две или несколько. Но все равно две основные или два блока партий. И разница между ними ничтожна с точки зрения сути социальной организации.

Современные западнистские партии не являются выразителями и защитниками интересов каких-то определенных групп населения. Они ориентируются на все категории населения, претендуют на то, чтобы считаться партиями общенародными. Возникнув в определенных исторических условиях, они воспроизводятся и существуют, прежде всего, для самих себя. Чтобы добиться своих целей (занять посты, фигурировать на сцене истории, делать карьеру, ощущать себя причастными к исторической деятельности), партии должны что-то делать для «народа». Это – их способ добывать хлеб насущный. Это – бизнес в политической сфере.

Западнистские партии не имеют четкой и систематизированной идеологии, не имеют далеко идущих целей и программ их достижения. Они действуют, руководствуясь ближайшими практическими целями. Они стремятся завоевать популярность в массах и получить как можно больше голосов на выборах, выдвигая для этого лозунги и программы применительно к конкретным условиям.

На всех уровнях социальной иерархии, начиная от местных общин и кончая уровнем страны в целом, происходит превращение партийных активистов (политиков вообще) в часть правящего слоя, – происходит сращивание политики и управления. А с другой стороны, партии «врастают» в хозяйственную жизнь общества и в другие его сферы. Политики становятся сотрудниками концернов, занимают совсем не политические посты.

Официальные сравнительные точные характеристики советской и западнистской государственности мне неизвестны. Я в свое время проделал это как исследователь–одиночка. Я измерял такие параметры власти: траты общества на её содержание, размеры, объем решаемых задач, эффективность, степень коррумпированности, сменяемость чиновников и т.д. Я установил, что советская государственность была дешевле, меньше по размеру, шире по объему функций, эффективнее, менее коррумпирована, чем западнистская. И по сменяемости правителей не уступала последней. В свое время и многие западные наблюдатели склонялись к такому мнению, наблюдая темпы индустриализации, деятельность властей в войну и в восстановительный период, деятельность властей на международной арене и т.д. Идеологическая и пропагандистская дискредитация советской власти и восхваление западнистской шли со стопроцентным нарушением правил научного исследования.

Советское общество считалось неправовым, а западнистское – образцом общества правового. Опять–таки тут имеет место идеологическая предвзятость и неясность. Если иметь в виду число юридических законов и степень охваченности жизни людей ими, то западнистское общество не имеет себе равных. Например, на заре американской государственности налоговые законы были записаны на нескольких страницах, то теперь для записи их потребовалось более десяти объемистых томов, – увеличение в тысячи раз! И так во всем. К тому же в десятки раз возросло число сфер, потребовавших правового регламентирования. И ещё более грандиозных размеров достигла сфера частного права. Мне, например, довелось быть свидетелем брачного контракта, содержащего несколько сот пунктов.

Западное общество превратилось в общество правового тоталитаризма. Тут сложилась такая густая и запутанная сеть правовых норм и отношений, в которой рядовой гражданин самостоятельно не способен поступать без ущерба для себя. Потребовалось огромное число специалистов в этой сфере. И они появились, образовав особый социальный слой с высоким уровнем доходов и большим влиянием в обществе. Мало кто из граждан общества обходится без их услуг. А для значительной части граждан они суть неотъемлемый элемент их жизни.

Советское общество с этой точки зрения выглядит действительно

неправовым. Но не бесправным. В такой гипертрофированной правовой системе в нем не было надобности. И в этом было одно из его достоинств сравнительно с Западом.

Общепринято считать «базисом» западнистского общества частную собственность, частное предпринимательство и капитализм. Остановлюсь на этом подробнее, поскольку эта тема в нынешней (постсоветской) России, пытающейся пойти путем западнизации, особенно важна.

Что такое частная собственность? Чтобы ответить на этот вопрос, надо различать владение (обладание) и собственность. Не всякое владение есть собственность. Владеть чем-то – это значит распоряжаться этим по своему усмотрению. Владеть чем-то можно благодаря физической силе, обману, находке, традиции и т.п. Собственность есть владение узаконенное, есть владение по праву. Право само по себе не приносит то, что становится собственностью. Владение чем-то должно быть приобретено какими-то путями. Но чтобы стать собственностью, оно должно быть объявлено законным или приобретенным в рамках юридических законов. Частной собственностью являются такие случаи: 1) когда собственник персонифицирован; 2) когда многие персонифицированные собственники предоставляют на законных основаниях какой-либо индивидуальной личности, группе таких личностей или конкретной организации право распоряжаться их суммарной собственностью.

Частная собственность есть феномен исторический. Никакого врожденного чувства собственности и тем более прирожденного права собственности нет. Она формировалась по многим линиям. У большинства народов она не развилась в полной мере или даже совсем не развилась. У народов западного мира она достигла высшего уровня развития, причем сравнительно недавно. Фактически таким рубежом её исторического оформления явились параграфы буржуазных конституций «Частная собственность священна и неприкосновенна».

Частная собственность прошла длительный, сложный и полный драматизма путь, прежде чем достигла состояния, какое можно наблюдать в современных западных странах. Множество частных собственников тут стало настолько многочисленным, что эти общества можно считать тотально частнособственническими. Основной функцией частной собственности для большинства граждан стала функция, подобная социальным гарантиям, какие имели место в коммунистических странах. Это – своего рода эрзац таких гарантий. Люди, обладающие частной собственностью, легче переживают трудные периоды (например, безработицу, инфляцию). Они свободнее и увереннее в выборе жизненного пути. Их дети имеют лучшие условия для жизненного старта, выбора профессии, образования, карьеры. Собственность дает лучшие условия для общения и доступ к жизненным благам, уверенность в обеспеченной старости.

Частная собственность охватила все сферы жизни западных людей, стала всеобъемлющим стимулом их жизнедеятельности, завладела их умами и чувствами. Приобретение и увеличение её стало основным содержанием всех видов деятельности, включая политику, науку, искусство, спорт, религию. Основная масса западоидов с рождения до смерти живет в

атмосфере одержимости частной собственностью, стремления иметь её любой ценой, накапливать, охранять. И нет ничего удивительного в том, что апологеты западнизма считают стремление людей к частной собственности врожденным.

Западнистское общество, как и всякое общество, имеет клеточную структуру. Западнистские клеточки разделяются на две группы. Одни из них, как и коммунистические, создаются решениями властей (государственные учреждения, полиция, армия, специальные службы, исследовательские институты и т.п.). Другие клеточки создаются по инициативе частных лиц и организаций. Частные клеточки являются доминирующими. Они задают тон в обществе. Так что и государственные клеточки уподобляются им.

Качественное отличие западнистских клеточек от коммунистических заключается в том, что они суть исключительно деловые объединения людей. Они могут иметь сложную внутреннюю структуру. Но она диктуется исключительно интересами и условиями дела. Все прочее в клеточках не допускается – никакие неделовые группы, никакие общественные организации, никакие посторонние для дела вмешательства. Короче говоря, западнистские клеточки максимально очищены от всего того, что непосредственно не относится к делу. Они суть своего рода деловые машины, а не объединения людей для совместной жизни. В них нет никакого коллектива с его структурой, независимой от дела. Сотрудники их суть социально независимые друг от друга детали этой деловой машины. Люди через западнистские клеточки получают только деньги и возможность для деловой карьеры. Обо всем остальном они должны позаботиться сами. Общество не гарантирует им работу, жилье, медицинское обслуживание, пенсию и прочие жизненные блага.

Внутри западнистских клеточек действует жестокая деловая дисциплина. Деятельность клеточек максимально рационализирована. Максимально используются силы и способности сотрудников. Интенсивность труда предельная. От сотрудников требуется соответствующая обязанностям квалификация.

Частное предпринимательство есть образование и функционирование частных деловых клеточек. Понятие «частное предпринимательство» стало неопределенным и многосмысленным, как и все прочие понятия, относящиеся к Западу. Думаю, что тут происходит преднамеренное разрушение понятийного аппарата с целью введения в заблуждение масс населения, агитируемого в пользу отказа от коммунизма и перехода на путь западнизации или возврата к дореволюционному состоянию. Семья, открывающая маленький магазинчик, есть частный предприниматель (скажем, частник). Гигантская автомобильная, авиационная или компьютерная фирма с капиталом в несколько миллиардов тоже есть частник. Банк, контролирующий тысячи крупных и миллионы мелких частников, есть частник. И человек, берущий в этом банке кредит на несколько десятков тысяч для открытия мизерного дела, тоже есть частник. Современное западное общество есть не сумма частников, а иерархическая структура с отношениями подчинения и соподчинения. Рассматривать частное предпринимательство вне этой структуры бессмысленно.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, произошли радикальные перемены в сфере частного предпринимательства. Подавляющее большинство частных предпринимателей начинает теперь дело не на свои деньги, а на деньги, взятые в банке в кредит, разумеется, под проценты. Тем не менее, взяв деньги в кредит и начав дело, человек становится частным собственником. Становится формально, юридически. Фактическим собственником данного в кредит начального капитала является банк, причем тоже юридически. Взявший в кредит деньги предприниматель фактически выступает тут в роли служащего банка, который сам является частным предпринимателем.

Большинство мелких и даже средних предпринимателей становится таковыми не из врожденного стремления к наживе (такое не существует), а просто будучи вынужденными на это обстоятельствами. Для них это – способ заработать на жизнь. Обычно они еле сводят концы с концами. Главная их цель – выплатить проценты за кредит и сам кредит в банк, оставить себе и своей семье что-то на жизнь и поддерживать ход дела. Так что они в большинстве вынуждены довольствоваться минимальной (а не максимальной, как считали марксисты) прибылью. Да и то это далеко не всегда удается. Большой процент их разоряется довольно скоро. Некоторая часть добивается средней прибыли, позволяющей расширять дело, на что уходят годы каторжного труда. Ничтожное меньшинство ухитряется преуспеть.

Частное предпринимательство в рассматриваемом случае есть форма принуждения людей к труду, и к труду не такому уж легкому. Даже в тех случаях, когда дело процветает, частные предприниматели на этом уровне посвящают жизнь в основном работе. Обычно они работают больше своих наемных работников. Этот вид труда связан с нервотрепкой и с постоянной тревогой за будущее. Условия труда лиц соответствующих категорий в коммунистическом обществе (заведующих, директоров предприятий) неизмеримо легче.

Не каждый частный предприниматель есть капиталист. Капиталист в общепринятом понимании (его разделял и Маркс) есть частный предприниматель, использующий деньги для получения прибыли.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В западном обществе произошли изменения, причем противоречивые с точки зрения судьбы капитализма. Различаются периоды «старого» и «нового» капитализма. «Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала.

Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения

множества таких операций в усилении их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря, – с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, т.е. осуществляя основную часть денежных дел через банки. Сделав всех людей в той или иной мере частичными капиталистами, западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим.

Но это был лишь один аспект эволюции капитализма. По другой линии происходил процесс в некотором роде противоположный. Одним из явлений этого процесса стало образование класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделив её с несобственниками, а порою уступили её последним полностью. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия «капиталист» и «капитализм» потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рантье, владелец большой суммы денег, президент банка, менеджер с огромным окладом, рабочий, совершающий денежные операции через банк, и т.д. – все это суть представители различных социальных категорий, хотя все они суть соучастники в деятельности одного огромного безликого капитала.

Экономику Запада в России называют рыночной. При этом ей не дают реалистичное описание, хотя специалистов, способных на это, более чем достаточно. Это говорит о том, что идеи рыночной экономики играют не столько экономическую, сколько идеологическую и политическую роль. Рынок – это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической «невидимой руке». Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевою, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить её с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой. Самоорганизующийся рынок – идеологический миф даже во времена Смита. Достаточно проследить за средствами массовой информации хотя бы одну неделю, чтобы заметить то, что государство, партии, общественные организации и всякого рода комиссии занимаются систематическим вмешательством в работу рынка.

Рынок постоянно находится под неусыпным оком общества и власти.

Общепринято приписывать взлет западной экономики в заслугу капитализму. Конечно, в этом есть доля истины. Но в большей мере тут имеет место преувеличение роли капитализма и игнорирование (или умышленное умалчение) роли других факторов, причем – неэкономических. И главным среди последних является ограбление всей планеты. Западная цивилизация сложилась фактически как «надстройка» над прочим человечеством, эксплуатирующая последнее как зону (среду) своего существования. Возникновение и успехи коммунистического мира в двадцатом веке стали угрозой её существованию. Естественно, Запад с первых же дней жизни реального коммунизма начал непримиримую борьбу с этой угрозой. Эта борьба в двадцатом веке стала стержнем эволюции человечества и остается им на все обозримое будущее.

Об идеологической сфере западнизма говорилось выше.

Население западных человеичков структурируется, прежде всего, в зависимости от его деловой структуры (клеточки, сферы). Но не только от этого. Тут действует множество других факторов. Структурирование происходит одновременно в нескольких аспектах. Одни и те же люди попадают в разные категории. В одну и ту же категорию в одном аспекте попадают люди, принадлежащие к разным категориям в другом аспекте. Так что создать единую социальную классификацию, которая отвечала бы логическим критериям, не удается.

Рассмотрим для примера разделение людей на нанимателей (работодателей) и нанимаемых. Членами первого класса являются не только отдельные предприниматели, но и группы людей, совместно распоряжающихся ресурсами дела и организующих дело. В наше время такие группы играют решающую роль. Они имеют различные размеры – от нескольких человек до многих тысяч, как это можно видеть в больших компаниях. В эти группы входят как собственник средств деятельности, так и наемные лица – менеджеры, работники контор и канцелярий, короче говоря, – все те, кто представляет и отстаивает интересы группы-работодателя, будучи членами этой группы. Работодателем может быть не только группа, владеющая и распоряжающаяся средствами частной компании, но и общественное и государственное учреждение. В класс нанимаемых входят не только рабочие, но и всякого рода служащие, включая государственных чиновников. Входят и лица, сами являющиеся собственниками денежных сумм, акций, имущества (домов, земельных участков, вещей). В подавляющем большинстве это не пролетарии в том смысле, как их описывали Маркс и Энгельс. В число нанимаемых могут попасть директора банков, получающие больше денег, чем миллионеры-предприниматели; менеджеры; государственные чиновники вплоть до президентов, министров, генералов; инженеры; профессора; артисты; спортсмены и прочие лица, ничего общего не имеющие с пролетариатом. В промышленности западных стран занято меньше трети работающих людей, по крайней мере половина которых не являются рабочими по профессии. Рабочий класс в том виде, в каком он послужил основой для марксистских идей классовой борьбы и диктатуры пролетариата, вообще больше не существует в западных странах. Возникли такие категории наемных работников, каких не было раньше и которые по численности и по роли в обществе не уступают тем, кого по

традиции относят к рабочему классу, а то и превосходят их.

Современное западное общество уже немыслимо без иностранных рабочих. В Западной Европе их десятки миллионов. Они образуют особый слой, сопоставимый с рабами Римской империи. Постоянным фактором жизни западных стран является безработица. Наличие безработных вызывает недоумение по целому ряду причин. В стране миллионы безработных граждан, а одновременно тут занято в два раза больше иностранных рабочих. С другой стороны, предприниматели данной страны инвестируют свои капиталы и создают предприятия в других странах, давая там работу большому числу людей. Почему эта «нелепость» имеет место? То, что предпринимателям это выгодно, очевидно и общеизвестно. Иностранным рабочим меньше платят, чем своим. Они не имеют профсоюзов. Не надо тратить на их социальное обеспечение. В других странах рабочая сила дешевле. Не надо думать о социальных проблемах чужого населения.

В западной социологической и экономической литературе принято делить население на три уровня – на высший, средний и низший. Основанием для деления служит размер собственности и дохода. Каждый такой уровень разделяется, в свою очередь, на подуровни, обычно – на три. Например, по одной из таких классификаций средний уровень подразделяется на такие: 1) собственники мелких предприятий, местных магазинов, небольших ферм; 2) управляющие фирмами и представители профессий высокого уровня; 3) служащие контор, учителя, низший медицинский персонал и т.д. Низший уровень делят на квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих, работающие этнические меньшинства. По другим классификациям в низший класс попадают безработные и вообще лица, имеющие доход ниже минимального.

Такого рода классификации очевидным образом искусственны. В реальности имеет место непрерывная линия уровней собственности и доходов. В ней просто нет естественных точек разграничения. Фактическая роль таких классификаций – идеологическая: признав очевидным факт социальных и материальных контрастов, направить внимание людей на удобную для апологетики статистическую середину. Когда сообщают, что высший уровень составляет пять процентов населения, низший – десять, а средний – восемьдесят пять, то всякая социальная критика общества должна умолкнуть. В средний уровень при этом попадают мелкие и средние предприниматели, государственные служащие, профессора, артисты, квалифицированные специалисты, адвокаты, врачи и т.д. О какой тут классовый борьбе может идти речь?!

Я считаю более адекватной западной реальности классификацию населения по социальному статусу, о котором говорилось выше в разделе о коммунизме. Только в западных странах комплекс признаков, определяющих социальный статус человека, отличается от такового в коммунистическом человеичке, что само собой разумеется. Частная собственность, частное предпринимательство, капитализм, финансовая система, демократия, – все это отражается в структуре населения.

Если в коммунистическом человеичке главным «богатством» является социальное положение человека, то в западннстском человеичке

такovým является обладание материальными ценностями, включая деньги. Тут богатство (без кавычек) образует особую социальную категорию. Тут существуют многочисленные способы обогащения, отличные от капиталистического, – наследование имущества и денег, высокая плата за занимаемую должность, махинации с имуществом и финансами, игра, грабеж, организованная преступность, плата за открытия и изобретения, огромные гонорары, мошенничество и т.п. Обладающие богатством люди образуют особый социальный слой. Он возникает как производный от фундаментальных социальных отношений. Но, возникнув и укрепившись, он становится хозяином общества, точнее говоря, – становится организатором господствующих слоев общества в единое целое. Он овладевает львиной долей богатств общества, основными и самыми щедрыми источниками доходов, наилучшими каналами карьеры и вообще средствами жизненного успеха.

Все западнистское общество превращается в гигантский механизм по созданию и приобретению материальных богатств и по их распределению. Сами западные идеологи зачастую вообще рассматривают западное общество как потребительское.

Реальная жизнь западных стран есть постоянная социальная борьба, пронизывающая все их аспекты и уровни. Признанной ареной её является то, что называют гражданским обществом. Сохранились ли антагонистические классы? По моим наблюдениям, они «растворились» в мешанине других явлений. Но все же время от времени они дают о себе знать. Борьба при этом обычно идет локальная и за перераспределение долей доходов, и за незначительные (с социологической точки зрения) изменения в условиях труда. Социальные отношения вообще не подвергаются критике и не ставятся под сомнение. Они устраивают обе стороны. Борьба идет в этих рамках. В этом смысле классовые конфликты уже не являются антикапиталистическими, какими они были в XIX столетии и в начале XX.

Конечно, возникают всякого рода объединения и даже партии, направленные против самого социального строя общества. Существуют даже коммунистические организации. Но все это, можно сказать, допороговые явления, не имеющие заметного влияния на ход жизни западного мира. Их идеологический уровень крайне низок. Возникают массовые движения большого масштаба. Они приковывают к себе внимание общества и даже временами потрясают его. Это, например, студенческие движения, движения гомосексуалистов, «зеленых», антиглобалистов и т.п. Но они не затрагивают основ западнизма и в значительной мере манипулируются правящими силами. Вообще на Западе разработана виртуозная технология профилактики и борьбы с явлениями антизападнизма. Учебников на этот счет нет. Но в них нет надобности. Соответствующие кадры готовятся в изобилии и без них. И гражданское общество в значительной мере служит этому.

Весьма эффективным средством борьбы с антизападнизмом является стратегическая установка господ западного мира на борьбу с внешними явлениями, которые в идеологии и пропаганде преподносятся как угроза всей «мировой цивилизации», – с коммунизмом, с мусульманским терроризмом, с экстремизмом. Война Запада во главе с США за мировую гегемонию с этой точки зрения является мощнейшим средством

подавления и недопущения внутреннего антизападнизма.

Обращаю внимание на то, что как Запад и западнизм – что не одно и то же (Запад – совокупность стран, западнизм – их социальный строй), так и антизападнизм не есть антизапад. Антизападнизм – враждебное отношение не к Западу (не антизапад), а к социальному строю западных стран, – явление, подобное антифашизму, антикоммунизму и т.д. Можно быть приверженцем Запада и одновременно антизападником. Аналогично не одно и то же США и американизм. Антиамериканизм не есть вражда к США. Это – вражда к социальному строю современных США. А зачастую антиамериканизм понимается ещё уже: как протест против определенного поведения правящих сил США в отношении внешнего мира.

ЗАПАД НА ПУТИ К СВЕРХОБЩЕСТВУ

Выше я говорил о различиях коммунистического и западнистского путей к сверхобществу. Несмотря на эти различия, социальная организация западнистского сверхобщества складывается по тем же объективным социальным законам, что и коммунистическая. Схематично это выглядит так. В компонентах социальной организации общества вырастают надстроечные части, так что образуется сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология, сверхправо, сверхкультура, сверхклеточные объединения и т.д. Они объединяются в надстроечную часть социальной организации в целом.

Сверхгосударственность западнизма формируется по многим линиям. Назову некоторые из них. Источником сверхгосударственности стало прежде всего непомерное разрастание самой государственности. В ней занято до двадцати процентов работающих граждан (если не больше). Во всяком случае, это больше, чем общее число людей, занятых физическим трудом. Так что сама государственность нуждается в управлении, можно сказать, в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, то есть как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода: представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т.п. Сюда входит совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Сюда входит также множество людей из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей. Это – «кухня власти». Она является постоянно действующим элементом власти, стоящим над государством и отнимающим у него часть суверенитета. Наряду с «кухней власти» сложилась среда из активных и влиятельных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. Она получила название правящей элиты.

Достаточно перечислить явления огромного масштаба, ставшие обычными в современном западном мире и в мире вообще вследствие активности Запада, чтобы отбросить всякие сомнения насчет ограниченности традиционных средств власти: махинации гигантских предприятий в сфере экономики, укрывательство от налогов, порча природной среды и продуктов питания, организованная преступность, научно-технические проекты неслыханных ранее масштабов, грандиозные стройки, военные операции, международные финансовые проблемы, демографические проблемы, миграция миллионов людей, безработица и т.п. Список таких явлений, требующих усилий власти в больших масштабах и постоянно, можно продолжать и продолжать. В результате произошло разделение задач и действий власти на обычные и стратегические. Возник стратегический уровень – уровень задач, ресурсов и действия власти, превосходящий обычные по масштабам, значимости и продолжительности. Возникли задачи и операции власти, рассчитанные на многие годы, требующие колоссальных затрат средств, вовлекающие огромные массы людей, использующие новейшие научные открытия и технические изобретения, использующие всю интеллектуальную мощь общества и блоков обществ. Сложился особый аппарат для этого.

Следующая линия формирования сверхгосударства связана с взаимоотношениями западных стран между собой, с взаимоотношениями западного мира с другими частями человечества, с проблемами мирового масштаба. По этой линии сложились бесчисленные учреждения и организации, которые даже формально возвышаются над государствами отдельных стран. Сферой их деятельности являются блоки и союзы западных стран, весь западный мир и даже вся планета. В их деятельность вовлечены сотни тысяч людей. Они распоряжаются колоссальными материальными, интеллектуальными, идеологическими, пропагандистскими, культурными, психологическими и военными ресурсами.

Сфера сверхгосударственности не содержит в себе ни крупинки демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества.

Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают законодательными функциями. Последние были и остаются функциями государственности. Если надстроечной части требуется что-то в отношении законодательства, она для этой цели имеет в своем распоряжении государственность. Она обладает негосударственными средствами принуждать государственность поступать так, как это ей требуется. Эти средства, например, суть личные связи, проведение своих людей на ответственные должности, лобби, манипулирование финансами и средствами массовой информации, манипулирование партиями и массами, подкуп.

Сверхэкономика точно так же формируется по многим линиям. Назову некоторые. Определяющую роль в экономике стали играть предприятия и

целые отрасли с наивысшим технологическим уровнем, с максимальным использованием результатов научно–технического прогресса. Они имеют более высокую сравнительно с другими предприятиями прибыль за этот счет, а не за счет эксплуатации наемных работников по законам экономики.

Фундаментальная функция экономики – снабжать общество средствами существования – отошла на задний план или перешла в значительной мере к явлениям неэкономическим. Тон в экономике задают не фундаментальные уровни, а вторые и более высокие – производство сверхнеобходимого, инвестиции с целью извлечения доходов из экономики низших уровней, паразитарные предприятия, предприятия, обслуживающие сверхпотребности высших слоев общества, символическая экономика и т.п. Глобализация экономики позволяет западному миру эксплуатировать всю планету методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпринимательства, свободный рынок и т.д.), а по сути дела не являются таковыми. Например, вынос предприятий в страну, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем дома, не есть операция чисто экономическая. Она невозможна без политической, идеологической и военной защиты. Здесь политика, армия, полиция, специальные службы, средства массовой информации являются не обычными средствами защиты экономики, а завоевательными средствами насилия в чужой стране. Ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки не было экономической операцией. Так и теперь.

Экономические гиганты внутри западных стран организуются как своего рода автономные объединения со своей социальной структурой подобно структуре коммунистической страны. А выйдя за пределы национальных государств на мировую арену, они стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры. Еще дальше в этом направлении пошли наднациональные экономические гиганты. Они вообще ведут себя как суверенные человеки. Если они кому–то и в какой–то мере подчиняются, так это – глобальному денежному механизму. Наднациональные и глобальные экономические империи и организации приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Они властвуют над экономикой в её традиционном смысле.

Важнейшим компонентом сверхэкономики стал механизм денежного тоталитаризма (по моей терминологии). Его образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом, в том числе и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества – денежного дела. Но в силу особой роли этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом.

В современном западном мире денежный механизм из средств экономики (из её слуги) превратился в её доминирующий фактор (в господина над ней). Благодаря этому в сферу экономики включились сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее таковыми не

являвшиеся. Изменилось само понятие экономики.

Произошло «вертикальное» структурирование экономики: над экономикой, создающей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника доходов для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц. Она разрослась и усилилась настолько, что стала играть не менее важную роль в обществе, чем экономика первого уровня. И над всем этим выросла сфера экономики на уровне механизма условных или символических денег – символическая экономика, т.е. экономика огромных символических капиталов.

В настоящее время реальная и символическая экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, которая достаточна для экономики реальной.

Наконец, денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Неверно утверждать, будто экономика стала властителем общества. Тут произошло нечто более значительное, а именно: сложился уровень сверхэкономики и сверхгосударственности, подчинивший себе и государственность, и экономику. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человека, выходящий за рамки социальной организации общества «сверху».

Денежный механизм имеет доходы не за счет эксплуатации наемных работников – вовлеченные в его работу люди получают заработную плату, не производя никакой прибыли. Они суть служащие аппарата власти, подобного государственному. Этот аппарат берет дань с подвластного человека в виде платы за услуги и процентов за кредиты. Это похоже на извлечение прибыли путем инвестиции денег. Но только похоже, поскольку этот аппарат оперирует деньгами, и это путает. На самом же деле он имеет доходы подобно тому, как имеет государство, не производящее ничего. Он берет дань с тех, кого он обслуживает, т.е. эксплуатирует.

Денежный механизм в его высшей функции власти над экономикой и над человеком вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба – экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и даже целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, планирование и руководство крупнейшей в истории операцией Запада, именуемой «холодная война», и финансирование её (т.е. траты на нее) было делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба.

В менталитетной сфере человека западного мира сложился механизм сверхидеологии. Важнейший компонент его – медиа, или СМИ.

Выражением «масс-медиа», или просто «медиа», принято обозначать совокупность таких явлений современного западного мира, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические

и одноразовые издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции. После Второй мировой войны в эволюции западных медиа произошел грандиозный качественный «скачок» – они оформились в одну из важнейших сфер общества. Так что их теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое целое со сложной структурой и разнообразными функциями.

Конечно, медиа есть одна из сфер приложения и активности капиталов и интересов государства. Но сводить их к этому ошибочно. Они есть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса и политики. Это, можно сказать, есть «третья сила» западнизма. Это – и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглушение, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности и делание жизни, – короче говоря, квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях её субъективного фактора. Медиа суть арена общественной жизни, ставшие одним из важнейших факторов этой жизни. Они состоят из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В их работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Они привлекают для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа – это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Короче говоря, есть все основания считать его механизмом сверхидеологии.

Медиа вторгаются во все сферы общества: в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Им до всего есть дело. Они не просто влияют на умы и чувства людей. Они проявляют власть над ними, причем, власть диктаторскую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медиа буквально приковывают к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран, снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с «церковью» западнизма.

Важнейшим каналом всевластия медиа является то, что они контролируют и направляют всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая публицити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоили себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов.

Значительным каналом всевластия медиа является то, что они дают трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Они раздувают и используют непомерное тщеславие политиков. Они влияют на их успехи и неудачи, порою роковым образом. Без них немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партийные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировали в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою организующую силу, отчуждая им свою собственную независимость и власть.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя её хозяевами и начальниками. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого: зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная.

Медиа не исчерпывает механизм сверхидеологии. Подразделениями последнего являются западные «голливуды», крупнейшие издательства, газетные концерны, бесчисленные исследовательские центры и т.д.

И по содержанию сложилась сверхидеология западнизма. Она не выражена явно в виде одного текстуально локализованного учения (что в принципе невозможно). Она рассеяна в менталитетном аспекте западных человеколюбивых и западного мира в целом. Тем не менее можно установить её черты по отдельным широко известным сочинениям и выступлениям западных политиков и идеологов. Это – идеология мировых агрессоров и завоевателей, претендующих на господство над всем прочим человечеством и на превосходство над ним во всех человеческих качествах.

Надстроечная часть западнистского сверхобщества не есть всего лишь сумма надстроечных явлений компонентов социальной организации общества. Упомянутые явления суть лишь отдельные потоки эволюционного процесса, которые сливаются в единый поток и перемешиваются в этом единстве. Образуется качественно новое подразделение в структуре человеколюбивого. Оно как целое выступает как сверхгосударственность по отношению к государственности, как сверхэкономика по отношению к экономике, как сверхидеология по отношению к идеологии и т.д. И в этом качестве оно становится доминирующим компонентом социальной организации человеколюбивого.

Я рассмотрел лишь основные линии, по которым происходит формирование западнистского сверхобщества. Реально этот процесс уже захватил все жизненно важные аспекты жизни людей. Назову два из них, один из которых уже сыграл огромную роль в эволюции человечества в двадцатом веке, а другому предстоит не менее важная роль в будущем.

В годы после Второй мировой войны в западном мире произошла научно-техническая революция, ставшая одним из важнейших факторов всестороннего взлета Запада и его победы в конкурентной борьбе с коммунистическим миром. Запад оказался в чрезвычайно выгодном положении по отношению к прочему человечеству. И он успешно использовал свое преимущество для эксплуатации всей планеты в своих интересах и для влияния на умонастроения людей в незападном мире, включая мир коммунистический.

Создав необычайно высокий (сравнительно, конечно) материальный уровень жизни для большинства своих граждан, Запад перехватил у марксистского коммунизма его самую соблазнительную (с точки зрения влияния на низшие слои населения) идею – идею материального изобилия («каждому – по потребности»). Сотни миллионов незападных людей, не понимавших сущности реального коммунизма и реального западнизма, стали видеть «полный коммунизм» в странах Запада. А Запад умело использовал это в антикоммунистической и прозападнистской пропаганде.

Запад реализовал марксистскую идею потребительского коммунизма. Но как? Запад породил величайшие жизненные блага и способность воспроизводить эти блага. Об этом знают все, об этом неумолимо кричат все мощнейшие средства массовой информации. Продление жизни и сохранение жизненных функций до ста лет, а в ближайшем будущем – до ста тридцати. Лечение почти от всех болезней, ещё недавно бывших смертельными. Сказочный бытовой комфорт. Неограниченные средства наслаждения и т.д. и т.п. Все это общеизвестно. Все это стало величайшим соблазном, перед которым невозможно устоять.

Но доступны ли эти жизненные блага всем? Доступны ли они людям в одинаковой мере? Конечно, нет. Можно установить иерархию этих благ по степени их стоимости, важности, объему, доступности. Соответственно складывается и иерархия людей с точки зрения долей этих благ, какие им достаются. Складывается социальный механизм распределения этих благ, обусловленный распределением людей в системе жизнедеятельности. В результате действия этого механизма складывается иерархия потребления жизненных благ в диапазоне от минимума, близкого к нулю, до максимума, близкого к полному изобилию. Лозунги коммунистов «по потребностям» и об изобилии фактически реализуются, но не для всех и не в одинаковой мере, а лишь для части людей, причем в разной мере.

Пропагандируя достигнутые жизненные блага как потенциально доступные всем и создавая социальную организацию, исключая такую доступность фактически, правящие силы человечества обрекают на непреходящие страдания подавляющее большинство людей и превращают тех, кому перепадают достаточно большие доли благ, в гнусных тварей, пожирающих эти блага и охраняющих свои привилегии. Достижения гуманизма прошлых веков превращаются в орудия идеологического оболванивания упомянутого большинства в интересах благополучного меньшинства. Последнее выделяется из массы людей и возвышается над ней в качестве сверхлюдей.

Второй из упомянутых выше аспектов – образование уровня социального бытия, который довольно часто называют виртуальным. Поясню, что это такое. Я называю виртуальными действиями одних людей, совершаемые с целью произвести желаемое (и планируемое заранее) воздействие на сознание и чувства других людей. Именно этой целевой установкой они отличаются от прочих действий, которые я называю сущностными. Виртуальные действия, будучи действиями в самых различных сферах человеческого объединения, выполняют идеологическую функцию. В человеческой истории этот изначальный аспект социального бытия

развивался, обогащался, разрастался, вырабатывал свои средства и профессионалов, приобретал все более важное значение. Он включает в себя игры, театральность, имитацию, обман, ритуалы, церемонии, обряды, этикет, символические события, юбилеи, конференции, речи, приемы, показуху, массовые мероприятия и т.п. Сейчас аспект виртуальности достиг таких масштабов и приобрел такое значение, что провести четкую грань между ним и другими аспектами (сущностными) невозможно. Виртуальные явления становятся важнее сущностных – происходит вообще виртуализация всей общественной жизни. Проблема «быть или слыть?» все более решается в пользу «слыть», причем в форме «быть – значит слыть».

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАПАДА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных западных «национальных государств». Это есть социальное образование более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые «национальные государства», но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и ещё находится в стадии формирования. Оно не есть нечто гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Например, происходит интеграция европейских стран, имеющая стремление к независимости от США. Но общезападный интеграционный процесс все же доминирует.

Процесс интеграции западных стран в единое социальное объединение происходит как «вертикальное» структурирование самих этих стран и всего западного мира в целом. Заключается это структурирование в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по которым организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Из них уже сложилось своего рода общество второго уровня, или сверхобщество, возвышающееся как «надстройка» над обычными обществами и фактически подчиняющее последние в основных аспектах их жизнедеятельности.

Процесс интеграции стран Запада происходит одновременно с процессом, получившим название глобализации. Считается, что в результате глобализации образуется глобальное общество. Последнее понимается

как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего (планетарного!) размера. И образуется оно якобы на благо всего человечества, как бы само собой, в силу мирового прогресса в науке, технике, культуре, экономике и т.д. Такое понимание есть не просто теоретический идиотизм. Это – преднамеренная идеологическая ложь, идеологическая апологетика мировой западнистской (прежде всего – американской) агрессии.

На самом деле современное человечество явным образом разделяется на западный мир и прочее человечество. Отношения между этими частями человечества являются совсем не братскими. Ни о каком равенстве тут и речи быть не может. И роли их различны. Сама идея «глобального общества» есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению – такое стремление появляется чрезвычайно редко, – а желание определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего – США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея «глобального общества» – лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Осуществляет глобализацию сверхобщество, о котором говорилось выше. Оно контролирует большую часть всех мировых ресурсов. Оно опутало своими «щупальцами» всю планету. В его жизнедеятельность уже вовлечено более ста миллионов человек. Оно имеет сложную и ещё совсем не изученную на научном уровне структуру. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных, идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты.

В ходе «холодной войны» это сверхобщество выработало стратегию покорения человечества. Основу её образует то, что я называю западнизацией покоряемых стран и народов. Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующим таковые) в западных странах. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная,

бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, – так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизиремым народам, – и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем. Это – на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить к западному миру не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Была разработана тактика западнизации. В неё вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать её. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Расколоть население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизиремой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизиремой стране в той мере, в какой это способствует разрушению экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизиремой страны от язв её прежнего образа жизни.

Одной из черт западнизации является якобы мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт, не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве. Войны против Афганистана, Сербии и Ирака достаточно убедительно говорят об этом.

Важно иметь в виду, что ориентация Запада, о которой говорилось выше, не есть дело некоего субъективного произвола и беспричинного злого умысла. Она сложилась в силу внутренних объективных социальных законов западнизма в исторически сложившихся конкретных условиях. Запад просто не в силах отказаться от этой ориентации. И если бы вдруг представилась возможность для этого, то изменение этой ориентации привело бы Запад к глубокому всестороннему кризису и к исторической гибели.

Рассматриваемая ориентация Запада не могла не сказаться на его внутреннем состоянии. Отмечу одну очень важную переменную на этот счет. Считается, что с крахом советского коммунизма человечество

вступило в посткоммунистическую эпоху. Но ограничиться этим при характеристике наступающей эпохи нельзя. Надо добавить ещё и то, что человечество вступило в постдемократическую эпоху. Демократия сыграла свою роль орудия западного мира в его борьбе с миром коммунистическим в «холодной войне». С крахом второй сверхдержавы планеты – Советского Союза – планета стала «однодержавной», или «однополюсной». И демократия стала ненужной хозяевам западного мира. Более того, она стала мешать им в стремлении к мировому господству. Началось стремительное падение западной демократии на всех уровнях и во всех сферах стран западного мира. Наметилась сильная тенденция к всеобъемлющему тоталитаризму. Я называю его западнистским тоталитаризмом.

Эволюция западного мира к тоталитаризму скрыта мощным покровом идеологической и пропагандистской дезинформации и лжи, которые превосходят таковые времен гитлеризма как по техническим средствам и масштабам, так и по интеллектуальной изощренности и лицемерию. Западный воинствующий тоталитаризм рядится в одежды гуманизма, демократии, борьбы за права человека, справедливости. А по существу, по своим делам и их последствиям, он страшнее и опаснее тоталитаризма гитлеровского толка, ибо не обнажает себя, глубже, не встречает серьезного сопротивления, масштабнее, располагает неизмеримо большими средствами, имеет поддержку большинства народов западного мира и народов сферы западного влияния, которые идеологически оболванены или подкуплены западными подачками.

Можно утверждать и нечто большее. Самый мощный взлет западного мира во всех аспектах жизни людей на основе западнизма имел место во второй половине двадцатого века, когда его глобалистские устремления ограничивались противодействием ему мира коммунизма, и имела место конкуренция с последним. С окончанием этой эпохи замечается тенденция к общему спаду в западном мире. Я бы даже сказал, что есть основание констатировать наступление нисходящей ветви социальной эволюции человечества. Не случайно западные идеологи заговорили о «конце истории».

БОМБА ЗАПАДНИЗАЦИИ

Считается, что самое мощное средство массового уничтожения людей и разрушения – это ядерное оружие. Однако это убеждение уже превратилось в заблуждение. Существует средство неизмеримо более мощное. Это средство – западнизация.

Преимущества западнизации перед ядерным оружием неоспоримы. Посудите сами! От применения ядерного оружия западные страны сами могут пострадать – вдруг воздушные потоки повернут в их сторону и принесут

вредные для здоровья радиоактивные осадки! А от применения западнизации никакие воздушные потоки не страшны, ибо все её последствия остаются там, где она применяется. Ядерное оружие противник тоже может изобрести и применить против западных стран. А применить западнизацию против самих западных стран противник никак не сможет – они и без того западные, и у них благ западной цивилизации у самих в избытке, самим их девать некуда, потому и выбрасывают их прочим народам. Ядерное оружие стоит огромных денег. А западнизация стоит пустяки, а со временем даже прибыль приносит. В случае ядерного оружия применяющие его приобретают скверную репутацию убийц миллионов незащищенных людей. В случае же западнизации применяющие её народы и страны приобретают репутацию благодетелей рода человеческого, спасителей от ужасов всяческих тоталитарных режимов. Наконец, чтобы изобретать, производить, сохранять и держать в боевой готовности ядерное оружие, а также, чтобы его применять, нужно во всем этом деле занять огромное число своих граждан. А в случае западнизации всю основную и трудоемкую работу можно взвалить на самого противника – как показал опыт, противник делает её добровольно и с удовольствием.

Что касается разрушительной силы, то ядерное оружие в сравнении с западнизацией выглядит так же, как дубина дикаря в сравнении с водородной бомбой. Причем эффективность западнизации не зависит ни от каких природных и социальных факторов. Она одинаково эффективна в тропиках и в тундре, зимой и летом, в период экономической депрессии и бума, в условиях политического кризиса и стабильного правительства, в отношении сотни тысяч людей и в отношении сотен миллионов.

В течение буквально нескольких лет благодаря «бомбе западнизации» в России под вопли «ура!» были разрушены все эпохальные достижения советского общества, создававшиеся в течение семидесяти лет усилиями миллионов людей в неимоверно трудных исторических условиях. Причем сделано это было по инициативе самой высшей власти и руками самих советских людей, охваченных манией переделки своего общества по западным образцам.

«Бомба западнизации», взорванная в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества. В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор ещё не удавалось сделать никаким завоевателям и ни с каким оружием. Будучи предназначена (по замыслу изобретателей) для поражения коммунизма, «бомба западнизации» в практическом применении оказалась неизмеримо мощнее: она разрушила могучее многовековое объединение людей, ещё недавно бывшее второй сверхдержавой планеты и претендовавшее на роль гегемона мировой истории, до самых его общечеловеческих основ, не имеющих отношения к коммунизму. Запад с помощью этого оружия одержал самую грандиозную в истории человечества победу, предопределившую, на мой взгляд, ход дальнейшей социальной эволюции на много веков вперед.

В результате взрыва «бомбы западнизации» в России на скорую руку был сляпан социальный строй, который я называю постсоветизмом. Это –

явление исторически новое, не имеющее аналогичных прецедентов в прошлом и складывающееся буквально на наших глазах. Детальное социологическое исследование его есть дело будущего. Тем не менее основные черты можно наблюдать уже сейчас.

Постсоветизм начал формироваться в России не в результате естественноисторического и имманентного для России процесса, а как нечто чужеродное российскому населению и его историческим, природным и геополитическим условиям, насильственно навязанное россиянам сверху (кучкой людей, ставшей «пятой колонной» Запада и захватившей высшую власть) и извне (под давлением со стороны сил Запада и по их указке). Он создавался как гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма (феодализма).

С советизмом Россия прожила более семидесяти лет. И как бы к нему ни относились строители новой социальной организации России, советизм стал и будет в дальнейшем одним из решающих факторов в определении типа создаваемой ими социальной организации. Происходит это не в силу каких-то субъективных пристрастий. Таких пристрастий нет. Происходит это в силу объективного социального закона социальной регенерации. Заключается он в следующем. Если разрушается социальная организация человека, но при этом сохраняется человеческий материал, основы его материальной культуры и другие явления, необходимые для выживания (например, природные условия), то новая социальная организация, создаваемая на остатках разрушаемой, оказывается по ряду важнейших (определяющих) признаков близкой к разрушаемой.

Черты советизма в постсоветском социальном гибриде заметны даже без специальных социологических исследований для тех, кто в какой-то мере знаком с советизмом. Президентская власть копирует власть советского «Кремля», причем даже сталинского периода. Президент имеет тенденцию превратиться в вождя, заботящегося о нуждах всего «трудового» народа. Он опирается на силовые структуры, назначает угодное ему и подконтрольное ему правительство, стремится к контролю за прочими сферами общества, стремится апеллировать к массам (к «народу») непосредственно, минуя якобы враждебных «народу» и коррумпированных чиновников-бюрократов (телевидение на этот счет – дар истории).

Значительная часть граждан живет и добывает средства существования фактически по-советски. Это «бюджетники». В советские годы эти категории граждан составляли основную часть работающего населения. Постоянно возникают чрезвычайные ситуации, преодоление которых требует коммунистических методов решения социальных проблем. Имеют место проблемы, требующие не просто сильной государственной власти, но власти, действующей методами, подобными тем, какие были характерны для власти советской. Это проблемы борьбы с преступностью, с нищетой и с детской беспризорностью, организации образования, вооруженных сил, ВПК, разведки, международных операций и т.д. Я уж не говорю о том, какое важное место в постсоветской России занимает культура, накопленная за советские годы. Это культура высочайшего мирового уровня. Она пронизана советизмом,

составляет его неотъемлемую часть. И полностью очистить её от советизма не удастся никогда.

В советской России, в каком бы она состоянии ни находилась, никаких серьезных предпосылок для западнизма не было. Он стал насаждаться в России искусственно, насильственно, усилиями высшей власти. Стал насаждаться после антикоммунистического переворота теми россиянами, которые захватили в стране политическую власть. Западнизм стал насаждаться по западным образцам и под давлением со стороны сил Запада. Причем стал насаждаться в том виде, какой был желателен в интересах Запада, а отнюдь не России. При этом умышленно игнорировались конкретные условия России, ибо целью сил Запада было и остается ослабление России и превращение её в зону для своей колонизации.

Если ингредиент советизма появился в постсоветизме в силу объективного социального закона вопреки воле и желаниям творцов постсоветизма, то ингредиент западнизма, наоборот, появился тут в соответствии с волей и желаниями борцов постсоветизма, но в нарушение объективного социального закона адекватности социальной организации человеческому материалу, материальной культуре, природным условиям и историческим традициям страны. Западнизация России в том виде, как её стали осуществлять творцы постсоветизма, очевидным образом не соответствовал упомянутым факторам. В результате её получилась не западнистская социальная организация, а лишь нечто похожее на неё по некоторым чертам (приватизация, многопартийность, подобие рынка и т.п.), т.е. лишь имитационная форма.

В третьем ингредиенте гибрида постсоветизма сочетается действие объективного социального закона, который я называю законом социальной деградации, и стремления части реформаторов во главе с президентом реанимировать некоторые явления дореволюционной России (в основном – российского феодализма), причем, игнорируя при этом социальный закон адекватности, о котором я упомянул выше. Закон социальной деградации заключается в следующем. В случае разрушения социальной организации человека с сохранением факторов, о которых я упомянул при формулировке закона социальной регенерации, вновь создаваемая социальная организация воспроизводит некоторые важные черты социальной организации более низкого эволюционного уровня, исторически предшествовавшей разрушенной. Иначе говоря, при этом происходит снижение эволюционного уровня социальной организации. В истории России советской социальной организации предшествовала феодальная. Так что было бы удивительно, если бы какие-то явления российского феодализма не стали возрождаться.

Закон социальной деградации в постсоветской России проявляется как реанимация православия, дореволюционных названий, обычаев, явлений культуры, идей монархизма и великодержавности и т.д. В значительной мере (если не главным образом) это делается искусственно, сверху. Сами по себе явления дореволюционной России не возродились бы. Они не столько возрождаются, сколько изобретаются вновь. Изобретаются как идеализация (т.е. фальсификация) прошлого в качестве средства против советизма (коммунизма), как отрицание того эволюционного

прогресса, какой имел место в советское время. Тут происходит беспрецедентная историческая деградация, буквально падение с вершины прогресса в пропасть прошлого.

Характерной чертой постсоветизма является буквально расцвет имитационности, показухи, виртуальности (как теперь говорят). В стране вроде бы необычайно много делается для того, чтобы навести порядок, долженствующий обеспечить возрождение, подъем и процветание страны. Но в основном – по видимости. В реальности происходит, с одной стороны, неуклонная деградация во всех основных аспектах жизни общества. А с другой – разрастается и процветает показной, театральный, виртуальный аспект жизни, имитирующий подъем, освобождение, возрождение России. Чем глубже деградирует страна, тем помпезнее и ярче становится имитационная маскировка деградации. Падение в бездну имитируется как взлет в небеса.

Важнейший результат постсоветизма – новая структура населения. Десятки миллионов людей брошены на произвол судьбы, обречены на вымирание. Им нет места в новой России. Формируется класс состоятельных граждан и граждан с высоким положением, дающим высокую плату. Богатство занимает место гарантий, имевших место в советские годы. Состоятельные слои захватывают посты в системе власти и управления и в других сферах, давая детям лучшее образование и используя личные связи. С другой стороны, лица, занимающие более или менее высокие посты, используют их для приобретения собственности и увеличения богатств. Армия и силы внутреннего порядка превращаются в органы охраны богатых и преуспевающих, получая за это какие-то привилегии сравнительно с низшими слоями населения. Возрождается религия и церковь для выполнения той роли, какую она играла в дореволюционной России. Она сама становится привилегированной частью населения, богатеет за счет высасывания соков из одуроченной части сограждан и предоставляемых государством льгот и поддержки. Она становится крупным собственником. Разрастается класс частных мелких предпринимателей. Все большую силу приобретает верхушка частных бизнесменов – финансовых олигархов и владельцев огромных предприятий. Они становятся сверхвластью общества.

Доминирующей тенденцией эволюции страны стала тенденция к упадку. Упадок идет по многим линиям. Если каждую линию взять по отдельности, то кажется, что упадок по ней можно остановить и сделать так, чтобы начался подъем. Такое можно сделать по нескольким линиям. Но когда одновременно упадок идет по десяткам и даже по сотням линий, то в стране просто не найдется сил не то чтобы охватить их все, а даже для того, чтобы как-то замедлить и ослабить суммарный упадок. Далее, в современных условиях на планете для эволюционного подъема требуется все больше материальных и интеллектуальных средств и усилий. Но именно в этом отношении в России идет процесс противоположный. Имеющиеся потенции и богатства либо остаются неиспользуемыми, либо используются именно как факторы упадка. Например, Россия является самой богатой обладательницей природных богатств. А как они используются?! Россия все более превращается в сырьевую базу для Запада. А как используются интеллектуальные и творческие ресурсы России?! Я не знаю другого большого народа в мире, который так холуйствовал бы перед всем

западным и был бы так враждебен к своим гениям, которые могли бы стать национальной гордостью и точками роста именно социального прогресса. И даже вспышка русского национализма в последнее десятилетие имеет результатом ориентацию России не в будущее, а в прошлое.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО

О будущем люди думали и говорили испокон веков. Но говорить и думать о будущем социальном строе человеков люди начали сравнительно недавно. Первыми мыслями такого рода, оставившими заметный след в истории человечества, были домарксовские коммунисты и социалисты (Мор, Кампанелла, Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие). И самый значительный шаг связан с именем Маркса. Он стал родоначальником самой грандиозной идеологии социального будущего человечества. Более чем на столетие эта идеология овладела умами и чувствами многих миллионов людей на планете, оказав огромное влияние на социальную эволюцию западного мира и всего человечества.

После Второй мировой войны на Западе оформилась особая сфера сочинительства, получившая название футурологии. Назову её характерные черты. Футурологи не считаются с объективными закономерностями социальных явлений и со свойствами конкретных человеческих объединений. Человечество рассматривается как нечто социально однородное. Выделяются лишь отдельные аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, которым дается тенденциозная интерпретация, и будущее общество изображается так, как будто вся жизнь в нем крутится вокруг этого. Предсказания касаются частных и второстепенных явлений. Предсказания же большого социального масштаба являются заведомо вздорными. Преобладают методы идеологии, развлекательства и бизнеса.

Вот что, например, предсказывает один из футурологов. Производство и распределение жизненных благ будет осуществляться устройствами, управляемыми компьютерами. Гражданам будет гарантировано основное содержание (оклад). При этом каждый сможет зарабатывать сверх этого гарантированного минимума по своим потребностям. Все предсказания такого рода суть лишь перефразировка марксистских обещаний общества, в котором люди будут иметь жизненные блага по потребностям, причем – безденежно. Один футуролог предсказал, что к середине XXI века все обитатели планеты будут сыты и будут иметь бесплатное медицинское обслуживание. Если бы в восторженных отзывах на его книгу не сообщили, что он – один из богатейших людей Европы, то можно было бы подумать, что эту книгу сочинил специалист по «научному коммунизму» ещё в сталинские годы в Советском Союзе.

Коммунисты не просто высказывали идеи относительно устройства человеческих объединений в будущем, но и выдвигали проекты переустройства реальности в соответствии с их идеалами. Особенно отчетливо это выразил Маркс. Он превратил проблему думания о будущем в проблему делания будущего по заранее придуманному проекту. Мыслители, говорил он, до сих пор стремились объяснить мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его. Маркс и его последователи (особенно Ленин) разработали программу и стратегию преобразования социальной реальности по своему проекту. И как бы мы ни оценивали марксистский «научный коммунизм», коммунистическое общество возникло в реальности, и вклад марксизма в это является наиболее значительным.

Западные футурологи и в этом отношении последовали примеру марксистов. Они занялись не только прогнозированием будущего, которое им представлялось, естественно, не в коммунистическом, а в западообразном виде, но также разработкой проектов будущего и стратегии их осуществления. Коммунистический проект видел причину всех зол в социальном строе западных стран, видел спасение от этих зол и достижение всеобщего благоденствия в новом социальном строе, главный источник достижения этого – в совершенствовании социальных отношений, человека и условий труда. Футурологические проекты игнорируют социальный строй вообще или обращают внимание лишь на его отдельные проявления, оставляя без внимания их причины. О переделке социального строя в них нет даже намеков – этот строй предполагается вечным и в основе своей неизменным. Главное средство преодоления всех зол и установления всеобщего благоденствия усматривается в научном и техническом прогрессе. Они исходят из убеждения, будто западный мир обладает технической и экономической мощью, достаточной для осуществления задуманных проектов.

Коммунистический проект сыграл идеологическую роль в возникновении коммунистических обществ, причем роль значительную. Роль футурологических проектов в делании будущего равна нулю. Фактически будущее человечества делается по проектам, ничего общего с футурологией не имеющим. Эти проекты составлялись и составляются в учреждениях сверхвласти, руководящих глобализацией, и обслуживающих их организациях. И роль их – не идеологическая, а сугубо деловая. Они суть средства планируемой и управляемой социальной эволюции человечества.

Все известные теории социальной эволюции исходили из явного или неявного взгляда на эволюцию человечества как на стихийный, не планируемый, неподконтрольный воле и сознанию людей естественноисторический процесс. Этот взгляд сложился тогда, когда люди слишком мало знали о закономерностях своей собственной жизни и имели слишком мало средств оказывать заметное влияние на её эволюцию и тем более контролировать её. Силы человечества были ещё не настолько велики, чтобы допустить самую мысль о возможности сознательного управления ходом истории. Человечество было раздроблено на огромное число враждующих объединений, и мысль о мировом единстве выглядела неосуществимой утопией. Существовали регионы с высокой степенью автономности эволюции и эволюционно независимые регионы.

Но во второй половине нашего века ситуация на планете изменилась настолько радикально, что взгляд на эволюцию человечества как на стихийный (естественноисторический) процесс стал выглядеть как анахронизм. Человечество вступило в эпоху, когда эволюция его стала происходить в значительной степени не по своему капризу, не стихийно. Сознательный, планомерный и преднамеренный элемент в ней приобрел такую силу, что стал доминирующим во всем комплексе факторов эволюции. Теперь в эволюционный процесс стали вовлекаться такие гигантские массы людей и ресурсы, что субъективные факторы эволюции человечества приобрели качественно новое значение сравнительно с недавним прошлым. Неизмеримо возросла степень запланированности, изученности и осознанности социальных явлений и поведения людей, возросла степень контроля за ходом процессов и степень следования планам. Неимоверно усилились средства манипулирования массами людей, средства коммуникации и средства решения проблем большого масштаба. Возникли бесчисленные проблемы, которые в принципе не могут быть решены без участия огромных интеллектуальных сил и материальных средств. Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко сократилась сравнительно со степенью предсказуемости и запланированности. Все это в совокупности породило новое качество в самом характере (в типе) эволюции человечества.

Сказанное выше не означает, будто история стала жертвой субъективного произвола. Проектируемая и управляемая история имеет свои объективные законы, отличные от стихийного исторического процесса, но все-таки законы. И следствием этих законов является, как бы парадоксально это ни выглядело на первый взгляд, возрастание степени вынужденности социальных действий людей и степени предопределенности эволюции человечества. Творцы истории оказываются в гораздо большей мере детерминированными в своей деятельности по проектированию истории, чем ранее. Они сами управляются тем рулем истории, с помощью которого они управляют историей, в гораздо большей мере, чем их предшественники.

Рост сознательно-волевого аспекта вполне уживается с ростом степени принудительности и непослушности исторического процесса в целом ряде его аспектов. Если бы во власти людей было исключить преступность, нищету, инфляцию, безработицу, войны и прочие общеизвестные язвы современного общества, они сделали бы это. Но это не в их силах. Приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие, неподвластные им явления. Творцы современной истории упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло, исключая всяческими мерами неподконтрольные ответвления от основного течения. Тем самым они делают исторический поток предопределенным, а значит, уже не зависящим от их воли. Задача их сознательно-волевой деятельности сводится теперь к тому, чтобы достроить до конца единственное искусственное русло исторического потока, охранять его. Следить за тем, чтобы в нем не возникали трещины, чтобы какие-нибудь злоумышленники не проделали дыры в нем.

Средства массовой информации запугивали людей возможными последствиями вторжения в биологический механизм наследственности

людей и развития зародышевых клеток в зрелые механизмы. Но уже произошло нечто более страшное, а именно: люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества. Разрушительные последствия этого вторжения стали привычными буднями нашей жизни.

Не все то, что планируется и делается для осуществления планов, делается к лучшему, на благо людей. Человечество и входящие в него объединения людей не есть нечто однородное. Интересы людей и их объединений различны, зачастую противоположны. Проектируемость и управляемость эволюции в реальности осуществляются в борьбе враждебных сил, в пользу одних и во вред другим, причем с точки зрения интересов и соотношения сил в настоящем, не считаясь с последствиями в будущем. К концу двадцатого века в человечестве возобладали силы, которые направили социальную эволюцию по пути, ведущему к гибели человечества. Об этом говорят не только противники глобализации, но и её здравомыслящие апологеты.

Научное исследование современного западнизма и глобализации обнаруживает, что предотвратить эту гибель человечества возможно только в том случае, если возникнет достаточно мощная эволюционная альтернатива западнизму.

АЛЬТЕРНАТИВА ЗАПАДНИЗМУ

Западнизм в том виде, как он был описан выше, т.е. как целостная социальная организация, возник и достиг современного состояния совсем не по марксистской схеме. Исторически сначала появились антифеодальные идеи, сыгравшие идеологическую роль в подготовке и осуществлении западнистских («буржуазных») революций. На основе их завоеваний стали формироваться западнистская социальная организация западных человекеев. Тот факт, что частное предпринимательство, включая капиталистическое, появилось до этого, ничуть не противоречит сказанному: западные общества с точки зрения доминирующей социальной организации оставались феодальными (некапиталистическими и недемократическими). Западнистская идеология возникла как альтернатива феодальной. Реальный западнизм возник как альтернатива реальному феодализму. Это произошло в соответствии с реальными социальными законами.

Действие этих законов можно видеть и в случае коммунизма. В рамках западноевропейской цивилизации возникла коммунистическая (социалистическая) идеология. Она зародилась как антисобственническая и переросла в антикапиталистическую. Высшим уровнем её стал марксизм. В нем была описана коммунистическая социальная организация как альтернатива западнистской (капиталистической, по марксистской терминологии). Лишь в двадцатом

веке возник реальный коммунизм. Возник как реальная альтернатива реальному западнизму. Марксистская идеология сыграла в этом огромную роль, хотя реальный коммунизм возник не по марксистской схеме.

В том виде, как коммунизм сложился в Советском Союзе, он стал реальной альтернативой западнизму во всех основных аспектах жизни людей. Чтобы понять это, нужен научный подход к социальным объектам в самом строгом исполнении. Нужно выделить в реальном коммунизме то, что образует сущность его социальной организации, что обусловлено его объективными социальными законами, и отбросить то, что было исторически случайным, поверхностным, преходящим, обусловленным необычайно трудными условиями выживания и внешними влияниями и т.д. И само собой разумеется, необходимо отбросить все идеологические извращения как апологетические, так и враждебные. Иначе говоря, нужно понять коммунизм как реальность, но понять, используя научный метод выделения изучаемых объектов в идеально чистом виде. А это элементарное требование научного подхода к социальным объектам до сих пор дружно игнорируется.

Выше я описал основные черты социальной организации советского коммунизма. К сказанному могу добавить ещё следующее. Советский коммунизм был явлением в рамках западноевропейской цивилизации, он впитал в себя все лучшие достижения последней. Он развил их дальше в сфере социальных прав человека, гуманизма, образования, просвещения, культуры, нравственности, устремленности в будущее, ориентации на духовные ценности и т.д. Он выступил главным защитником достижений западноевропейской цивилизации от покушений на них со стороны фашизма и национал-социализма. Он долгое время был силой, сдерживавшей наступление американизма на Западную Европу. Последняя оказалась фактически беззащитной от американской агрессии после краха советского коммунизма.

К концу двадцатого столетия был разгромлен реальный советский коммунизм и была отброшена марксистская коммунистическая идеология. Торжествующий западный мир с его западнистской социальной организацией пошел по пути, который рассмотрен выше. Это не может не породить протесты, сопротивление, антизападнистские действия и поиски альтернативы западнизму. Я по этому поводу думаю следующее. Самая мощная и успешная альтернатива западнизму уже была в реальности – это советский коммунизм, или, иначе говоря, советизм. Никакая другая альтернатива не идет с ним в сравнение. Подобную роль не могут сыграть сохранившиеся коммунистические страны, включая Китай. Почему – эту тему я здесь не рассматриваю. Такая альтернатива не может возникнуть и путем реставрации советского коммунизма. Последний создавался в определенных исторических условиях в течение десятков лет. Он был сложнейшим социальным образованием. Чтобы восстановить его, мало отменить частную собственность на средства производства и национализировать все то, что награбили разрушители советского человека. Это – капля в море. Нужны ещё миллионы дел, для осуществления которых в современных условиях России (и других стран бывшего Советского Союза) нет ни людей, ни средств, ни времени. Да и Запад имеет достаточно сил, чтобы не допустить даже мало-мальски заметные попытки в этом направлении. Реставрировать советский коммунизм некому, зато более чем достаточно тех, кто

способен помешать. И нет идеологии, с которой можно было бы начать хотя бы первые шаги в этом направлении.

Реальная альтернатива западнизму может возникнуть только заново. Причем, она не может возникнуть сама по себе, стихийно. Она может возникнуть только как результат сознательно-волевой деятельности людей. И началом этой деятельности должно стать создание новой идеологии. Подчеркиваю: именно новой. Можно ориентировочно назвать её альтернативной. Я не хочу называть её коммунистической по следующей причине. Слова «коммунизм» и «коммунистический» приобрели в сознании людей настолько прочный дезориентирующий (негативный) смысл, что изменить его невозможно никакими разъяснениями. Почти все (за редким исключением), слыша или читая эти слова, заранее оказываются неспособными понять любые объяснения. Борьба с таким явлением бессмысленно.

Новая идеология априори окажется в такой ситуации. Как антизападнистская и как выдвигающая в качестве альтернативы западнизму идеал социальной организации, использующий позитивный опыт советского коммунизма, она будет восприниматься как преемница марксизма и советской идеологии. Но как исходящая из научного понимания реального коммунизма и западнизма, она должна выступить как преодоление марксизма и советской идеологии. Причем преодоление не как дальнейшее их развитие (модернизация), что исключено, а как отрицание. Тем самым новая идеология, будучи неприемлемой для западнистски настроенной массы людей, оказывается неприемлемой и для антизападнистски настроенной массы людей, мозги которых набиты марксистской идеологией и советской апологетикой (включая ностальгию по советскому прошлому). И тут уж ничего не поделаешь. Приверженцы новой идеологии могут появиться только из среды новых поколений.

Два фактора играют определяющую роль при создании идеологии: 1) субъективное отношение к наблюдаемой реальности; 2) познание этой реальности. Новая идеология, о которой идет речь, может возникнуть лишь на основе научного познания в самом строгом смысле слова «научного», а не на основе обывательского, хаотичного и дилетантского познания. Этот фактор из упомянутых двух главный. Но наука сама по себе не рождает идеологию. Идеологию создают особые люди. Одни и те же данные науки могут использоваться различно. Если идеологи используют науку, они выбирают в ней то, что соответствует их интересам и целям, причем придают материалу науки вид, какой считают нужным. Конечно, изучение науки может повлиять на симпатии и антипатии идеологов, на их интересы и цели. Но наука тем самым ещё не становится идеологией. Все равно должна быть проделана работа по созданию текстов, которые могут стать идеологией.

Выше было рассказано о том, какие именно научные тексты должны послужить интеллектуальным материалом для интересующей нас альтернативной идеологии. Определена и её субъективная направленность: отрицание западнизма (антизападнизм) и противопоставление ему в качестве позитивного идеала социальной организации такую, основные черты которой можно было наблюдать в Советском Союзе, т.е. черты советского коммунизма, или советизма. Повторяю и подчеркиваю: антизападнизм ни в коем случае не есть

негативное отношение к Западу как к совокупности конкретных стран и народов, подобно тому, как в свое время антифашизм не был негативным отношением к немцам и Германии. И изобретение позитивного идеала на основе изучения советской (коммунистической) социальной организации не есть апологетика всего того, что имело место в конкретной истории советского коммунизма и в конкретных коммунистических странах. Речь идет исключительно о типах социальной организации. Западнистская социальная организация, как она описана выше, признается как главный источник несчастий, обрушившихся на человечество к концу двадцатого и началу двадцать первого века, а советская (коммунистическая) социальная организация, точно так же, как она описана выше, признается как единственная альтернатива западнизму, с помощью которой можно остановить губительное направление эволюции человечества, навязанное западным миром и самому западному миру с помощью западнизма.

Тут принципиально важно понять следующее. В девятнадцатом и двадцатом веках людей приучили к мысли, будто эволюция человечества есть непрерывный прогресс. В реальной же истории прогресс в одних отношениях сопровождается регрессом в других – это неизбежная плата за прогресс. Периоды прогресса сменяются периодами регресса. Прогресс, достигнув определенного уровня, переходит в регресс и т.д. Возникновение советского коммунизма было колоссальным прорывом в социальной эволюции человечества, можно сказать – социальной мутацией. В этот период и в этом месте люди опередили «нормальный» ход эволюции более чем на столетие. Разгром советского коммунизма (буквально – физическое убийство) явился не менее колоссальной эволюционной деградацией. Россия была отброшена фактически в феодальное прошлое.

Нечто подобное произошло с западным миром в аспекте социальной эволюции. Само уничтожение эволюционного советского мутанта означало уничтожение социальной «точки роста» человечества. Избавившись от эволюционного конкурента. Запад немедленно распрощался со всеми социальными «завоеваниями», которых западные люди добились под влиянием реальных достижений советского коммунизма. Распрощались не только с явлениями социалистическими, но и в значительной мере с демократическими. Демократию не то что отбросили, а отодвинули на задний план, преодолели «сверху», создавая такие условия жизни в западном мире и на планете, что она оказалась поглощенной явлениями иного рода, недемократическими. Переход к постдемократической эпохе есть явление не политическое, а социально-эволюционное.

Катастрофальные последствия прогресса на основе западнизма общеизвестны – разрушение природной среды, моральная деградация, деградация духовной культуры, массовые эпидемии и т.д. С точки зрения уровня социальной организации, главным является то, что в переходе от уровня обществ («национальных государств») на уровень сверхобществ возобладали явления социальной деградации. Проявляется это в том, что решающую роль в социальной организации человечества стали играть образования феодального типа (семьи, кланы, группы сверхбогатых и т.п.) и физическое насилие. Образование западнистской империи с метрополией в США отбросило человечество в социальном отношении по крайней мере на столетие назад.

Одним из характерных проявлений социальной деградации человечества является тотальное помутнение умов. Колоссальный прогресс науки во второй половине XX века сопровождался не менее колоссальной деградацией в менталитетном аспекте человечества. Усилилась тенденция к мракобесию. Причем она стимулируется именно достижениями науки. Интеллектуальная деградация приняла такие формы и масштабы, что можно говорить об особых интеллектуальных болезнях и эпидемиях таких болезней. Расцветают всякого рода мистика. Возрождаются религии. Возникают сектантские учения религиозного типа. Массовый страх истины. Жажда чудес, каких-то нематериальных явлений и т.п. Особенно сильно поражена сфера социального мышления (о социальных явлениях). Россия сейчас в этом отношении догнала и перегнала Запад.

Эпоха просвещения закончилась. Началась эпоха мракобесия. И наука служит этому мракобесию. Раньше мракобесие шло от невежества, теперь оно идет от знания. А методы и цели – те же самые.

Компьютеры не избавляют от мракобесия, а, наоборот, помогают ему. Они избавляют от ума, примитивизируя интеллектуальные операции и избавляя людей от логических рассуждений. Борьба с новым мракобесием невозможно, ибо оно прикрывается достижениями науки и техники, имеет поддержку власть имущих, владеет всеми средствами воспитания, образования и массовой информации.

Короче говоря, многовековой прогресс западной цивилизации породил в конце концов физически могучего и интеллектуально примитивного мирового насильника.

Таким образом, речь идет не просто о сопротивлении негативным явлениям западнизма и западнизации. Такое сопротивление существует. Сопrotивляются уцелевшие коммунистические страны – Китай, Северная Корея, Вьетнам, Куба. Сопrotивляются страны арабского мира. Существует антиглобалистское движение в самих странах Запада. Существует такое движение и в России. И даже на уровне высшей политики время от времени вспыхивают протесты против агрессивных действий США и стран НАТО. Все эти явления влияют, конечно, на конкретные формы и ход глобализации. Но они не способны остановить её, ибо они не образуют глобальную и эпохальную альтернативу ей, подобную той, какую представлял Советский Союз и советский блок в период «холодной войны». Речь идет о том, возможно ли нечто подобное в наступившем столетии? Если возможно, в какой форме эта альтернатива реализуется, где и когда? Новая идеология и должна ориентироваться на то, чтобы дать ответ на этот вопрос. Причем ответ, обоснованный научным подходом к реальности, описанным выше.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Важнейшую часть марксистской идеологии образует учение об идеальном социальном строе, который противопоставлялся существовавшему тогда социальному строю (последний считался капиталистическим) в качестве средства избавления от его зол и борьба за которое объявлялась путем эволюции человечества к обществу всеобщего процветания и благоденствия, – учение о коммунистическом социальном строе. Марксисты называли его выражением «научный коммунизм». В реальности такого строя при возникновении марксизма не было. Он выдумывался так же, как выдумывались домарксистские коммунистические идеалы, – как общество, в котором не будет язв социальной реальности тех лет. Эти идеалы считались утопическими, в смысле неосуществимыми в реальности. В отличие от них марксистский идеал считался научно обоснованным и практически реализуемым. Не все, конечно, считали его таким. Но для последовательных марксистов это было догмой.

С возникновением Советского Союза и других коммунистических стран ситуация в отношении коммунистического социального идеала изменилась. С одной стороны, коммунистический идеал вроде бы реализовался, а значит, перестал играть роль идеала. Но в реальности получилось многое такое, что не предвиделось в идеале, и многое из того, что фигурировало в идеале, не получилось на деле. Марксисты в большинстве нашли выход из затруднения в том, что объявили получившееся лишь первой стадией коммунизма, а «полный» коммунизм отнесли в некое будущее. То, что не соответствовало идеалу, сочли пережитками капитализма. Устранение их отнесли точно так же к будущему «полному» коммунизму, который сохранял функции идеала в старом (дореволюционном) смысле. Многие приверженцы «настоящего» коммунизма заявляли, что социальный строй в Советском Союзе (и других странах) нельзя считать коммунизмом, что он якобы построен неправильно («неправильный коммунизм»), не по-марксистски. И к марксовскому идеалу относились так, так будто не прошло много десятилетий реальной истории, радикальным образом изменивших положение идеологии девятнадцатого века.

Несколько слов о самом понятии социального идеала. Есть донаучное (обывательское) понимание идеала как некоего мыслимого образца, который в принципе не может существовать в реальности (есть утопия в упомянутом выше смысле). К этому идеалу можно стремиться, но никогда достичь его нельзя. С точки зрения научного подхода к изучаемым объектам, идеал есть абстрактный образ этих объектов. В нем отражаются лишь некоторые признаки этих объектов. Если эти объекты существуют (реализуются), они обладают и другими признаками, не фиксируемыми в идеале. Это не означает, что идеал есть утопия. Если такие объекты не существуют, когда создается идеал, в нем могут фигурировать вымышленные признаки, которые не реализуются в случае возникновения этих объектов или реализуются не в том виде, как мыслились в идеале. Но это ещё не дает оснований утверждать, будто идеал не реализовался. В самом идеале надо различать признаки объектов по степени важности. И оценивать идеал с точки зрения степени реализуемости. Можно утверждать, что идеал не реализовался, если не реализовались наиболее важные признаки мыслимых объектов. Но можно утверждать, что идеал в той или иной степени реализовался,

если реализовались наиболее важные признаки этих объектов, и пренебречь теми, которые не реализовались.

Коммунистический идеал возник исторически в условиях, когда социальная реальность была совсем не коммунистической. Он возник как отрицание явлений этой реальности, которые создателями идеала воспринимались как зло и как источник этого зла. Идеал создавался как образ социального устройства, в котором этого зла нет и нет порождающего его источника. В том, как сложился реальный советский человек, определенную роль сыграл коммунистический идеал как компонент идеологии. Но роль сыграл не только он. Роль свою сыграли и многие другие факторы, включая объективные социальные законы и условия России, о которых упоминалось выше. В реальном советском человеке можно было видеть признаки, которые фигурировали в идеале. Но можно было видеть и признаки, каких в идеале не было, и даже такие, какие были противоположны фигурировавшим в идеале. Одним словом, советскую реальность ошибочно рассматривать как точное и полное воплощение в жизнь идеала. Но если выделить в советском человеке его социальный строй (в том смысле, как он описан выше, а не в марксистских и других сочинениях) и если считать основными признаками коммунистического идеала ликвидацию частной собственности на средства производства и частного предпринимательства, обобществление средств производства и природных ресурсов, ликвидацию классов частных собственников и ряд других признаков (они общеизвестны), то коммунистический идеал реализовался в этом смысле на самом деле. И что бы ни говорили приверженцы некоего «настоящего», «правильного», «полного» и т.п. коммунизма, во всем мире подавляющее большинство нормальных людей считало и считает советский социальный строй реализацией коммунистического идеала. Однако как коммунисты, так и антикоммунисты, игнорируя правила логики, не различали абстрактную социальную организацию советского человека (и других человек того же типа) и черты конкретного человека, сложившегося и жившего в конкретных исторических условиях. Антикоммунисты объявили источником всех зол, наблюдавшихся в Советском Союзе и других странах с такой же социальной организацией, реализацию коммунистического идеала. Фактически это заблуждение разделили и апологеты коммунизма, обещая в будущем «полном» коммунизме реализовать все прекрасные идеалы его и устранив все реальные дефекты советского образа жизни.

Реализация коммунистического идеала, какая бы она ни была, не могла не сказаться на судьбе самого идеала. К нему стали предъявлять иные претензии, чем в дореволюционные годы. Люди ожидали от коммунизма то, что обещали идеологи и правители. В реальности же они столкнулись не только с тем, что из обещанного осуществилось (а осуществилось самое главное!), но и с тем, что не осуществилось и что появилось вопреки обещаниям. Соблазнительный ранее идеал превратился в сознании масс людей в чисто формальную (навязываемую властями и идеологами) пустышку и предмет для насмешек. Реальная сущность нового социального строя осталась непонятой на научном уровне. Идеология закостенела в прежнем устаревшем виде. Коммунистический идеал утратил роль идеала в прежнем смысле.

Эта ситуация могла сохраняться как угодно долго без особых

катастрофических последствий для страны, если бы не был разрушен советский социальный строй. И тогда не возникла бы проблема новой идеологии. Но советский строй разрушен. Естественно, в сознании многих людей, которых не устраивает западнизм и постсоветизм, возникает проблема альтернативной им социальной организации, т.е. проблема социального идеала. Объективное научное исследование обнаруживает, что такой идеал возможен лишь как коммунистический. Но принципиальное отличие его от марксовского и домарксовского коммунизма заключается в том, что он должен быть не плодом воображения и субъективных желаний угнетаемых масс людей, а лишь результатом научного исследования колоссального практического опыта реальных коммунистических стран (Советского Союза в первую очередь) в течение десятков лет. Ориентация на этот опыт в корне меняет сам социальный тип идеала, его конкретное текстуальное содержание, сферу его распространения (пропаганды), механизм его воздействия и вообще весь комплекс явлений, так или иначе связанных с социальными процессами эволюционного масштаба.

Повторяю и подчеркиваю, создание такого социального идеала на основе научного изучения фактического опыта Советского Союза и других коммунистических (часто их называли социалистическими) стран ни в коем случае не должно быть идеализацией (приукрашиванием) советского периода нашей истории. Задача тут заключается в том, чтобы в индивидуальном (неповторимом) историческом потоке событий выделить то, что является непреходящим, универсальным, закономерным. Иначе говоря, вылепить сам тип социальной организации, законы которой суть одни и те же для всех времен и народов, где появляются соответствующие объекты и условия для их бытия. Кроме того, изучение советского опыта может стать лишь одним из интеллектуальных источников новой (альтернативной) идеологии, но не единственным. Другим источником должно стать научное исследование самого западнизма, в котором в силу объективных социальных законов развиваются антизападнистские тенденции, подобно тому, как коммунистические тенденции зародились и развились в рамках западноевропейской цивилизации.

При создании нового идеала надо принимать во внимание современную фактическую социальную структуру населения. Она не может ориентироваться на какие-то четко определенные классы или слои, как это было с марксизмом, ибо таких классов и слоев, которые можно было бы консолидировать хоть какой-то идеологией, просто нет в структуре современных человеков, включая западные страны и постсоветскую Россию. К тому же само идеологическое учение не может приобрести убедительность, если будет упрощено ниже некоторого критического уровня. Оно просто будет непонятно и несоблазнительно для большинства плохо образованных людей на низших ступенях социальной иерархии. Оно должно рассчитывать на социально неопределенное множество людей, которых не удовлетворяет западнизм в его современном виде и которые по крайней мере мало что теряют (или ничего не теряют и что-то выигрывают) от ограничения или даже разрушения его и от создания альтернативной социальной организации. Такого рода людей больше всего в среде учащейся молодежи, интеллигенции, государственных служащих, научных работников и т.д.

ПАРТИЯ БУДУЩЕГО

Допустим, что новое идеологическое учение создано. А станет ли оно фактически действующей идеологией, зависит от множества факторов, лежащих вне этого учения. Вот некоторые из этих факторов. Появятся ли люди, которые захотят иметь рассматриваемое учение в качестве основы для своей идеологии? Сумеют ли эти люди создать организацию, которая будет сохранять, улучшать, отстаивать и пропагандировать это учение? Сумеют ли они на основе этого учения выработать программу действий, подобную той, какую в свое время создали коммунисты во главе с Лениным? Сумеют ли они наладить понимание текущих конкретных событий в духе нового учения? Найдутся ли достаточно обширные и социально значимые силы в массе населения, которые добровольно станут объектом воздействия новой идеологии? Насколько способными пойти на жертвы ради защиты новой идеологии и достижения предлагаемых ею идеалов окажутся приверженцы этой идеологии?

Постсоветская реальность России с точки зрения этих факторов выглядит весьма неутешительно. Силы, не желающие появления новой идеологии, о которой идет речь, и способные помешать её появлению, огромны, а силы, желающие её появления и способные приложить к этому усилие, ничтожны, если они вообще существуют. Вся система образования и воспитания построена так, чтобы не допустить людей со складом ума, склонным к восприятию и пониманию новых, из ряда вон выходящих идей. Средства массовой информации, ставшие главным фактором, формирующим идеологическое состояние масс населения, беспрепятственно прививают людям с детства способ мышления, с самых основ исключаящий хотя бы мало-мальски научное понимание реальности и научных учений. Людям, которые хотя бы заинтересовались идеями учения, о котором идет речь, просто взяться неоткуда. Государству, отбросившему светскую идеологию и вставшему на путь возрождения религиозного мракобесия, новая светская идеология враждебна. Деловые круги в лучшем случае к ней равнодушны. Интеллигенция возглавляет процесс идеологической деградации страны. Так что новая идеология вряд ли может рассчитывать на заметный успех изолированно от западных стран. Она должна создаваться как явление интернациональное, а не узко национальное.

Чтобы идеологическое учение смогло выжить и сыграть заметную роль, должна появиться организованная группа людей, которые принимают это учение как свои убеждения и готовы посвятить свои силы защите и пропаганде его. Тут требуется историческое терпение, ибо такая деятельность может принести желаемые плоды лишь через много лет, возможно – десятилетий.

Если со временем число людей, принимающих новую идеологию, станет

достаточно большим, они могут создать партию, опирающуюся на эту идеологию, и выработать программу практической деятельности. Какой вид примет эта партия, это зависит от конкретных условий в мире, которые сложатся к тому времени, и от способности членов этой партии понять их и сделать практически целесообразные выводы. Но это – дело будущего, да и то лишь гипотетического. А пока с большой степенью уверенности на этот счет можно сказать лишь следующее .

Партия Будущего не должна рассматривать себя как представительницу интересов какой-то определенной части населения страны, каких-то угнетенных, эксплуатируемых, обездоленных и т. п. классов вроде пролетариата в марксистском духе. Это не значит, что такие категории членов человечества не существуют, – они существуют в изобилии. Но Партия Будущего должна предоставить представительство их интересов другим организациям, точно так же, как и использование этих категорий людей в интересах партии (например, использование их голосов как избирателей) . Она должна осознать себя прежде всего как особое объединение, имеющее одну цель: разработку новой идеологии (идеологии будущего), пропаганду её среди сограждан независимо от их социального положения, этнической принадлежности, пола, профессии и т.д., умножение числа единомышленников (людей, принимающих пропагандируемую идеологию) и объединение их в рамках этой цели для совместных действий.

Сам характер новой идеологии подсказывает, что наиболее вероятными приверженцами новой идеологии могут стать не представители низших слоев населения, а люди со сравнительно высоким уровнем образования, культуры, нравственности, интеллектуальных интересов и т.д., короче говоря – часть интеллектуальной, творческой и деловой элиты населения, склонная к индивидуальной оппозиции к существующему строю и образу жизни, замечаящая и в какой-то мере понимающая социальную сущность господствующего направления эволюции человечества, обеспокоенная губительными последствиями этой эволюции. Эти люди могут занимать более или менее высокое социальное положение, могут быть активными и даже преуспевающими в своей сфере деятельности. Партия Будущего в сложившихся на планете условиях может зародиться лишь на высшем уровне интеллектуально-творческой и нравственной жизни современных человечков (напоминаю, сверхобществ).

Партия Будущего не должна участвовать в мелочной общественно-политической суете в рамках существующей социальной организации. Не дело оппозиции такого уровня действовать на благо этой организации. У неё более значительная цель эпохального масштаба, а именно – положить начало борьбе человечества за социальный идеал, альтернативный западнизму.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

11.04.2008